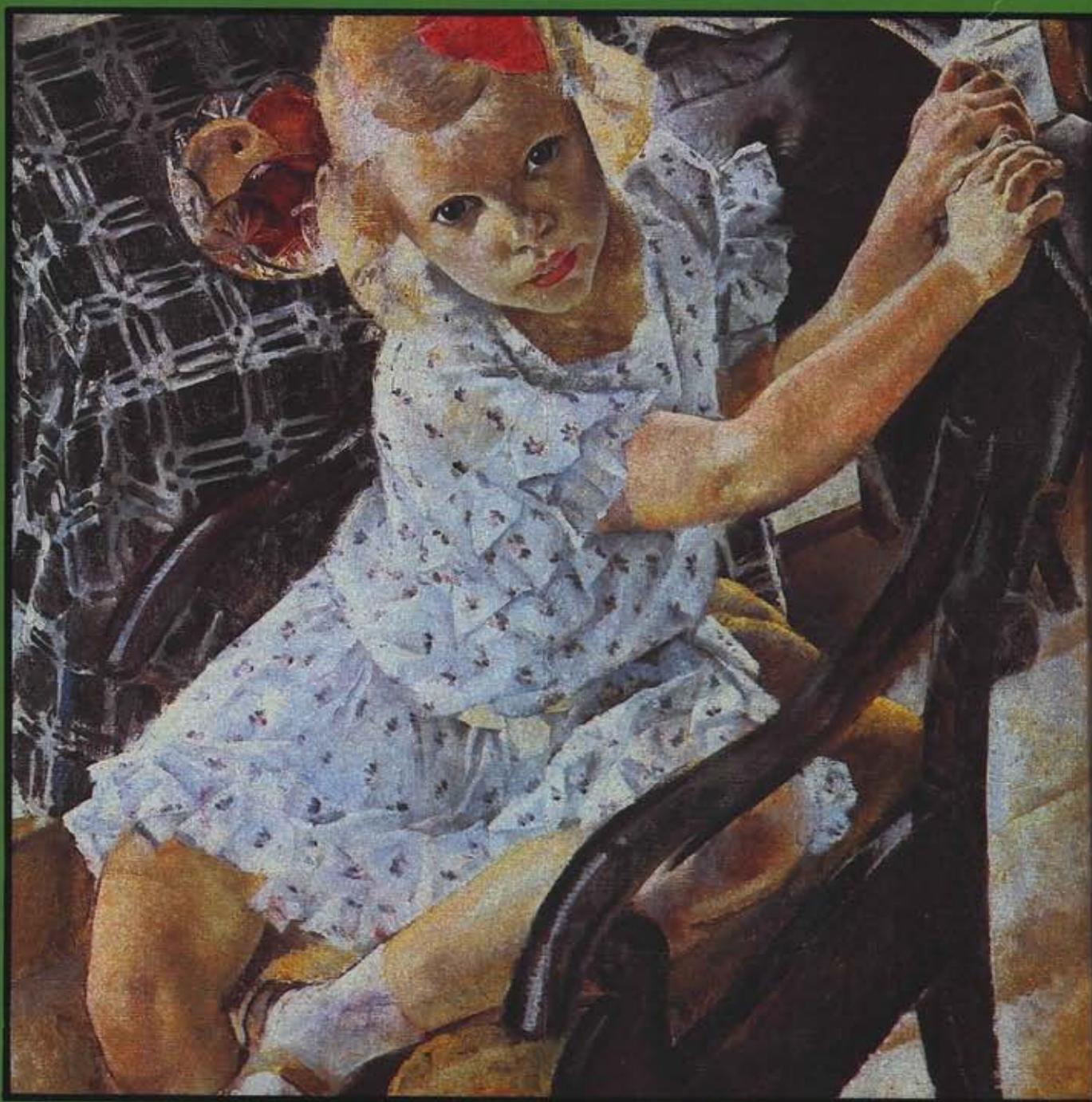

6 СМЕНА

МАРТ '87

Фрагмент картины Михаила Демидова «Девочка в колыбели».

55 000 книг — ребятам из детских домов
 Молодежная инициатива. Опыт реального дела
 Начальственные амбиции. Как с ними бороться?
 Юрий Нагибин. Литературный портрет Аксакова
 Михаил Демидов — вятский живописец
 Рассказы молодых писателей
 «Кроты». У кого крадет спекулянт?
 Фантастика. Джон Уиндем. «Отклонение от нормы»

ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫМ

ПОСТАРАЙТЕСЬ ИМ ПОМОЧЬ!

И вновь — уже в седьмой раз! — в дни весенних школьных каникул пройдет неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Ребята с нетерпением ждут встреч с молодыми писателями и актерами, художниками и музыкантами. Проводимая по инициативе Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ Неделя стала своеобразным смотром шефской работы в детских домах и школах-интернатах.

Встречи и откровенные разговоры с воспитанниками, которые, думается, одинаково интересны и гостям, и хозяевам, организация художественных выставок, проведение среди ребят конкурсов на лучший рисунок, лучшее исполнение песни, танца, чтение стихотворения, вручение детям книг с автографами авторов, произведений прикладного искусства — все это перестало быть редкостью. Но не маловато ли сегодня ограничиваться лишь дорогими подарками?

«Смена» не раз подчеркивала, что от молодых и талантливых мастеров творческого цеха в детских домах ждут реальной и желательно постоянной помощи в эстетическом воспитании. Такие примеры есть. Скажем, в Пермской области за каждым детским домом закреплено определенное учреждение культуры, то есть за шефство есть с кого спросить. А вот в Хабаровске в смешанном детском доме № 1 уже несколько лет действует школа искусств, в которой занимаются 90 из 110 воспитанников. Здесь поют в хоре, учатся балльным танцам, игре на фортепиано и духовых инструментах, рисованию, лепке. Здесь в музыкальной гостиной часто выступают артисты филармонии. Кстати, абонементы на их концерты покупаются за счет шефствующих предприятий.

Конечно, хорошо пригласить детей на спектакль, вами поставленный, затем вместе с ними поговорить о нем. Но еще лучше организовать в детском доме кружок или студию, где бы ребята смогли быть не только наблюдателями, но и активными участниками. Да, разумеется, создать театральный кружок хлопотнее, чем сводить детей на один спектакль. Но разве сравнишь первое и второе? Ведь в кружке юные артисты, еще совсем недавно далекие от театра, буквально начинают жить сценой.

Будет очень обидно и детям, и воспитателям, если Неделя окажется мероприятием для «галочки». Мы уже писали и еще раз повторим, что воспитанники детских домов и школ-интернатов будут рады видеть вас, дорогие друзья, все 52 недели в году.

Приходите к этим ребятам и постарайтесь их понять.
Постарайтесь им помочь!

ДОБРЫЕ КНИГИ

Постоянные читатели «Смены» помнят, что пять лет назад мы впервые обратились к ним с просьбой помочь собрать библиотеки для ребят из детских домов. Тогда на призыв редакции откликнулись тысячи людей разных возрастов и профессий, а результатом этой операции стали сто библиотек, созданных нами по всей стране.

Сейчас мы решили повторить операцию, вновь обратившись с призывом к вам, дорогие читатели. Это обращение было напечатано в № 9 журнала за прошлый год. И вновь в наш адрес пошли сотни, тысячи посылок, и вновь несколько кабинетов редакции от пола до потолка были заставлены посылками. В каждой — книги и очень теплые письма.

«Мы уже взрослые люди, — пишут члены клуба книголюбов «Искатель» из города Инты Коми АССР, — у нас есть дети, и потому желаем огромного счастья, успехов в учебе, чуткости и сердечности нашим незнакомым друзьям из детского дома или школы-интерната».

«На ваш призыв откликается семья Фисенко из Симферополя. Моя жена училась и воспитывалась в интернате и знает жизнь этих детей не понаслышке. Она после школы уже 16 лет работает в типографии, я же по профессии — художник-конструктор книги. В числе высылаемых в ваш адрес изданий, есть и фотоальбом, в создании которого довелось принимать участие. Будем рады, если наши книги понравятся детям».

«...Хочу передать детям личную библиотеку, около пяти тысяч томов, включающую художественную, научно-популярную, военно-спортивную, приключенческую литературу. Мальченко Яков Сергеевич, г. Западная Двина Калининской области».

«В этом году летом во время каникул, — пишет ученик 6-го класса Ильнур Бадертдинов, — я заработал в колхозе немного денег. Решил купить на эти деньги книги и отправить вам».

Очень много книг пришло от организаций. Так, Московский экономико-технологический техникум общественного питания передал в наш адрес более четырехсот книг. В комплектовании библиотек, как и в прошлый раз, редакции оказали большую помощь сотрудники республиканской юношеской библиотеки имени 50-летия ВЛКСМ.

Операция наша подходит к концу. Более пятидесяти тысяч книг уже отправлено в десятки домов Российской Федерации. К XX съезду ВЛКСМ эта работа будет завершена.

СВЕТ И БОЛЬ

Клейма-то нет...

Мучительно хотелось
и ныть и глядеться,
Ведь мы же плавали
в сущности, одно —
Нар единит дроздовское детство.
Хоть и гожусь им в матери давно.
Они растли много пролетелих,
Много времени.
Так вот она —
Наглядность подвига

и преступленья.
Их мать оспротыла, нас — война.
Нас были толпы, их же — единицы.
Они еще не ведают о том,
Что их и пленяют

с метками больницы
Мать из роддома бросила в детдом.
Что мать переступила через сына.
Как Черняк факт разбитого стекла,
Когда при выходе из магазина
Однорядки шкатулки не уберетла.
Я не могу представить эту ничиость —
Клейма-то нет, что видно за яврету.
И если с ней

на перекрестке встремусь
Едва ли за преступлицу сочту.
Клейма-то нет. И нет судебной кары.
И нет аналога среди зверей —
И вряд ли в снах

ей видятся кошмары
С подкяддышем, тоскующим по ней.
Когда раздались

первый плач младенца,
Они и не взглянула на дитя —
Глаза прикрыла краем полотенца
И смолкла под предлогом забелья.
Да не она ли

белоснежный сверток,
Просияний молока, любви, тепла.
От нянечки, из рук ее простертых,
На первое кормление не взяла?
Так ей ли убиваться о сыночке,
Так ей ли беспокоиться о том,
Что вместо отчества зняли точки
При сдаче мальчугана

в детский дом?
Ее уводит в ночь с чумного пира
Случайный и скучающий варяг —
Клейма-то нет.
А у народов мира
Ей нет определенья в словарях.

■
Снег замел листву и травы разом,
Сердце с неизбежностью мира.
Я и невооруженным глазом
Вижу приближенье декабря.

Неизбежность,
мерно подступая,
Тронула залива тончайшим льдом.
И пересекла черта живая
Лоб мой в обрамлении седом.

Но страдать не вижу оснований —
Неизбежность караулит всех.
Вышел снег

притом не слишком ралини,
Зная неизбега — выпал снег!

Пусть скрипит
в мерцании нечернем,
Отлынивая на шагг мох.
Снег был перным

детским обольщеньем
Сердца.
Был знаменем любви.

С той поры, ни много и ни мало,
Минувало ровно тридцать зим,
Множество огней поугасало.
Лишь огонь любви злугасил.

Действуй, время,
Ниметай сугроом,
Повторяя свой круговорот:
Что ж до неизбежности, добро бы
Его оказался Новый Год!

СНЕЖКИ

Припоминаю голопеды марта,
Когда идегонку мне бросил снежки
Малышничка,

что гасил огонь азерта,
Лишь отличая в классе у доски.
Я оглянусь, а он проходит мимо.
Принял сейчас же

безразличный вид,
Иль отвернется и невозмутимо
Совсем в другую сторону глядит.
Но почему-то мне от этих плутней,
От снайперских ударов по спине
На белом свете делалось уютней
И вредный мальчишк

виделся во сне.
И у доски, сражаясь за отметки,
От глаз его я отводила взгляд.
Следя,

как за окном на черной ветке
Сосульки то мерцают, то горят,
Расталл снег,
И в иных, весенних,
Ждала в четвертой четверти чудес,
Но горше из школьных потрясений
Меня постигло —
Мальчишк тот исчез.
Да как он смел!
С ума он спятил, что ли!
Какое дело играм предпочел?
А между тем

пронесся слух по школе,
Что станет он военным трубачом.
Исчез, чтоб мне
всю жизнь снежками бредить,
Чтоб снится мне,
веснушками дразня,
Исчез, чтоб никогда
меня не встретить.
Чтоб — не разочаровывать меня.

■
Что ж до неизбежности, добро бы
Поскользнулась где-нибудь она
И была в слепом припадке злобы
Хоть ненадолго отдалена.
В зеркале видны ее приветы,
А в судьбе не сходятся, хоть плачь,
Верные, казалось бы, ответы
При рошаньх извлеченных задач.
У меня не все еще в порядке,
Я должна себе и долг велик,
Мной еще не вынуты закладки
Из гандаровских потертых книг.
Даже для поездки в санаторий
Двух недель доселе не найду.
Я еще во власти каторгий
Максимальных, на свою беду.
Я еще по части компромиссов
Дерако норовлю не успевать.
Ловкачам в упор бросаю вызов,
Зная, что влустую.

(Как не знать!)
Руки чашутся внести в задачу
Исправление не по годам,
Этим вряд ли что переиначу,
Разве только детства не предаю.
Разве что наважусь в аптеку,
Разве что насмешку схлопочу,
Разве только датим на потеху
Вне урока двонку получу.

■
И, как в сказке Андерсена, кто-то
Достае огниво из дупла,
Чтобы чудесам не ледать счета,
Чтоб не ведасть радостям числа.
Чтоб глаза покалывало жалость,
А в гортани ком стоял, першл,
Чтоб воспоминаньем омывалась
Самая замшелая душа.
Пусть порою к нам жестоки судьбы,
Лишь бы в сердце

жертвенник не гас,
И тогда недремлющие судьи,
Наша дети, оправдают нас.
Будем жить с оглядкою на детство,
Доверять грядущему легко,
Избран для победы средства
Не из тех, что шепчут на ушко.
Не беда, что заросли тропинки —
Память знает, где течет река
С крошечной Дюймовочкой
в кувшинке,
Многу сшитою из лоскута.

Орленок

Глухой изолятор. Лежу в тишине,
Впадаю минутами в сон.
И дети для выздоровления мне
Решили прислать патефон.
Я слабой рукою его завела,
Надела пластинку на ось,
И плавного диска коснулась игла,
И тут-то со мною стряслось...
Послышался голос из тех голосов,
Которым неведом предел.
«Орленок, орленок!» —

мальчишеский зов
Стремительно в небо взлетел.
Горят горизонты зловещего дня,
Горят ковылиги стебельки,
Парнишку, лет на пять

постарше меня,
Ведут на расстрел белляки.
Палач ему руки скрутил за спиной,
Лицо изувачил и грудь.
Пылитса дорога, а ветер степной
Лохмотья пытается вздуть.
Я слушаю песню, я в голос реву,
Я вижу, как, в жизнь устремясь,
Боец перед смертью

глядит в синеву
И с птицей выходит на связь.
Я ставлю пластинку
раз десять подряд.

Как учатся к году ходить,
Учусь умирать.
А еще говорят,
Что прошлого не воскресить!
Неправда! Не надо болтать сгоряча.
Я вижу на каждом шагу
Того паренька, а его палача
Представить себе не могу.
Еще бы! Палач-то от нас позади,
Он в спину толкает штыком,
А я, обрвавевшись

до хрипа в груди,
Иду на расстрел с пареньком.
Я силу заимствую у паренька,
Погибшего среди ковылей,
Ведь от взбудораженного уголька
Костер полыхает сильнее.
Я знаю, враги не сломили его,
Сдались — оттого и убьют.
Боец до рожденья погиб моего,
А песню и ныне поют.

Фото
Сергея
Ветрова

МАМА ТОНЯ И 3000 ЕЕ ДЕТЕЙ

Виктор АНТОНОВ.
Фото Виктора ЧЕРНОВА
и Наби УТАРБЕКОВА

Рассказывают, как один бывший детдомовец, а ныне министр, вступая в должность, пришел к Хлебушкиной просить благословения. Верил ли он, что слово и легкая рука этой женщины принесут ему удачу на новом поприще, или просто захотел в ответственный момент поклониться удивительной матери?..

Вопрос любителям устного счета: сколько детей в семье, если внуков в ней в десять раз больше, чем правнуков — а пока их триста, а общее число тех и других равно числу детей?

Правильно, в семье этой три тысячи триста детей. Но годы идут, и семья растет. Поэтому писавшие в разное время об Антонине Павловне Хлебушкиной, директоре 1-го Комсомольского детского дома в Ташкенте, не повторяли друг друга в цифрах.

Да и суть, конечно же, не в них. Важней другое.

Это о воспитанниках можно сказать «нынешние», «бывшие». О своих детях, даже взрослых, так не скажешь, свои бывшими не бывают. В 42-м, только приняв детдом, Антонина Павловна привела сюда своего трехлетнего сынишку и показала: «Вот твои братья и сестренки». Так и рос Виталька детдомовским мальчиком, как все. И даже лучшей, чем у всех, одежды не покупала ему мать — у других же не было.

... Ты что, сынуля, так кричишь? — останавливается в коридоре Антонина Павловна.

Большоголовый первоклассник, всхлипывая, поднимается с пола:

— Чего он бьется?

Видю, как обидчик выглядывает из-за двери, ловлю себя на желании догнать его, восстановить справедливость. Директор удерживает меня взглядом.

— Иди ко мне, — ласково зовет обиженного, — давай поговорим. Что же ты, сыночка, такой грязный? Костюмчик не бережешь. А носочки чего не надел? Испачкал? Ну, пойдем со мной, вместе постираем твои носочки...

Все просто. Те, дети войны и голодных послевоенных лет, и эти, нынешнего, благополучного вроде бы времени, — ее дети. Жившие некогда в этом доме и разлетевшиеся по Союзу, они все равно с ней. И не только памятью сердца, фотографиями под стеклом на огромном письменном столе, на стенах музейной комнаты. Старшие из них давно уже сами родители, а кто и внуками обзавелся, но как прежде идут со своими проблемами к маме Тоне. Звонят, пишут, прилетают на праздники — в одиночку и семьями. И очередной внук, родившийся где-нибудь на Дальнем Востоке, знает, что в Ташкенте живет у него бабушка и он непременно поедет к ней в гости. Сколько их уже гостило у бабушки на даче! Кто проездом, а кто и неделями пропадает тут: живут вместе с воспитанниками,купаются в бассейне, загорают, но и работают на детдомовской плантации наравне с другими. Чувствуют себя здесь как дома — и ждут новых ка-
никул.

Подобные факты трогают, но у ревни-телей всяческих инструкций они вызы-вают лишь недоумение. Когда в детдом нагрянула однажды комиссия с провер-кой «по тревожному письму» и встрети-ла на усадебном участке народную арти-стку республики, солистку ансамбля «Бахор» Тамару Юнусову, то... Какой вопрос пришел бы вам в голову в подоб-ном случае? Какими судьбами к нам, Тамара Юнусовна? Или: как вам пля-шется-танцуется?

— Почему посторонние на террито-рии? — спросила проверяющая у ди-ректора.

— Да это же наша Тamarочка! — не без гордости произнесла Антонина Пав-ловна, надеясь, что теперь-то «ее Та-марочку» узнают. — Она племянницу привела показать свой детский дом...

— Ну и что? Какое она сейчас-то имеет отношение?

Что тут ответишь? Как объяснишь? Разве расскажешь, что было тридцать лет назад? Как страшно было им, детдо-мовским девчущкам, возвращаться вечерами после танцкласса с другого конца города, как мальчишки поочеред-но ходили встречать своих «артисток», как повара-кормилицы — тетя Таня и Саодат-опа — неизменно поджидали их с подогретым ужином. Разве такое забудешь?

Но это все сейчас к делу не относит-ся. Задача комиссии выяснить, не слиш-ком ли часто заходят в детский дом его бывшие воспитанники. А если да, то зачем и как сие отражается на нынешних

питомцах? Проще сказать, чего хотят все эти граждане — названная артистка, министр республиканского Минмонтаж-спецстроя Пулат Нугманов, директор ав-тобазы Владимир Хлебушкин и прочие (только в Ташкенте сорок воспитанни-ков детдома взяли себе фамилию Анто-нины Павловны)? Не пытаются ли они урвать для себя от завтрака Наташи или ужина Рамиза? И какое им всем сего-дня-то дело до бывшего своего дет-ского дома? Собственно, довольно бы и того, что сказала Тамара Юнусова: «Пусть у каждого есть квартира, но то свой дом, а этот — наш, родительский. Разрушь его, и мы сюда уже так не придем...»

Вот вам и средство избавиться от посторонних на территории: сломать прежнее здание и переехать в новое. Предлагался уже такой вариант, да жал-ко старого дома — слишком многое с ним связано. Строительство его — особая история, а следом тянется дру-гая — о том, как нашего директора едва не исключили из партии...

В 1947 году была Антонина Павловна в Москве, искала подрядчиков на строи-тельство. Всю войну детишки перебива-лись где придется. Да и после ютились в клубе, спали по двое-трое на одной кровати... Зашла и к знакомому по Таш-кенту начальнику главка Военпром-строя Средней Азии Копейко. Посочув-ствовал Василий Яковлевич и вышел из кабинета на минуту, предупредив, чтоб не трогала телефон — прямой к самому министру. Но только хозяин за дверь,

**«Секрет воспитания?
Его нет — надо просто быть
всем этим детям матерью...»**

сняла Хлебушкина трубку именно с этого аппарата. Решительности ей было не занимать (еще комсомолкой довелось в тридцатые годы повоевать с басмачами в Таджикистане). Переборолла страх и... напросилась к министру на прием.

— Ты и есть тот самый директор?— удивился министр, взглянув на Хлебушкину. — И как же ты с ними управляешься?

Выслушал Дыгай внимательно про то, как дрова зимой приходилось добывать и как платья меняла на лишний мешок картошки ребятишкам.

— И что же, никто не помер за пять лет? — переспросил министр.

— Ни один.

И предложил он ей тогда повторить все это на совещании руководителей строительных организаций.

• — Пусть и они услышат, что есть такой детдом, где живут дети погибших фронтовиков. Отцы их были героями, таким памятники ставят, а у детей своего дома нет. И посмелее, не стесняй-

ся — пусть начальники стыдятся, что до сих пор ничем не помогли...

Именно после того визита и начали строить дом, что стоит сегодня на улице Байнал-Минал. И тогда любимой сказкой малышни стала история о предстоящем вселении в новые хоромы. Неужели у каждого из них будет своя кровать, своя тумбочка и у каждого — свои тапочки?

Трудно представить нынешним детям, что самая большая мечта в детстве может быть такой скромной.

— Тогда мы знали, что новые ботинки — за хорошую учебу, за хорошую работу, — говорит Владимир Васильевич Хлебушкин. — Я на своих детей смотрю, нет у них тех стимулов. Трудятся, ленятся — все равно знают: им принесут на блюдечке. А жаль, ведь не готовы они к настоящей жизни...

Когда строительство дома заканчивалось и уже ожидалось великое переселение, кем-то было принято решение: здание отдать греческим репатриантам. Как бы поступили вы в этой ситуации на месте Антонины Павловны? А она подумала о том, что не сможет ничего объяснить детям, и приняла реше-

ние вселяться. Даже несмотря на недоделки. Телеграфировала об этом Дыгаю и даже успела получить от него ответ: «Решение поддерживаю». А чуть ли не на следующий день после переезда — звонок из ЦК Компартии Узбекистана и вызов к первому секретарю Усману Юсупову.

— В кабинет вошла уже без слез — прежде отревелась, — вспоминает теперь Антонина Павловна. — Тут же полковники стоят, все начальники стройуправлений. И началось:

— Это ты, Булочкина, натворила? Наломала дров!

Я поблдедела, партбилет в руке зажала. Ну, как, думаю, скажет сейчас: «Клади билет!».

— Да как же ты посмела-то?

— А мне разрешили, — говорю тихо, а сама чувствую, как заливаюсь краской.

— Что? Кто?

— Дыгай Николай Александрович...

Тут же связался он по телефону с Дыгаем, и тот подтвердил разрешение на переезд.

— Ну, Булочкина, твое счастье, — оттаял первый секретарь. — На новоселье-то позвешь?.. Вот что, товарищи, сегодня вечером чтобы все были с женами и подарками на новоселье в нашем Комсомольском детском доме...

С того времени и повелось: новогодняя елка у нас третьего января. И дети из прошлых выпусков, и видные люди Ташкента к нам в этот день приходят. Приезжайте, гостям мы всегда рады, — улынулась Антонина Павловна.

Своя история и у дачи. А с ней тоже не обошлось без везения. После землетрясения 1966 года дачу в Чопан-Ота у детского дома забрали кому-то под жильё, обещав со временем выделить другой участок. А потом, как водится, все не до того было. Целый год ходила Антонина Павловна на прием к председателю облисполкома. То просят еще ждать, то предлагают участок слишком далеко. Наконец один старичок из исполкома ей посочувствовал:

— Давно ходишь, смотрю, все никак не находишь. Что никогда не зайдешь к Кариму? Знаю тебя, знаю, что ищешь, знаю участок, поведем покажу.

Привез ее Карим-ока к участку на реке Каракамыш.

Глянула она и еще раз пожалела об утраченной даче с ее фруктовым садом; здесь же почти 10 гектаров неудобий — бугры, да овраги, да вековые талы в три обхвата.

— Не так смотришь, сестра. Участок выбракованный, знаю, — тем верней совхоз тебе его уступит. Речка — дети купаться будут, озеро — рыбу ловить. Дорога, город рядом — электричество легко тянуть. Поставишь насосы, водопровод проведешь, бугры сровешь — овраги засыплешь. Руки все сделают. Будет желание — все будет, большой сад будет...

После у Антонины Павловны не раз спрашивали: как удалось отхватить ей такой чудесный участок? «Повезло», — смеется она. Ее иногда в шутку так и зовут за глаза — «помещица». Да тут и впрямь целое поместье, и чего только нет! Черешня, вишня, персик, айва, яблоки, на грядках клубника, огурцы, на полях помидоры, капуста... (И за многоточием много всего: арбузы, сладкая редька, морковь, баклажаны.) И все с размахом: в пудах и тоннах — одного варенья варят центнерами, капусту квасят десятками бочек. В столовой арбузы не переворачиваются: летом — свежие, зимой — соленые. Сколько сил все это требует — и душевных и просто физических — говорить не приходится. Но потрачены они не зря — и не только в смысле роста урожайности. Тут урожай другой пробы: этим детям никто не твердит о трудовом воспитании, они просто воспитываются трудом.

Но вы ошибетесь, если подумаете, что дети днюют и ночуют на работе. Нет, ездят на дачу, на свой участок, по очереди и только те, кто успешно учится и быстро справляется с домашними заданиями. Поездка сюда — поощрение, а значит, еще один стимул хорошей учебы.

Вот бы такой да некоторым домашним детям...

На эту дачу мы ехали на автобусе, подаренном шефами. Ехали мимо кварталов, отстроенных после катастрофы шестьдесят шестого года, — каждый дом на свой манер, ведь строили их разные республики. И вспомнилась директору история пятилетней давности, когда Комсомольский детский дом готовился отметить свое сорокалетие. Ожидали большого приезда «старичков» прошлых выпусков со всего Союза. Обратилась Хлебушкина за помощью к тогдашнему секретарю райкома партии. И что же? Он попытался вовсе запретить проведение встречи, увидя во всем этом лишь нежелательное скопление народа: неизвестно, где прибывающих разместить, как их кормить (город переполнен — разгар летнего сезона).

«Что же сказать детям? — подумала Антонина Павловна, уходя от секретаря. — Что они заблуждались, считая детский дом родным своим домом? Что это обычное детское учреждение, а сами они не братья и сестры, она же им просто воспитательница... Да в это бы никто из них не поверил, зачем же говорить? Надо думать, как обойтись своими силами». «Ничего, мать, — успокоили ташкентские дети, — встретим, как надо». И обошлись — чего не сделаешь для родных-то! И расселились, и голодным никто не остался: плов, шурпа, пельмени — всего наготовили ради такого праздника. И странной показалась сама мысль, что праздника могло не быть...

Над воротами дачи крупными буквами написано «Радость». Ребята сами дали ей это имя. Что ж, им лучше знать. Конечно, тут сад, бахча, всюду кусты роз. Но не только же из-за этого — «Радость»? «Ваши дети совсем не похожи на сирот, — писали Хлебушкиной побывавшие тут ленинградки, сами выросшие в детдоме. — Нет у них той грусти в глазах, по которой сразу узнаешь воспитанников...»

Думал: в чем же секрет Хлебушкиной как воспитателя? Как удается ей — тихим словом, одним лишь присутствием — справляться со своим многочисленным семейством?

Когда-то показателем благополучия семьи считались крепкие стены да чтоб все дети были обуты-одеты, сыты. Теперь все знают, что не это главное. Вот рассказал о плантации, на которой встретишь все, что душе угодно. Так не для души это, поправит меня кто-то, а для желудка. А для души-то что? Четыре пианино, два комплекта духовых инструментов, танцевальный кружок, библиотека, где и самые крикливые сидят тихо и где у порога (как в восточных храмах) снимают обувь. Есть здесь редкие издания и даже книги, подаренные одной американской писательницей. Вот откуда человек приехал, чтобы написать об этом детском доме...

Уж совсем было отчаялся найти ответ на вопрос, чем же создан здешний удивительный микроклимат, как пришла мне на помощь сама Антонина Павловна. Вдруг представил ясно, как она улыбается и говорит: «Не мучь себя, сыночка. Нет никаких секретов — нужно просто быть матерью...»

Просто быть матерью — и весь секрет.

А ведь работать с Хлебушкиной не просто. Сам видел, как она возмущалась, когда воспитательница отпрашивалась с работы на десять минут пораньше, или как ворчала Антонина Павловна на водителя, что торопил ее домой... Если честно, тут не видел я повода для умиления. Вроде бы обычное дело, житейское — и такая реакция. Вот когда осознал парадокс: недостатки есть продолжение достоинств. Нет, при всей внешней солидности этой женщины спокойствие ей чуждо.

Собираясь в Ташкент и выясняя по телефону, когда удобнее застать Антонину Павловну в детском доме, удивилась фразе: «Каждый день с девяти утра до восьми вечера». Ну, подумал, так уж и каждый?

Улетая в Москву, уже не удивлялся этому.

СМЕНА

«Теперь я отверженный, опальный. Уволенного «по статье» на работу никто не берет. У меня двое детей. В интересах истины — помогите!»

Из письма Владимира Гулевича в редакцию.

Ольга ВЕРОВЕНКО, специальный корреспондент «Смены»

Когда все это началось? Может, года четыре назад? Молодая чета Гулевичей знакомилась с поселком. Прошлись по центру с «городскими» многоэтажками и магазинами, по мосточку над спящей пока северной речкой, поднялись на горку... Рая забеспокоилась: «Дети, наверное, уже проснулись...» Володя охотно согласился: «Пора домой». И невольно улыбнулся, выговаривая эти слова: непривычно, что у них теперь есть свой дом. Есть, да еще какой: с палисадником и застекленной верандой, с теплыми сенями, из которых ведет узкая лесенка на второй этаж. Там, решили они, будут спальни. А внизу — зал и большая кухня. Конечно, надо и дров наколоть, и воды натаскать, особенно когда купать малышек, но разве ему, мужику, это проблема? Купать детей он больше всего любил. И у него они никогда не хныкали. Дети — копия Рая: беловолосые и синеглазые.

Рая... Ну как бы его судьба сложилась без Рая? И ведь поняла его прошлое, которое и рад бы забыть, да другие люди не дадут. Разве уйдешь от своего прошлого? Да, сидел. Рубль тридцать четыре копейки — эту сумму он без сорогания теперь слышать не может. Ровно столько он, сам еще сопляк, отнял у такого же сопляка на танцах. И отнимать-то не хотел. Сначала попросил — взаимно. Мальчишка ответил, что денег нет. А ему показалось, что жадничает. На какой такой дурной «принцип» он тогда пошел в пьяном угаре, что хотел доказать, отбирая деньги? Прокурор классифицировал поступок как грабеж. И трибул Вовка за свою дурь на известняковом карьере.

Пить зарекся. А потом в его жизни появилась Рая. И дети... И вот эта удача: увидев объявление в газете, он в общем-то без всякой надежды написал на Вяртсильский металлургический завод и получил ответ: приезжайте, рабочие нужны, временным жильем обеспечим, а года через три дадим благоустроенную квартиру. И вот оно, их первое жильё!

Скоро Гулевичи узнали, что приезжих, таких, как они, в карельском поселке Вяртсиля много. Свои, местные, плюнув и на жильё, и на завод, из поселка уезжают. («Поработаешь тут — поймешь», — объяснили Володе.) Но рабочие места не пустуют: привлеченные жильем, едут со всей страны согласные на любую работу молодые семьи.

Если вблизи смотреть на завод, то может показаться, что его вместе со старыми кирпичными стенами, трубами и тем, что внутри — станками, складами, лестницами, автокарами и машинами, — долго жевало какое-то прожорливое чудовище да, так и не сумев проглотить, выплюнуло обратно. А он — как ни в чем не бывало — стучит и гремит себе под протекающими крышами, тянет проволоку из катанки и делает гвозди. Вот и вся его продукция.

Володю поставили волочильщиком проволоки. Работа пыльная и требующая физической силы. Волочильный стан похож чем-то на большую швейную

машину. Но бухту катанки (килограммов двести — триста или больше) заправить, пропустить через все нужные зазоры стана — не нитку вдеть. И бежит, вытягивается проволока до нужного диаметра, мотается на большую «шпулю» — грейфер.

Рая, по профессии крановщица, пошла работать в соседний цех. Жизнь налаживалась. Володя уже знал по именам не только тех, с кем работал в одной смене, но и тех, кто в смежных. И даже братьев Федоровых научился различать. Похожи братья удивительно. Старший, Николай, отец троих детей; младший, Саша, живет у брата. На партийных собраниях от этих молодых коммунистов всем доставалось: и за несвоевременную поставку металла, и за поломки оборудования, и за вынужденные простои, и за плохие условия труда. Федоровых выслушивали, резолюции принимали.

— А толку, толку что? — кричали потом в раздевалке братья. — Изменилось что, улучшилось? Только языки почесали!

Эти Федоровы и подошли как-то к Володе.

— На рыбалку едем с нами?

— Если пьянка — я пас!

— Да ты что? Рыбалка, понимаешь?

Ты ведь на наших озерах еще не бывал?

На рыбалку, на «мальчишник», принято было выезжать всей сменой. К новичку присматривались с интересом. Замечали: в суждениях тверд и резок порой, не приемлет никакую ложь, несправедливость. Силой крепкой и надежной веяло от этого парня, силой, которая от рождения не дается, а приобретается жизненным опытом, порой горьким, и огромной внутренней работой души.

— А ты парень ничего, — сказал кто-то. — У нас в поселке говорят: кто не делал ошибок — не был молодым. Что было — забудь. Теперь дальше жить надо!

Однажды Володя услышал: человеку для счастья надо иметь в жизни четыре опоры — семью, работу, здоровье и хороших друзей. Даже без одной из этих опор человек — что ступ колченогий. Володя сидел у костра с друзьями. Он был молод и здоров. Дома ждали Рая и малыши. Была и работа...

Есть люди, умеющие ловить попутный ветер в чуткие паруса карьеры. Леня Фесин сначала работал простым волочильщиком. Был он щупл и невысок, и порой, увидев на стене «молнию» с текстом: «Позор лодырю Фесину», обижено мигал глазами и приставал ко всем проходящим: «Какая норма может быть, если катанка идет никуда, Фесин?» — «Но, Леня, у других-то норма есть». — «А стан? У меня же не стан, а развалина!»

Обращались с ним покровительственно и снисходительно: ну, не дал бог парню силы в руках, не по плечу тяжелая работа. Лишь посмеивались, когда вытаскивали прикимарившего в ночную смену Леню из дальнего закута: «Отдохнул?» И только когда, не желая прерывать традиционную послеобеденную партию в шашки, хватал он за полу уходящего: «В передовики рвешься, что ли? Давай доиграем!» — возмущались: «Лентяй ты все-таки, Фесин!»

И как-то никто не обратил внимания, как поступил Леня заочно в сельхозтехникум, как стал приносить в цех передовицы, вырезанные из газет. Читал их

АМБИЦИЯ

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

Леня вслух с таким видом, словно сам написал, через душу пропустил. И его заметили: поставили на несколько дней заменить больного мастера. Первое, что сделал Леня в качестве «и. о.», — выбросил в окно шашки.

— Что на тебя нашло, Леня? — растерялись товарищи. И остолбенели, услышав: «Я вам не Леня, а Леонид Васильевич. Марш работать, бездельники!»

Через неделю на работу вышел настоящий мастер, и опять первое, что сделал Фесин в старом своем качестве, отыскал и принес в цех шашки...

Прозвище «Хамелеон» прилипло к нему накрепко.

А между тем время шло, он с трудом переходил с курса на курс, и совсем близко замаячил диплом. Тут про него вспомнили снова. Хотя и «сельхоз», но все-таки диплом, решило начальство, поставило Фесина мастером постоянно. Только перевели в другую смену. В ту, в которой работал Володя Гулевич.

Формы управления своим новым коллективом Фесин не сам придумал: это уродливое изобретение всех не имеющих авторитета начальников — разделяй и властвуй, кусай, где можешь укусить. Не хотят уважать добром — зауважают силу!

Косо посмотрел Гарбузов? Хорошо же... Следующее утро встречало ошарашенного Гарбузова очередным приказом мастера: за перерасход технического мыла лишит месячной премии, а стоимость мыла (97 коп. за килограмм) вычтеть из зарплаты. Да сплеховал тут по неопытности Фесин: комиссия по трудовым спорам установила, что получил в тот день Гарбузов всего один килограмм мыла, в три раза меньше нормы, так что не наказывать бы надо, а хвалить за экономию. Зато набегавшийся в поисках правды Гарбузов долго не мог отдышаться.

После этой истории Гулевич цыкнул сквозь зубы:

— Дешевка ты, гражданин Фесин!

Не прореагировал внешне Леонид Васильевич на эти дерзкие слова. Про себя только запомнил, кто с Гулевичем заодно. И отправились эти товарищи вместе с Гулевичем по распоряжению мастера на экспертизу. «Ибо, — утверждал Фесин, — они на рабочем месте в нетрезвом виде!»

С экспертизы, которая констатировала, что все данные товарищи алкоголя и не нюхали, пришли кипящими чайниками:

— Ты, гад, нам в глаза посмотри, не стыдно тебе?!

— Марш по местам, — отрезал мастер. И Гулевичу персонально: — А ты со своим языком дожدهйся, уволят за милую душу!

«Гражданина» он запомнил...

Знал Фесин: насколько презирала его прошлая смена, настолько ненавидит новая. Не было секретом для него, что ходили рабочие к директору с требованием убраться мастера. Не раз ходили, не два.

— Суров, но справедлив, — оправдывался Фесин перед начальством, становясь в позу мученика. Но видел: каждый день был словно состязанием в ненависти — его и смены. С их стороны это прорывалось полным игнорированием распоряжений мастера. Он же ежедневно писал на них докладные.

Фесин понял: надо отыграться на ком-то одном, чтобы это послужало наукой

другим. Но кого тронуть? Федоровых опасно — партийные. А он и сам в партию решил вступать. Даст потом вот такой коммунист Федоров на собрании отвод.

Гулевич — другое дело. В глазах Фесина Гулевич был страшный человек, бывший зек, почти бандит. Сам не отдавая себе отчета, мастер боялся его, боялся до липкого пота — Вовкиных резких, как удар бича, слов сквозь зубы, суженных от ненависти глаз. Конечно, одолеть Гулевича будет нелегко — нормы выработки у того приличные. Но прошлое... На это «прошлое» можно сделать ставку.

Но пока, не набрав силу, что мог причинить Фесин Гулевичу, кроме мелких укусов типа отправки на медэкспертизу? Надо было выждать. А ждать он умел.

К прежним его прозвищам прибавились новые: «Пиночет», «Шакал». А каждый шакал, как известно, ищет своего льва.

Новый директор завода Владимиров прибыл в Вярсила с двадцатью миллионами рублей на реконструкцию и программой, в которой сочетался российский размах с тактикой главы японской фирмы.

— Мы закупим роботов и внедрим новейшую технологию. Построим комнаты психологической разгрузки и фонтаны у входа. Проволока, гвозди — нет! Мы будем делать дорогостоящую, пользующую спросом в нашей стране и за рубежом продукцию. И за рубежом! — внушительно говорил директор в первой своей речи, и перед глазами слушателей возникал, набирал силу и разрастался

не завод, не объединение, а по крайней мере транснациональный синдикат.

Вскоре на территории возник и первый признак синдиката: хрустально-прозрачное чудо, теплица на 850 квадратных метров.

— К столу рабочих будут помидоры и огурцы, — с теплотой в голосе говорил директор, — и женщинам цветы на Восмое марта.

В цехах, правда, по-прежнему капало на станки под напряжением, а когда в «травилке», практически не отгороженной, опускали катанку в резервуары с кислотой, ядовито-синие испарения ползли в лишенный нормальной вентиляции сталепроволочный цех.

— А в следующем году начнем строить спортивный комплекс с крытым бассейном. В восемьдесят седьмом будет готов оздоровительный комплекс с сауной, тренажерами, лечением, — продолжал директор.

Но среди рабочих реакция была уже несколько ироничная:

— Ясно? Теперь если кому на волочилке руку или ногу прищемит, будет лечить ее в сауне!

Энергичный директор при мне звонил в горком партии: «Мы должны думать о том, какую воду получают наши потомки в Ладого! Или наш подрядчик немедленно завершает строительство очистных сооружений, или я завтра даю телеграмму в Совмин!»

Я передала Владимирову жалобу рабочих на тухлую питьевую воду в цехе. Директор ответил: «Сейчас, когда в мире сложилась напряженная ситуация и продолжается гонка вооружений, мы должны забыть о мелких личных неудобствах!» Распылять средства на по-

лумеры он считал нецелесообразным: вот будет года через три-четыре реконструкция цеха, тогда будет им и вода!

Тем не менее директор понимал: «наверху» на многое будут смотреть сквозь пальцы, если будет план. План должен быть любой ценой. Пусть для этого нужно срезать расценки и поднять нормы. Возрастет травматизм при такой нагрузке и эксплуатации оборудования? Действительно, многие станы в состоянии аварийном. О профилактическом ремонте станы эти не слышали, а текущий... О заводской ремонтной службе проще сказать, что ее нет.

Был, конечно, у Валерия Андреевича и другой выход: честно доложить в министерстве о состоянии машинного парка и предложить от греха подальше немедленно закрыть сталепроволочный, в котором не то что работать, находиться опасно. Но как же тогда бассейн и сауна? Их строительство грозило в таком случае отодвинуться на неопределенный срок. И директор решил: цех работать будет!

И останавливали инженера, вознамерившегося опломбировать стан Саши Федорова, а его самого упрашивали: потерпи хоть до конца месяца — дадим план, тогда и начнем ремонт. Но проходил месяц, и два, и три, а о ремонте не заговаривали. Не действовали тормоза на погрузчиках Гриценюка и Беляцкого, но, астматически задыхаясь, продолжали ползать погрузчики по цеху.

В тот день Рая пришла с работы в слезах.

— У моей сменщицы сорвался груз с крана. Человека покалечило. На кране оказалась неисправна блокировка.

Рисунок Г. Г. Г. Басьянова

Теперь ее судить будут, говорят, срок большой дадут...

Он сразу представил: это могло случиться и с Раей. В ее смену. И тогда... суд... срок... Рае? Эта мысль ужаснула.

— Не смей садиться на кран, пока не исправят! Заставь исправить!

На другой день он ждал ее и не мог дожидаться. Она пришла измученная:

— Я все сделала, как ты сказал. Проверила кран — там почти все блокировки неисправны. Отказалась работать. Прибежали все, даже главный инженер. Я и говорю: «Пишите бумагу за подписями вас всех, что несете ответственность за то, что заставили меня работать на неисправном кране». Как они закричат! «Бумагу не дадим, а работать ты будешь!» Я ни в какую. Тогда все-таки прислали электриков. Те колуваются, чинят, а начальство на меня орет. План ведь у них срывается...

Володя уже понял, что иначе поступать просто нельзя. С ним самим была неприятная история. Он получил травму. В акте записали: «Произошел обрыв проволоки. Так как торможение барабана неисправно, то остановки не произошло. Конец проволоки бил по ограждению, при этом отломился кусок, отлетел в сторону Гулевича В. П. и причинил ему колотую рану левого плеча». Рана оказалась серьезной, инфекционной. С каким же удивлением узнал Володя, выйдя с больницы, что приказом главного инженера Мустафина «за работу на неисправном оборудовании» ему — и больше никому — объявлен выговор. Более того, вина за «инфекционирование» раны полностью возлагалась на самого потерпевшего. «Да что же я, чокнутый, сам себе рану инфицировать?» — возмутился он в раздевалке. Возмутило и то, что до несчастного случая он докладывал о несправности тому же Мустафину, не говоря уже о начальнике цеха и мастере.

Володя потребовал ремонта своего стана, отказавшись на нем работать.

— Бастуешь, Гулевич? — на удивление мягко спросил мастер. — Ладно...

Так прошел день, второй. Другой работы ему не давали.

— Чем детей кормить будешь, Гулевич? — осведомился наконец мастер. — Ты же сдельщик!

Володя смирился тогда. Отработал два своих выходных и догнал норму. А через четыре месяца опять травма: на этот раз ударило по руке. Его лишили месячной премии и объявили строгий выговор — уже за «систематическое нарушение правил техники безопасности».

Впрочем, не было на всем заводе воловильщика, не получившего за последние три года травму. Травматизм держится на рекордном уровне: в 1985 году — 11 случаев (для сравнения — численность смены мастера Фесина тоже 11 человек), в 1986-м (по данным неполного года) — 9 случаев (переломы, у двоих ампутированы пальцы, двоим молодым парням обгоравшей проволокой выбило глаза).

Недовольство в рабочем коллективе росло. И это был тот самый фактор, который спланировал директора и мастера. Теперь их желания и стремления совпадали: надо было устранить неудобных, остальных заставить замолчать. Фесин чувствовал, что найдет у руководства полную поддержку. Он уже не таясь поговаривал о том, что хорошо бы развести братьев Федоровых по разным сменам, хорошо бы и еще кое-кого...

Повод для действия вскоре нашлся.

Директор Владимир ждал смену на «пятиминутку» в комнате мастеров и курил сигарету... С этой сигареты все и пошло. Дело в том, что дважды, с разрывом в полгода, горели заводские цеха. С тех пор за курение в непожженных местах наказывали строго. Вплоть до денежного штрафа. Комната мастера была как раз местом непожженным... Гулевич потом сам толком не мог объяснить, что на него «нашло» («...Я хочу только, чтобы он выполнял собственные приказы!»). В общем, он достал сигарету и демонстративно закурил.

Директор впоследствии описывал это как ничего не значащий эпизод: «Я ему сказал: давайте покурим, а потом поговорим о делах». Но я, описывая последующее, буду придерживаться другой версии — со слов десятка очевидцев:

— Почему ты куришь? — спросил директор.

— А почему ты куришь, если здесь нельзя?

Почему начальство может «тыкать», а подчиненный должен обращаться в ответ на «вы»?

— Встань! — рыкнул возмущенный нарушением субординации директор.

— Не в тюрьме! — последовал ответ.

— Этот законник побывал, кажется, в местах заключения? — поинтересовался у Фесина после «пятиминутки» пришедший в себя директор. — И, кажется, не сделал должных выводов?

Они встретились глазами. Фесин все понял.

На следующий день на основании докладной Фесина Гулевичу объявили выговор. На следующий день, опять-таки после докладной мастера, еще один. Строгий. А на третий день, после спешного заседания профкома, Гулевич был уволен. Народный суд Вяртыля в иске о восстановлении на работе Гулевичу отказал. Можно понять суд: в документах, подписанных директором, главным инженером и мастером, Гулевич предстает дебоширом, алкоголиком, злобно не выполняющим нормы, нарушителем трудовой дисциплины...

Приглядимся к этим документам и мы. Итак, первый приказ за подписью директора: «18 июня 1986 года воловильщик Гулевич В. П. выполнил норму на 63 процента из-за низкой трудовой дисциплины. На замечания мастера не реагировал. Дать письменные объяснения мастеру и директору завода отказался. В течение всей смены тов. Гулевич был обеспечен заготовкой». Нет, Валерий Андреевич, не был он заготовкой обеспечен. В тот день случилась поломка в «травилке», об этом и вы, и мастер Фесин не могли не знать. В результате из-за нехватки металла вся смена, за исключением трех человек, у которых был задел, норму не выполнила. Вот их показатели за 18 июня: Назарук — 44, Долгих — 73, Федоров — 66 процентов... И именно это написал вам в своей объяснительной Гулевич. Но если уж вы решили требовать по этому поводу объяснительную, то почему только с одного Гулевича?

А теперь разберемся со вторым выговором, после которого Гулевич попал в разряд «злостных нарушителей». В тот день вашим устным распоряжением, Валерий Андреевич, он был переведен на другой стан. Стан этот в цехе зовут «головорезом». Очевидно, не беспочвенно. Дня за два до этого Федоров-младший пытался запустить «головорез». Он увязывал бухту катанки, когда на полной скорости вылетел и упал рядом, слегка задев его по плечу, полоторатонный грейфер.

Жизнь Саши решила всего пара сантиметров...

На этот самый стан вы распорядились послать Гулевича. Непонятен вообще смысл распоряжения: необходимую шестимиллиметровку он мог бы «гнать» и на своем стане. Скорее всего, начнет Гулевич работать на «головорезе» — можно объявить выговор за работу на неисправном стане. Распоряжение-то ваше было устным! А если откажется — тоже выговор. В общем, куда ни кинь, все клин.

Гулевич, наученный горьким опытом двух предыдущих травм, отказался. Он побегал было к вам выяснять, как ему казалось, недоразумение, проситься на свой пустующий в тот день стан, но вы отрезали: «В рабочее время я об этом беседовать не намерен!»

Срочно собрали комиссию, в состав которой вошел и начальник отдела техники безопасности Ю. И. Пашонин. Комиссия быстро осмотрела стан и признала: исправен! Не знаю, что заставило комиссию подписать акт об

исправности стана, имеющего привычку ронять свой грейфер. Может быть, сыграл свою роль небольшой «должок» директору со стороны начальника отдела техники безопасности? Будучи на посту председателя поссовета, Пашонин попался на браконьерстве. Директор приоткрыл погоревшего мэра — создал для него должность начальника отдела, хотя раньше на этом месте был просто инженер. И надо же — через полгода Пашонин попался снова — с сетями! И не сносить бы кому другому головы, да и тут прикрыв Пашонина Владимиров... А в качестве благодарности и не такой акт подпишешь!

— Я знаю, что грейфер этого стана имеет тенденцию выскакивать, — объяснял мне главный инженер Мустафин. — И такое действительно раньше случилось. Но мои ИТР признали стан исправным. А я не могу не верить моим ИТР.

Раз уж разговор поворачивается так, то приведем факт, который ни на суде, ни на профкоме не фигурировал. Акт-то подписан, да, видно, совесть все-таки была нечиста — прислали ремонтников. Какая-то несурзаца получается — если стан исправен, то зачем же ремонтники? Впрочем, те, покрутив и так и этак, часа через три развели руками: «Грейфер надо поставить в положение...» — «В какое?!» — «Не знаем».

Не принял во внимание ни профком, ни суд и протокол собрания смены, которое постановило «ходатайствовать перед профкомом о восстановлении Гулевича на работе, считать, что отказался работать на неисправном стане правильно, хотя администрация считает стан исправным (комиссия недостаточно серьезно подошла к этому вопросу)».

Зато прогремел на суде другой документ: сделанная Фесинским выбором — сравнительный анализ работы Гулевича и его сменщика Соболева. Говоря научным языком, выборка несколько некорректна. Взятые отдельные дни **самых лучших** показателей Соболева и отдельные **дни самых худших** Гулевича. Сделаем выборку в таком случае и мы. Если уж так хочется считать в днях, то и сложим все рабочие дни 1986 года (до увольнения Гулевича) и разделим. Получается средняя выработка у Соболева — 112,7 процента, у Гулевича — 117,8. Не было у Гулевича в 1986 году месяца, в котором он выполнил бы норму меньше чем на 107,5 процента!

Много неожиданностей было для Володи Гулевича на суде. Именно здесь он узнал впервые, что года два назад появился на работе в нетрезвом виде. Основание для утверждения — докладная мастера. Акта медэкспертизы, конечно же, нет. Не были забыты и выговоры за травмы прошлых лет.

Сейчас Володя не работает. Негде. В поселке для него работы не оказалось.

— Как быть Гулевичу? — рассудительно спросил директор Владимир. — Не так давно мы увольняли одного пьющего парня. Так он тоже вот так поскитался без работы да пришел ко мне в кабинет, поплакал, прощения попросил. И снова у нас работает...

Уехать Гулевичам некуда. Жилье держит. Да и куда им — с двумя маленькими детьми? Остается одно: добиваться восстановления на работе.

...Но дело не только в судьбе Гулевича. Задумаемся и о судьбе других рабочих завода. Реконструкция сталепроволочного цеха начнется только года через три-четыре. А до этого сколько травм будет получено? Ведь практически ни один стан в цехе не соответствует требованиям техники безопасности. Где гарантия, что в погоне за высокими процентами плана или желая проучить «строптивого», опять не пошлют кого-то работать на «головорез»?

В день моего отъезда из Вяртыля с завода в больницу увезли молодого парня. Отлетевший кусок проволоки попал ему в глаз. Кто станет очередной жертвой директорских амбиций?

В разделе «Молодежь и культура» (№ 21, 1986) мы опубликовали письмо читательницы Л. Литовченко из Хабаровска, которая поставила вопрос «Что такое интеллигентность и как вернуть ее молодым?». Редакция получила множество откликов — проблема повышения культурного уровня молодежи многих задела за живое.

Права Л. Литовченко в том, что людей с высшим образованием у нас много, а вот настоящих интеллигентов, к сожалению, мало... Сплошь и рядом — на работе, в быту, на улице — нарываешься на такое, о чем даже стыдно писать.

Приведу пример. Живу рядом со школой № 61 и поневоле наблюдаю за школьниками. Часто вижу, как девочки 7—8-х классов, выйдя после уроков, собираются у подстанции, расположенной на территории школьного сада, и самозабвенно курят. Курят так, что, как говорится, дым идет коромыслом. Иногда пьют вино. Однажды попытался сделать им замечание и услышал такое!..

А. АЛЕХИН,
Алма-Ата

Я тридцать лет проработала в школе учителем, занималась воспитанием детей и знаю, что привить вежливость, уступчивость, мягкость, честность без помощи семьи очень трудно. А как мало занимаются воспитанием в институтах — одни лекции, больше ничего. Считаю, что бороться за культуру, за уважение к человеку нужно всем, везде и всюду.

М. ЧУМАКОВА,
Челябинская обл.

В своем письме Литовченко утверждает, что «воспитанию у нас не уделяется внимания нигде: ни в детском саду, ни в школе, ни в вузе». Думаю, что так категорично утверждать нельзя. Воспитанию у нас внимание уделяется. Но жалко, что такие мелочи, как «тарелки красиво ставить и аккуратно есть», во внимание не берутся. Слова А. П. Чехова, приведенные Литовченко, характеризуют уже воспитанного человека. Процесс же воспитания заключается в том, что целый ряд элементарных правил поведения необходимо прививать людям с самого раннего детства.

Лидия ШМЕЛЕВА,
Киев

Вопрос об интеллигентности, который подняла Л. Литовченко, дискуссиями на страницах печати не решить. Это большой вопрос нашего времени. Да, дети растут жестокими, неискренними, жадными, неосстрадательными к ближнему и равнодушными ко всему, что не касается их лично. А закладывая в них эти черты родители. Потому что считают, что «умеют жить», глядя сверху вниз на тех, кто так не может. Ведь из их среды вышла пословица «на дураках воду возят», имея в виду, что дурак — это человек, который не может жить, как они, которому душу в их затхлом мире стяжательства. Интеллигентность невозможно привить школьной программой хотя бы потому, что уважение к мнению другого человека, уважение к нему как к личности нужно воспитывать с пеленок. А что могут дать ребенку роди-

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ И КАК ВЕРНУТЬ ЕЕ МОЛОДЫМ?

Рисунок Сергея Аминудинова

тели с примитивным мышлением, у которых все разговоры сводятся к сплетням или к подсчету денег? Но, с другой стороны, стоит ли детей воспитывать интеллигентами в нашем «озверелом» мире? Кто же из родителей захочет, чтобы в дальнейшем его ребенка «съели умеющие жить»? Ведь пока мы имеем неограниченный круг ограниченных людей, для которых слово «интеллигентность» является ругательным. И когда еще мы это изживем?

В. ЗАДОРЖНЫЙ,
Тюменская обл.

Журнал воспроизвел дословно то, что услышал маленький мальчик от воспитательницы в детском саду. Я же не беру на себя смелость воспроизвести тот, с позволения сказать, «стиль речевого общения», с которым каждый из нас знаком, ибо сталкивается с хамами, занимающими всякого рода «посты» и позволяющими себе разговаривать с «простыми» людьми в наглom тоне.

Э. ХВИЛОВСКИЙ,
Одесса

Скажите, а кто-нибудь из вас одернул матерщинника, дал отпор грубияну, сказал в лицо бюрократу, что он бюрократ, пожертвовал чем-то ради попавшего в беду незнакомого человека? Пожалуй, мало найдется таких. Зато сотрясать воздух фразами о бескультурье молодежи, критиковать ее ошибки умеют все.

Николай ЕСКЕВИЧ,
Томск

Наша гуманность по отношению к моральным уродам оборачивается против нас. Пора бы более строго искоренять социальное зло. Еще круче надо обходиться с пьяницами и курильщиками. Портят сами свое здоровье, а идут за медицинской помощью к государству. Разве это справедливо?

В. КАЛАЧЕВ,
Переславль-Залесский

Приобщение к высокой культуре — дело тонкое, кропотливое и решается не за день, не за месяц. Важное значение имеет личный пример. Недавно шел по улице и наблюдал такую картину: в траншее работал молодой рабочий, а над траншеей стоял мужчина в шляпе, при галстуке. Что-то советовал рабочему. Может быть, прораб или бригадир... И при этом произносил такие слова, от которых, как говорят, «уши вянут». Ну куда это годится?! Ведь для молодого человека это урок самого грубого цинизма...

Александр КОРЕЦКИЙ,
заслуженный юрист УССР,
Горловка Донецкой обл.

Письмо Л. Литовченко не повод для полемики. Все и так ясно: молодежь, да и не только молодежь, обязана быть культурной. И, уж конечно, не употреблять нецензурных слов.

Владимир ЕЛЬЯШКЕВИЧ,
Москва

Прочитал в журнале письмо об интеллигентности и, полный гнева и недовольства, пишу вам. Зачем нам нужна интеллигентность — этот пережиток прошлого? Что, у нас в стране других проблем нет? Да вы оглянитесь вокруг — ведь вас окружают черствые люди с загубелыми душами, наглцы, циники, прожженные эгоисты, чье кредо, перефразируя слова Чехова, — в человеке все должно быть «фирмово»: и одежда, и душа, и мысли. И в этом-то окружении будем проповедовать интеллигентность? Да вы что? Ведь и поколотить могут. Поэтому интеллигент должен обладать силой, чтобы защищаться от неинтеллигентов. Но это нелепо. Вы можете представить Тургенева самбистом, а Пушкина — каратистом? Нет, конечно. И все-таки надо надеяться на свои, пусть скромные, силы, на свои зубы, кулаки и локти. Только благодаря этому я без всяких связей и не через фарцовщиков достаю прекрасные импортные диски. Хотя дело, конечно, не в них. Это я так, к слову. Знаю, что мое мнение вы навеки похороните в архивах — это ваше право. Но, как заявлял Л. Толстой, — не могу молчать.

И еще. Имея тонкую душу интеллигента, жить можно и нужно, но не сейчас, а где-то в далеком коммунистическом будущем. А сейчас — НЕТ! Попробуйте переубедить меня! Крыть-то вам нечем.

Извините, что получилось резко, но писал от души!

В. ВИКТОРОВ,
Мана-Родники

✉

Родилась я до войны, родители погибли на фронте, и я росла в детском доме. Не знаю, как бы меня воспитали родители, но в детском доме нас воспитывали патриотами, учили культуре поведения, уважению к старшим... Все это я старалась передать своему сыну. Он вырос честным, обязательным, уважительным. Но вот что меня волнует. Я считаю, что телевидение — одна из важных форм воспитания молодежи. Однако слишком часто на экране телевизора появляются модные певцы в совершенно недопустимом виде. Лохматые, небрежно одетые, даже в трико... А ведь они кумиры! И молодежь берет с них пример. И в одежде, и в прическах, и в манере поведения — разболтанной, некультурной, безвкусной. Конечно, это мое личное мнение. Но я хочу, чтобы мой сын и его сверстники воспитывались на добрых примерах и традициях прекрасного.

И чтобы слова — интеллигентность, красота — не теряли для них своего значения.

Л. САМОРОДСКАЯ,
Херсон

✉

В один из праздничных вечеров мы с женой (а нам вместе тогда было 130 лет) возвращались домой на автобусе. Свободных мест не было. Возле нас сидели парень и девушка лет по двадцать. Мы стояли рядом с ними, но они нас упорно не замечали. Примечательно, что молодой человек был в форме сержанта милиции! Стоял я и думал: заговорит ли у них совесть, проявят ли они элементарную культуру и интеллигентность, элементарное уважение к пожилым людям, стоящим перед ними? Но нет, этого не случилось. О какой культуре, интеллигентности, совести можно говорить! Такими и дети у них вырастут...

Борис ГРИНШПUN,
Ростов-на-Дону

✉

Работаю я в вузе. Казалось бы, что может быть ближе, чем два понятия — высшее учебное заведение и интеллигентность? На самом же деле это далеко не так. За 15 лет работы в периферийных вузах пришел к выводу: налицо дефицит настоящих интеллигентов — всесторонне образованных, скромных и доброжелательных, по-настоящему порядочных, простых и тактичных людей. Преобладают подделывающиеся под интеллигентов, интеллигент в перспективе и неинтеллигент. Самое ужасное — это, конечно, неинтеллигент. В течение ряда лет типичным хамом проявлял себя на нашей кафедре заведующий кабинетом — отставной военный, единственной формой обращения признававший «ты». Наши имена-отчества нередко сокращал до Васьки, Ваньки. Мог обратиться «ты, буйвол» или «ты, цаца». На претензии отвечал бранью, нередко в присутствии других сотрудников либо студентов. А вот один заведующий кафедрой — доцент, кандидат наук — кричал на подчиненных так, что стекла дрожали. Женщины-преподаватели выходили из его кабинета с мокрыми глазами. Он любил выпить, учебную дисциплину знал слабо. А его речь? Это был чудовищный набор русских, украинских и каких-то нелепых — промжуточных слов. Чем же закончилась история этих хамов? Оба вылетели из вуза.

Но сколько еще осталось таких? «Добро должно быть с кулаками» — сказал поэт. Иначе нам не справиться с такими типами.

А. КАРАТУЕВ,
преподаватель,
Белгород

смена
СИЛУЭТЫ

АКСАКОВ

Юрий
НАГИБИН

Бывают расхожие истины, повторяемые людьми в одних и тех же словах, но при этом не теряющие смысла. Одна из них: писателя нельзя понять вне его биографии. Наверное, нет такого писателя, чье творчество было бы совершенно безразлично к событиям его внешней и внутренней жизни. Аксакова от его жизни никак не отделишь, он писатель автобиографический от начала и до конца. У него нет и строчки, оторванной от его собственного бытия, придуманной, намечтанной, за каждым словом — лично пережитое, выстраданное чувством и мыслью. Единственное исключение — прелестная обработка сказки об Аленьком цветочке. И вместе с тем нет смысла погружаться в его биографию, это значило бы повторять все то, что он сам рассказал о себе в прославленной трилогии и таких сочинениях, как «Собрание бабочек», «Встреча с мартинистами», «Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове», «Знакомство с Державиным», «Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости», как его охотничьи записки, незавершенные произведения последних лет, литературные и театральные мемуары и потрясающая история его знакомства с Гоголем. Даже стихи Сергея Тимофеевича автобиографичны, он никогда не воспярял выспрь.

Читатель узнает, как рос и развивался сын степных заволжских помещиков в уединенной усадьбе, как постигал тихую и значительную сельскую жизнь и очаровывался родной природой, узнает о его родителях и дедах, об учении в Казанской гимназии, а потом и в Казанском университете, о страстном увлечении рыбалкой, охотой, коллекционированием бабочек, о рано проснувшейся тяге к сочинительству и еще пущей — к декламации и театру, о недолгой службе в Петербурге, значительном знакомстве с Державиным, Шишковым, актером Шушериным и другими корифеями тогдашней сцены, о возвращении в Москву, службе в цензурном комитете, об участии в театральной жизни, приятельстве со Щепкиным, Коковцевым, князем Шаховским, Загоскиным, Писаревым, о нежной, порой мучительной, трудной, но всегда искренней и глубокой дружбе с Гоголем, узнает все о его большой теплой семье, о двух замечательных сыновьях Константине и Иване, о даровитой дочери Вере, о «русском начале», хранителем которого был дом Аксаковых. Но ничего не узнает об Аксакове — инспекторе Межевого училища, позже — директоре Межевого Константиновского института. Жалеть об этом не приходится, ибо эта деятельность, необходимая для материального существования семьи, осталась посторонней душевному опыту Сергея Тимофеевича.

Есть еще одна пора, не отраженная напрямую в аксаковских воспоминаниях, хотя, как я понимаю, она дала самый щедрый материал для записок ружейного охотника. Женившись, Сергей Тимофеевич оставил Москву, с которой прочно сжился, и уехал на десять лет — такой он поставил срок — в свое заволжское имение. Возможно, сыграли роль хозяйственные соображения, хотя едва ли трезвый ум Аксакова заблуждался в его сельских познаниях и хватке земледельца. Скорее всего ему хотелось, чтобы дети, которых он нетерпеливо ждал, появлялись на свет не в душном городе, а в степном, луговом раздолье, набирались сил на природе, в чистом, свежем воздухе, душистом от разнотравья. За это десятилетие Сергей Тимофеевич лишь однажды приезжал в Москву, чтобы напечатать свой перевод сатир Буало, сделавший его членом «Общества любителей российской словесности». А потом, согласно своему плану, Аксаков вернулся с семьей в Москву. Старшему сыну, Константину, было десять лет, младшему, Ивану, — шесть, им надо было дать хорошее образование.

Писать Аксаков начал очень рано, лет пятнадцати. Долго пробавлялся, как положено, стихами весьма среднего достоинства, кое-что опубликовал, затем писал театральные рецензии и обзоры, давшие ему репутацию знатока и некоторую имя в литературных кругах Москвы и Петербурга, переводил пьесы, участвовал в журнальной полемике, враждая с даровитым Николаем Полевым, издателем «Московского телеграфа», и пресловутым Фаддеем Булгариним.

Лишь в 1834 году, будучи сорока трех лет от роду, написал он свою первую прозу — очерк «Буря». Успех был неожиданный и полный. Всякий другой

на месте Сергея Тимофеевича засел бы всерьез за сочинительство, но он никогда и нигде не спешил. Разве только что в юности на утреннюю зорьку. Лишь в начале сороковых соберется он — в секрете от друзей — что-то записывать для своих воспоминаний, которые спустя много лет станут «Семейной хроникой» — первой частью обессмертившей его трилогии.

Куда раньше появится книга об уженье рыбы. Гоголь, не знавший, что Сергей Тимофеевич уже давненько сидит над мемуарами, настойчиво советовал ему написать книгу о своей жизни. Сергей Тимофеевич отмалчивался и при случае подсовывал ему страничку-другую о куличке или вальдшнепе.

Насколько серьезно относился Сергей Тимофеевич к «портретам» куличков и других пернатых, видно из его переписки с сыном Иваном, поэтом и публицистом. Сергей Тимофеевич просил советов и строгого суда. Ивана беспокоил лебедь: эта птица настолько запозтизирована, что писать о ней надо с поэзией возможной простотой, даже сухостью, чтобы избежать красовитости. «Лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки: он сам по себе так хорош и величав, так окружен ореолом всяких поэтических преданий и эпитетов, несколько уже опошленных, что для самой свежести и оригинальности картины необходимы совершеннейшая простота описания, простое, спокойное и отчетливое изображение всех подробных прелестей картины, без всяких восторгов...».

Аксаков внял совету сына, основательно «подушил» своего лебедя, но требовательный Иван остался не совсем доволен. В одном из писем Сергей Тимофеевич поведал Ивану о потрясшем абрамцевских обитателей событии: Гоголь прочел главу из второй части «Мертвых душ». Вот как это было: «В 7-ом часу Гоголь вдруг говорит: «а что бы Куличка прочесть?» Мы пришли наверх, я выбрал маленького Куличка и заставил Костю читать. Гоголь решительно ничего не слушал и едва Константин дочитал, как он выхватил тетрадь из кармана, которую давно держал в руке, и сказал: «Ну, а теперь я вам прочту...» Раза три я не мог удержаться от слез...»

Взволнованный Иван умолял воспользоваться добрым настроением Гоголя: «Отесенная (с легкой руки Константина, отвергавшего иноземное «папаша», дети так называли отца), подкиньте ему нового Куличка, бог даст, еще прочтает».

Литература Сергея Тимофеевича была чисто воспоминательного свойства и в этом отношении являла резкий контраст творчеству обожаемого им Гоголя. Там царили воображение, фантазия, у Аксакова — память и только память. В этом отношении он явление уникальное. В знаменитых автобиографических трилогиях Льва Толстого и М. Горького много вымысла, литературы. Признано, что память — единственное оружие творца новой западной прозы Марселя Пруста. Да и сам автор, стремившийся обрести утраченное время, считал память источником, питающим всю его литературу. Но это далеко не так. Достаточно сказать, что все персонажи Пруста, за редчайшим исключением, которого я не могу сейчас припомнить, обладают несколькими прототипами. Даже на редкость цельный барон де Шарлюсс, в котором все узнали эстета-стихотворца аристократа Монтего (он и сам себя признал, сказав, что во всем Сен-Жерменском предместье лишь один может позволить себе быть настолько сумасшедшим), имеет еще одного прототипа. Едва ли уступающему барону в цельности, блистательному Роберу де Сен Лу уделили свои черты сразу шесть представителей «золотой» молодежи. Сложный строительный материал пошел на возлюбленную рассказчика Альбертину: несколько девушек в цвету и... шофер Альфред. Это же относится и к событиям романа; Пруст пишет так, что ты не сомневаешься в их буквальности, а нет, всегда что-то смещено, сдвинуто, переосмыслено, окутано фантазией. Вот такой игры у Сергея Тимофеевича не найдешь, — это говорится не в порицание и не в похвалу, — он всегда предельно точен в передаче тех жизненных событий, которые хранит его сильная память, он хочет нарисовать людей такими, какими они были на самом деле, ему неинтересно приукрашивать их или ронять. Он ничего не домысливает, никакой работы воображения, кажется, что он просто не знает, что это такое. Прямое отражение — вот метод Аксакова.

Что же, литературный труд Аксакова ушербен, это творчество как бы второго сорта? Ничуть не бывало. Гоголь выше Аксакова, но не потому, что умеет придумывать, а потому, что ему отпущено больше художественной силы. А Бестужев-Марлинский со всем своим пылким воображением ниже Аксакова, ему меньше дано от природы. Переводить в слова действительную жизнь — задача ничуть не менее трудная, чем писать мир воображаемый. И то, и другое требует равной муки, дарит равным счастьем или разочарованием. Память и фантазия равны перед богом искусства.

До чего же бесхитростно и вроде бы безыскусно пишет Аксаков, да и старомодно. По языку, стилю аксаковские хроники и записки можно отнести к докарамзинской эпохе российской словесности. А ведь появились они после «Повестей Белкина», «Капитанской дочки», «Пиковой дамы», после «Героя нашего времени», после «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», «Шинели» и «Мертвых душ». Совершив невиданный рывок от скудного сентиментализма «Бедной Лизы» к вершинам зрелой художественности и глубокому психологизму, наша литература создала поразительные образы: Германн — карманный Наполеон, разочарованный Печорин — его тень ляжет на последующие десятилетия, чистый душой служака Максим Максимыч, грандиозные уроды «Мертвых душ», чьи имена сразу стали нарицательными, разнесчастный Акакий Акакиевич, заставивший Достоевского воскликнуть: «Мы все вышли из гоголевской шинели». И вот после всего этого появился писатель, который с патриархальной простотой, наивной убежденностью в своей правоте предложил современникам такой нехитрый товар, как ерши, щуки, карпы, кулики, кроншнепы, рябчики, перепелки, причем сделал это с обескураживающей серьезностью, будто не было у России других насущных проблем, как ладить удилица или отстреливать пролетную дичь. Он не поэтизировал своих скромных героев, не возводил в степень символа, не окутывал сказочной дымкой, нет, все давалось в лоб, без затей, почти с научной точностью, с доверчивой неторопливой обстоятельностью. Но тем Аксаков и взял читателей — сразу и навсегда. Приход каждого большого писателя — это открытие нового мира. Душная чиновничья Россия существовала и до Гоголя, но узрели ее во всей жути и кошмаре лишь после «Ревизора» и «Мертвых душ». И уж подавно видим и осязаем каждым жителем России был мир ее природы, но никто не знал, что он так многообразен, богат, манящ и пленителен, пока о нем не рассказал рыбовод и охотник, художник божьей милостью Сергей Тимофеевич Аксаков.

Я уже говорил о том, с какой глубокой серьезностью и ответственностью относился Аксаков к своим запискам о рыбах и птицах. Он боготворил Гоголя, но ему не казалось кощунственным предавать его чтение новых глав второй части «Мертвых душ» страничку-другую о куличке или бекесе. Он знал о своем художественном неравенстве с великим Гоголем, но не считал, что предмет изображения в его записках ниже предмета изображения гоголевской поэмы. В великом и вечном мире природы все равны, нет высших и низших, в пичужке не меньше достоинства, чем в каком-нибудь помещике — даже положительном, ее свойства, обычаи, повадки, окраска, голос, время прилета и отлета столь же важны в мироздании, как приметы и отличия человеческого существа. Для Аксакова каждая малость большого мира — частица общей гармонии.

Странно звучит: гармония и охота. Казалось бы, всякая охота и ловитва разрушают естественную гармонию мира, вносят зло, уничтожение. Так почему же все самые великие природолюбцы были страстными охотниками? Есть ли сомнения в том, что Тургенев и Фет любили природу, чутко вслушивались в ее дыхание, отсюда и поэтичная проза «Записок охотника», и тонкая пейзажная лирика Фета. Но, рассказывая в письме матери охотнику Фету об одной из удачнейших своих охот, нежный Тургенев, еще пропахший порохом, в неизжитом упоении честит подстреленного им бекаса и «подлецом», и другими бранными словами... от любви к верткой, быстрой птичке, которую так непросто взять. А разве Лев Толстой был ненавистником наших меньших братьев, когда ходил с рогатиной на медведя?

Влюбленные в природу Пришвин, Паустовский, Юрий Казаков были страстны-

ми охотниками и рыбаками. Аксаков пишет в предисловии к «Запискам об уженье рыбы», что охота сближает человека с природой. К сожалению, эта мысль справедлива лишь для минувшего времени, когда дичи и рыбы было много, слишком много для нормальной «круговерти» жизни, как выражаются егеря. Если пернатой дичи в избыток, то не хватает места для гнездовий, самцы мешают самкам высидеть птенцов, и охотник оказывается помощником природы. Перевыбыток рыбы и зверя оборачивается бескормицей, охотник, рыбак в этом случае помогают природе. К тому же человек не травоядное животное. Ведь и наши меньшие братья со спокойной совестью пожирают друг друга, разумеется, те, которые не могут обойтись растительной пищей. Заболоцкий писал: «Жук ел траву, жука клевала птица, хорек пил мозг из птичьей головы». Хемингуэй, тоже любивший природу, выразился так: колья есть дичь, должен быть и охотник. Но человеку оказалось далеко до мудрого зверя, он истреблял больше, чем воспроизводилось, истреблял впрок, в азарте, он нарушил равновесие в природе, опустошил воды и леса, и теперь охота, кроме промысловой, стала делом дурным, грешным.

Читая и перечитывая Аксакова, я так и не понял, в каких отношениях он находился с богом. Религиозная экзальтированность Гоголя последних лет вызвала у него отвращение. Он назвал Гоголя после смерти «святым», но тут же намекнул, что слово это надо понимать не в церковном смысле. Свои твердые нравственные правила он никогда не подкреплял ссылками на религию, а в одном письме признал себя плохим христианином. Он жил в вере отцов, но привлекало его небо, где летают утки и гуси, а не то, где парят божьи ангелы. Наверное, его мироощущение было пантеистическим — не в смысле обожествления природы, а в том материалистическом, как у Джордано Бруно или Спинозы, когда можно вообще обойтись без бога. Читая Аксакова, ты проникаешься сознанием, как велик и важен мир бессловесных, какое чудо — жизнь во всех ее проявлениях. Вот чем захватывает Аксаков, без этого он был бы чем-то вроде знатока рыб Сабаньева или автора «Записок мелкотравчатого».

Аксаков не формулировал своих философских взглядов, за исключением преданности «русскому началу». Но значительность его внешне непритязательных автобиографических хроник, составивших трилогию, в том, что у них прочная и сильная мировоззренческая основа. Эти воззрения выражены в известной фразе Льва Толстого: «Хватит делать историю, давайте просто жить». Фраза изумительная по простоте и глубине. Еще Толстой говорил, что самая серьезная и настоящая жизнь проходит дома, а не на площади. Под домом он разумел не четыре стены, а то, что объемлет прямой заботой человеческого сердца, а под площадью — не городское пространство, а разгул отвлеченных умствований, приводящий к разрушительным последствиям. Для толстовской правды важна каждодневная жизнь семьи со всеми малыми и вроде бы незначительными событиями, со всеми слезами и радостями, с праздниками, болезнями, разлуками, встречами, со всем, чем томится человеческое сердце.

Правдиво и бесхитростно излагает Аксаков события, предшествовавшие его появлению на свет, какими они сохранились в памяти окружающих, иначе говоря — в семейной легенде; большое место занимает долгое и трудное сватовство отца, влюбившегося в девушку, превосходившую его умом, развитием и положением в провинциальном обществе. Он был небольшим чиновником, она — дочерью фактического управителя целого края. И хотя известно, чем кончилось это сватовство, ибо плодом согласия явился сам рассказчик, читатель волнуется так, словно брак может не состояться. Это удивительное свойство Аксакова: посредством неторопливых, даже ленивых фраз, вовсе лишенных той живости, какой научили русскую прозу Пушкин, Лермонтов, Гоголь, создавать напряженное повествование, прочно удерживающее читательский интерес.

Он создает замечательный по глубине характеристики портрет своего деда, гневливого и доброго, скорого на расправу, но всегда справедливого, с хорошим, раскидистым умом и сильной, не чудной причуд душой; он не прикрашивает, не идеализирует своего деда, но, несомненно, восхищается цельностью

и нравственной чистотой типично русской натуры.

Рядом с этой очаровательной фигурой особенно жутко помещик Куролесов, муж аксаковской тетки, скрывающийся под маской славного малого и рачительного хозяина зверскую харю изверга-крепостника. Разоблачительная сила этого образа заставляет вспомнить о Радищеве. Много хлопот с цензурой наделал Аксаков помещик Куролесов.

«Семейная хроника» была принята восторженно и литераторами, и читателями. Несколько удивленный успехом, но ничуть не возгордившись, Аксаков двинулся дальше. В «Детских годах Багрова-внука» он с привычной, обстоятельной, неспешной, приметливой к подробностям манере рассказал о своем детстве в глухой деревне Багрово, о помещательстве на рыбалке, так пугавшем его мать, о судьбе вдовы страшного Куролесова, обо всем, чем наполнены были медлительные сельские дни.

«Воспоминания» — последняя часть трилогии — не обладают такой цельностью и завершенностью, как вышеназванные хроники. Они включают последовательное повествование о гимназической и студенческой жизни Багрова-внука в Казани и отдельные очерки о собирании бабочек, о «мартинистах» — масонах, об адмирале Шишкове, о знакомстве с Державиным, об актере Шушарине и других театральных знаменитостях.

Сергею Тимофеевичу было невдомек, что в «Детских годах Багрова-внука» и воспоминаниях о казанской поре жизни он решил одну из самых трудных, почти невыполнимых задач в литературе, которую шесть десятков лет спустя поставит перед собой один из величайших писателей нашего века, Джеймс Джойс, в очень личном романе «Портрет художника в юности», так восхищавшем строгого коллегам Хемингуэя. Да, Аксаков изобразил вовсе не безбедного, забавляющего, раздражающего чувствительного, робкого и слезливого недоросля из дворян, а будущего художника. Человека с содрванной кожей, которого ранят все обыденные впечатления бытия; для него весь мир — раскаленная проволока, каждая разлука — на век, каждая гроза — гибель вселенной, каждое увлечение — утрата своей сущности. Аксаков простодушно недоумевает по поводу крайней чувствительности маленького Багрова. В душе его бушуют шекспировские страсти: первая рыбалка потрясает сильнее, чем Макбета — явление духа Банко, поступление в гимназию — Голгофа, он не вынес разлуки с матерью, нервно заболел, пришлось забрать его домой и на год отложить начало самостоятельной жизни. Он был мучителен для самого себя, для близких и окружающих, этот ласковый мальчуган, не драчун, не сорванец, но слишком любящий, слишком привязчивый, слишком впечатлительный, слишком увлекающийся, к тому же слишком правдивый даже в глазах своих честных, богобоязненных родителей. Он не виноват во всем этом и не может стать другим, у него душа художника.

Известно, как велика суть матери для многих больших писателей: от Лермонтова, на всю жизнь завороченного образом молодой, рано умершей матери, Гоголя, которого Аксаков понял вглубь, лишь узнав его мать, до Марселя Пруста. Багров молился на свою мать. От художника в нем и жалостливость, необычная для мальчика, выросшего в грубо-здоровом сельском обитавшем, где режут скотину и сворачивают головы гусям. От художника — совершенная неспособность управлять своими чувствами. Отсюда и захлебная любовь к чтению, он по сто раз перечитывал каждую книгу из своей скудной библиотечки, а при виде новой книги его аж колотун бил. Удивительная художническая память Аксакова питалась силой его детских и юношеских переживаний. Если б он так не шалел от восторженного пересказа и боя, если б не переживал очистку пруда, пуск водяной эльницы, забрасывание верш как все-ельские катаклизмы, то никогда бы не написал своих необыкновенных охотничьих книг. Мальчиком он жил пережатой душевной жизнью, каждодневность шла глубоким нарезом по сердцу, памятью которого и созданы его хроники. Старик Аксаков не раздвинулся с прошлым, оно до последнего дня пело в его неостывшей крови, отсюда такая свежесть от воспоминаний.

Нет менее схожих книг, чем аксаковские хроники и «Портрет художника в юности»: последняя написана во всеоружии литературной техники нашего

века, она являла переход Джойса от чеховской прозрачности «Дублинцев» к изоцированной прозе «Улисса», вскрывающей механику подсознания; аксаковские хроники казались чуть старомодными даже в его время, но я сильнее чувствую тонкую душу будущего художника в Багрове-внуке, нежели в Стивене Дедалусе, это скорее одаренный юноша-бунтарь, путь которого не предсказуем, хотя он и пишет стихи. Джойс слишком сознательно начал тянуть завязавшего в религиозной трясине Стивена к литературе. Как-то не верится, что у юного проповедника и школаста с зудом бродяжничества в крови — душа художника. А простодушный Багров — художник, хотя Аксаков вовсе не задумывается об этом. Бессознательно оказывается сильнее художественного расчета.

«Детские годы Багрова-внука» не были приняты столь единодушно, как «Семейная хроника». Там все проще: хорошие помещики, плохие помещики, иронически-сочувственное изображение патриархального быта и осуждение язв крепостничества. Здесь сильно прозвучала личная нота, и не все ей откликнулись. Восхищенно принял «Багрова-внука» и поставил выше «Семейной хроники» Лев Николаевич Толстой, который, как всегда, видел дальше других. Но даже не зная письма Толстого к Боткину с лестным отзывом о хрониках, легко догадаться, что аксаковская проза была очень по душе Толстому. У Аксакова все серьезно, как в житиях, все дышит почвой, никакой легковесности, преднамеренности, желания потрафить модным идеям, вкуса общества, много слез и никакого зубоскальства. У русского народа смех был не болно в чести, ведь он от беса, а слезы святы. Христос никогда не улыбался. При этом Аксаков вовсе не принадлежал «к тем высоким душам, что начисто лишены чувства юмора» — выражение Томаса Манна о Стриндберге. У него проглядывает порой мягкая ирония, тихая улыбка — без язвительности. Он человек снисходительный к людским слабостям, к тому же пишет о живых людях или недавно ушедших, а это обязывает к деликатности. Ему совсем не присуща размашистая отвага Николая Семеновича Лескова, который в своей беллетристике бил наотмашь, невзирая на лица.

Сергей Тимофеевич Аксаков порой наивен, но совсем не прост, у него крепкий, раскидистый, пронизывающий ум и твердая нравственная основа. О зле он пишет сдержанно и просто, не витийствует. Его Куролесов страшен, хотя на него не потрачено обличающих слов, он показан таким, каков есть. Сатире и сарказму Аксаков начисто чужд. Это для Гоголя — смех сквозь невидимые миру слезы. Аксаков не смеется, а слезу бережет для чистых сердец.

Куда более жесток (не жесток) Аксаков в своих письмах родным и близким, особенно к тем, за кого чувствует ответственность. Замечательны его письма к умному и даровитому сыну Ивану, чью молодую самоуверенность отец разрушает двумя-тремя меткими словами, а также некоторые письма к Гоголю последней поры, которого Аксаков защищал от него самого. Крутенек мог быть Сергей Тимофеевич! Так же твердо и жестко выступил он в защиту Пушкина от журнальной травли, а его отзыв о пресловутом «Выжигине» бессмертного стукача Булгарина под стать знаменитому пародийному письму Пушкина на ту же тему. Был Аксаков суров и как театральный критик, от него доставалось не только слабым актерам, но даже высокоталантливому Мочалову и великому Щепкину, если они оказывались не на высоте. Одно дело писать о тех, кто сам выставляет себя на суд людской, другое — о тех, кого ты наблюдаешь исподволь, здесь требуются бережность и сдержанность. А актеры, кстати, на Аксакова не обижались, чувствуя неприязнь его критики.

Странно и необычно положение Аксакова в русской литературе. Любя и понимая Пушкина, ценя Лермонтова, с которым он познакомился на именном обеде, данном Гоголю, Сергей Тимофеевич писал так, будто их и не бывало. Вот Гоголь чувствуется в некоторых пейзажах «Семейной хроники», но не в лепке образов и не в обращении с жизненным материалом — тут они антиподы. Это не слабость Аксакова, а его сила. Пережив великанов, он почти ничем от них не попользовался и сохранил полнейшую самобытность. Мне почему-то кажется, что, пиши Державин прозу, он оказался бы предтечей

Аксакова, а если б прозу писал Тютчев, то образовалась бы связь, подобная связи Пушкин — Лермонтов. Но все это предположения, игра. На первый взгляд, Аксаков в прозе сороковых — пятидесятых годов кажется анахронизмом. Конечно, это в корне неверно. Он принес в нашу литературу новые мотивы, новое видение и свое собственное отношение к русской действительности.

У Пушкина пейзаж почти отсутствует. Лермонтов тоже крайне скуп на описание природы, подчеркиваю, речь идет лишь о прозе. Природа — да еще какая! — появляется у Гоголя, но, зная, не случайно он порой сбивается на стихи. И Аксаков уплатил дань романтическому гоголевскому пейзажу, но вообще он шел иным, самостоятельным, сугубо реалистическим путем. Писать о природе просто, деловито, с наблюдательностью ученого, не сбиваясь на взволнованную песню, но так, чтобы из деловитости и глубокого знания сама собой возникала поэзия, дано было в ту пору одному лишь Аксакову. Его пейзажная живопись оказалась значительное влияние на всю последующую русскую литературу.

Если б не Аксаков, наше представление о русской жизни было бы куда односторонне и беднее. Какими привыкли мы видеть русских помещиков второй половины XVIII — начала XIX века? Это фонзвинские Простаковы и Скотинины или гоголевские монстры из «Мертвых душ». Но вспомним, дед Лермонтова по материнской линии Арсеньев покончил с собой — несчастная любовь — в Тарханах, отыграв сцену могильщиков в «Гамлете», поставленном силами актеров-любителей из податных дворян пензенской глубинки. Трудно представить себе Манилова — Гамлета, Собакевича — Клавдия, Коробочку — Гертруду и могильщика — Ноздрева. Значит, сидели в своих усадьбах и совсем другие люди, нежели добродей Чичикова, с тягой к культуре, вон, и до Шекспира добрались!

Совсем непохож на Простакова и Скотинина прекрасный дед Аксакова Степан Михайлович, выведенный в хронике под собственным именем, но под фамилией Багров. Как прочна его нравственная основа и до чего хорошо, просто совершает он свой опасный поединок по вызовлению сестрицы из рук изверга Куролесова! Это поистине эпический образ.

Акварельными красками написан нежный образ отца писателя, сперва влюбленного юноши, потом кроткого мужа его матери, сумевшей разглядеть в скромном, чуть нелепом чиновнике нравственную прочность, верное сердце и ответившей любовью на любовь. Чуждый ханжества, Аксаков пишет порой об отце с доброй улыбкой, но как-то неприметно убеждает нас, что такими вот тихонями подвигается русская жизнь, что ими сбережена Россия во всех своих тяжких испытаниях.

Благородная, горячая, порывистая мать героя хроники Софья Николаевна — один из лучших женских образов в русской литературе. Рядом с ней может быть поставлена монументальная фигура Прасковьи Ивановны Куролесовой, набравшей после смерти мужа разбойника и характера, и стати.

Славных людей встретил Сережа Багров в Казани и дал им жизнь вечную на страницах «Воспоминаний»; это и преподаватель математики Карташевский, тип умного наставника, и надзиратель той же гимназии добряк Упадывшевский, и славный доктор Бенис, спасавший тело и душу тяжело расхворавшегося от разлуки с матерью мальчика, и многие другие — выходит, русская провинция состояла не только из Ляпкиных-Тяпкиных, Земляник и Шпекиных.

Не следует думать, что все писания Сергея Тимофеевича залиты сладким медом прекрасноты. Славянофилы, правда, пытались противопоставить его «разоблачительному направлению», как тогда называли критический реализм, но достаточно одного Куролесова, чтобы разрушить идиллию, а есть еще старший инспектор гимназии, самолюбивый и безжалостный формалист Камашев, есть немало противных и типичных для того времени и той среды людей среди близких родственников юного Багрова: его тетушки — интриганки и сплетницы, их тупые, до совершенства ничтожные мужья, словом, человеческого брака хватает, но он не может заменить той крепкой и жизнеспособной России, которая встает со страниц аксаковской хроники.

С. Т. Аксаков оставил интересные воспоминания о великане русской поэзии Державине, правда, поры его угасания, и о некоторых второплановых

фигурах, без которых все же неполна картина культурной жизни России первой половины XIX века: об актере Шушарине, писателе Загоскине, «первом ополченце» литераторе Сергее Глинке, театральном деятеле Коковцеве, популярном водевилисте Писареве. Его, как позднее Лескова, привлекали фигуры своеобразные, чудачковатые, пусть до шутовства, но с золотой сердцевинкой человечности, которую он обнаружил даже в нетерпящих, фанатичных «мартинистах», не принял он лишь их главу — злого честолюбца Лабзина.

Среди мемуарных очерков Аксакова выделяется значительностью и важностью для всех, кому дорога русская литература, «История моего знакомства с Гоголем». Любил ли Аксаков кого-нибудь так беззаветно и преданно, как Гоголя? Но такова его художническая честность, что, не переставая оплакивать внезапную кончину Гоголя, он вынуждает себя к предельной беспристрастности. И при этом никогда не воспользуется беззащитностью ушедшего перед судом оставшихся. Он обстоятельно и жестко рассказывает, как трудно шло их сближение, Гоголь и вообще был неудобным для общения человеком. Он ощущал свою литературную деятельность как мессианство, из дали лет это еще можно понять, но признать в сотрапезнике Спасителя, — тут нужны чудеса вроде воскрешения Лазаря, Гоголь не умел и не хотел приспособливаться к другим, для этого у него просто не оставалось душевных сил. Людям это представлялось высокомерием. Как холодно и небрежно отклонил он помощь Аксакова в постановке «Ревизора» на московской сцене, с которой не справился Щепкин. Аксакову было и обидно, и больно, он не скрывал этого, но все же нашел в себе силы простить Гоголю его необъяснимую эскападу. И в дальнейшем, когда отношения стали до конца дружественными, доверительными и откровенными, Гоголь не раз ставил в тупик прямолинейного Сергея Тимофеевича. Однажды, когда тот почти в экстазе взмолился, чтобы Всевышний даровал Гоголю здоровья, сил и времени для окончания великого труда — «Мертвых душ», Гоголь присоединился к нему почти в тех же выражениях. Он как будто о другом человеке говорил, недоумевал Аксаков в письме к сыну. Он не осуждал Гоголя, чувствуя его необыкновенную душу лучше, чем многие другие, но и он не постигал подвигнического отношения Гоголя к своей литературной задаче. Он понял это, когда Гоголь не стало, и сказал о нем: святой.

Для Гоголя литература была не мышлением образами, низанием слов, а высшим жертвенным служением России. Двусмысленный успех «Мертвых душ» мучил, собственный сатирический дар причинял боль и хотелось погнать по пространству Руси птичку-тройку, а не бричку с Чичиковым. Создать пленительные образы тогдашней русской жизни, способные заставить те страшные свиные рыла, которые пились на читателя с каждой страницей первой части поэмы, — такой подвиг не по плечу даже Гоголю. Он думал найти опору в вере. «Нельзя исповедовать две религии безнаказанно», пишет Аксаков, — тщетна мысль совместить и примирить их. Христианство сейчас задаст такую задачу художеству, которую оно выполнить не может, и сосуд лопнет».

Когда Гоголь не стало, Аксаков сделал еще одно усилие в память ушедшего друга — заставил себя перечитать «Выбранные места из переписки с друзьями». В полном согласии с общественным мнением, он считал эту книгу — смесь Домостроя с Нагорной проповедью — позорным падением Гоголя, о чем и написал ему с обычной прямотой. Теперь Аксакову удалось взглянуть туда, куда не достиг лихорадочно блестящий взор Белинского. Он по-новому прочел две наиболее раздражавшие его прежде статьи «Предисловие» и «Завещание» и постиг, что пора дать полную веру любви Гоголя к людям. «Речь идет не о том, ошибочны были ли нет некоторые мысли и воззрения Гоголя, речь идет о правде его смиренной, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру».

Если спросить, в чем очарование и своеобразие прозы Гоголя, Тургенева, Лескова, Льва Толстого, Бунина, то даже малоискусшенный в литературе человек найдет определения, более или менее соответствующие речевой манере каждого из названных писателей. То романтическая, то язвительная, то волшебное-сказочная, то уличное-солёная, бесконечно разнообразная речь

Гоголя; певучая, ласкающая слух, музыкальная речь Тургенева; причудливый язык Лескова, полный придуманных им самим слов, которые кажутся народными; громоздкая, порой неуклюжая, продирающаяся к предельной точности, даже ценой сознательного косноязычия, завораживающая речь Толстого; чеканная, оснащенная эпитетами речь Бунина... А как охарактеризовать хотя бы столь же приблизительно язык Аксакова, в чем его своеобразие и прелесть, если таковая есть? Ответить не просто. Иногда он пишет так: «Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучно, высокою травой: поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благоуханием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всюю жизнью творения...»

Красиво? Да, совсем как у Гоголя. Но это не язык Аксакова, когда он говорит своим голосом, а не лезет в гоголевский карман за поэтическими красотами. Собственный голос Аксакова чужд флюриатур. И песня его скромна, проста, естественна, как дыхание. Точность, выверенность каждого слова поразительны. Но все-таки тут есть и нечто большее, чем совпадение слова с сутью. Квалифицированный естествоиспытатель может не менее точно описать любое животное, но такого впечатления не добьется. Тут создано определенное настроение, оно в ритме фразы, в словосочетании, неназойливо использованном диалектизм: «урема» вместо «поречья» или «поемого кустарника», цветописы: «темно-синие глаза» ерша, из всего этого и возникает тот довосок, что отличает истинное художество от самого совершенного научного описания и называется поэзией.

Еще более отчетливо поэтичность аксаковской прозы раскрывается в его хрониках, написанных свободнее и размашистее. Впрочем, забота о точности никогда не оставляла Аксакова. Стремление сказать о предмете как можно вернее и полнее порой несколько утяжеляет его фразу, но Аксаков не стремится к легкости ради легкости, краткости ради краткости — куда спешить, надо пристальнее взглядываться в каждое явление жизни; в его неспешно текущей прозе обаяние первоизданности, о чем бы он ни писал, он пишет так, как будто никто до него этого не делал. Да и читателю так кажется. Исконный, укорененный, не нахватанный где попало язык Аксакова превосходно служит его художественным целям.

Остановимся на последнем, недописанном очерке «Зимний день» — характерном для всей писательской манеры Аксакова. Видимо, он хотел рассказать о русацкой охоте, но до самой сути не добрался, смерть остановила его руку. Вот начало:

«В 1813 году с самого Николаина дня установились трескучие декабрьские морозы, особенно с зимних поворотов, когда, по народному выражению, солнышко пошло на лето, а зима на мороз. Стужа росла с каждым днем, и 29 декабря ртуть застыла и опустилась в стеклянный шар». Разве важно для читателя 1858 года, что рядовая аксаковская охота произошла в 1813 году? Но Аксакову с его обязательностью и добросовестностью необходимо сообщить точную дату. Кстати, это свойственно сельским людям, для которых даты значат куда больше, чем для городских. Знание дат помогает устанавливать определенные закономерности в явлениях природы. И вроде бы совсем уже неважно, что ртуть застыла 29 декабря, но и это нужно автору. Так осталось в его поразительно цепкой памяти, и он рад, что может сообщить читателю точный день, ибо в точности — вежливость не только королей, но и писателей. И как хорошо народное выражение «зимние повороты», которые еще называют «солнцеворотами». А вот где весь Аксаков: «ртуть застыла и опустилась в стеклянный шар». О лютом холоде можно сказать короче и проще, но разве промозжит так — до костей, как от ртуть, упавшей в шарик градусника? Аксаков диктовал этот очерк полуслепым, на одре мучительной болезни, но он не пожертвовал ни одним словом в стремлении выразиться как можно полнее и точнее. Судите сами: «Воздух был сух, тонок, жгуч, пронзителен, и много хворало народу от жестокой простуды и воспаления; солнце вставало и ложилось с огненными ушами, и месяц ходил по небу, сопровождаемый кресто-

образными лучами; ветер совсем упал, и целые вороха хлеба оставались невыявленными, так что деваться с ними было некуда». Это так художественно, что захватывает дух, а между тем Аксаков вовсе не заболел о литературности выражения, он только хотел быть верным натуре. Да он и не считал себя художником, в чем сам признавался без всякой боли (художник — Гоголь!), он полагал, что интересен читателю лишь доскональным знанием материала и добросовестностью изложения.

Есть что-то невыразимо обаятельное в том, что Аксаков в одной чарующе-обстоятельной манере, с одной истоиво-проникновенной интонацией рассказывает о ловле пестрака в летнее бесклевье и о зверствах садиста Куролесова, об отчаянии своего отца, решившего покончить самоубийством, если ему откажут в руке любимой, и о спуске багрового пруда. В этом есть величие. Ведь с какой-то высшей, горней точки зрения все, о чем говорилось, — явления равнозначные в великом таинстве жизни, ибо никому не дано знать, что главное и что не главное.

Нельзя говорить о Сергее Тимофеевиче и не сказать о всем теплом аксаковском гнезде, где грелись многие люди, в первую голову, как уже не раз говорилось, Николай Васильевич Гоголь. Я написал эту фразу, и меня осенила внезапная догадка, может быть, ложная. Гоголь постоянно зяб, даже лезть. Об этом свойстве его физической природы с удивлением пишет Аксаков. Гоголю всегда было холодно, особенно в сидячем положении, ему постоянно требовалось разминаться, чтобы ускорить согревающий ток крови. Поэтому особенно он мерз в возках, что делало для него мучительными переезды. А вот в каком виде предстал он Аксакову за рабочим столом: «вместо сапог длинные шерстяные чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордочков». Зимой он постоянно отморозивал нос, то ухо, и так дрожал, что у Аксакова душа захлопывалась от жалости. Эта мерзлявость Гоголя, как и многие другие странности его физической структуры, Аксаков отнесил за счет расстроенной нервной системы. А последнее он считал следствием того страшного удара, каким явилась для Гоголя гибель Пушкина. От этого потрясения он не избавился до конца дней.

Так чутко понимая структуру Гоголя, Сергей Тимофеевич никак не мог взять в толк, почему Гоголь стремится в Италию. И ему, и его семье, и всему аксаковскому кругу виделась в этом измена России, русскому делу, чуть ли не отступничество. По-моему, объяснение напрашивается само собой: Гоголь ехал за теплом, он слишком мерз на русском ветру. Считалось, что он едет за итальянским искусством, итальянской музыкой, итальянскими впечатлениями, нет, все это было сопутствующим, он ехал за итальянским солнцем. И в благодатном итальянском климате, прогретившись до косточек, писал о русских затяжных дождях, русской метели, русском хилом лете.

Как нельзя отделить Льва Толстого от Ясной Поляны, Пушкина от Михайловского и Болдина, Лескова от Орла, Тургенева от Спасского-Лутовина, Анненского от Царского Села, так и Аксаков немислим без Абрамцева, хотя прожил он тут всего пятнадцать лет из своей долгой жизни. Но каких лет!

Помещик замолжских степных далей, казанский гимназист, московский чиновник и прочный житель старой столицы, Сергей Тимофеевич обрел в Абрамцеве вторую малую родину после своего любимого Ново-Аксакова, прославленного им под названием Багрово. Здесь же написаны все его главные произведения.

Выйдя в 1839 году в окончательную отставку, Сергей Тимофеевич стал подумывать о приобретении усадьбы под Москвой. Жить без природы он не мог, выезжать на лето всем кланом в далекую родовую вотчину во глубине Оренбургской губернии было слишком громоздким, практически неосуществимым предприятием, а дробить семью, пусть временно, Аксаковы не любил, снимать же дачу под Москвой — дорого да и не по нутру основателю Сергею Тимофеевичу, человеку не летучему, а корневому. Но найти имение по душе и по средствам оказалось делом весьма не простым.

Лишь в 1844 году появилось в жизни большой аксаковской семьи Абрамце-

во, мало изменившееся с той давней поры. Аксаковым с их истовым русским началом было важно и трогательно, что скромная усадьба лежит близ того святого места, откуда Сергей Радонежский призывал князя Дмитрия на Куликов битву. В Троице-Сергиеве кельарь Абраамий Палицын в тяжкую годину русского унижения обрел дар народного трибуна и разбудил дух нижегородского мещанина Минаина и храброго, чуть вяловатого воина Дмитрия Пожарского. Тогда же, в смутное время, разбилась о стены лавры вражеская кичливая рать. Аксаковы старались не думать о том, что здесь же, спасаясь от софьиных козней, нашел убежище Петр I и отсюда повел наступление на старую Русь, столь дорогую сердцу абрамцевских новожилых самобытным своим укладом и общим корнем. Студили семью западные веи в прорубленном Петром окне.

Невеликое имение стало одним из культурных очагов Москвы и центров славянофильства, ибо отсюда гремел голос самого одержимого и необузданного из них — старшего сына Сергея Тимофеевича — Константина.

И здесь спасался измученный Гоголь...

И здесь, «накушавшись», как говаривал затейник Лесков, благодатного абрамцевского воздуха, Сергей Тимофеевич на шестом десятке, угрожаемый слепотой, открылся дивным мастером прозы и спокойно, без суеты, но прочно уселся в сани русской классической литературы.

С Абрамцевом он простился лучшим своим стихотворением, посвященным Аполлону Майкову. Оно кончалось так:

*Прощайте, горы и овраги,
Воды и леса красота,
Прощайте вы, мои «коряги»,
Мои «ершовые» места.*

Аксаков, как в воду, как в прозрачную Вору, глядел, — отсюда он уехал в смерть...

Абрамцеву выпала особая участь: стать двойным историческим местом, дважды мемориалом. В 1870 году известный предприниматель Савва Мамонтов покупает Абрамцево у дочери Аксакова Софьи Сергеевны. Широко одаренный человек, ценитель искусства и меценат, Савва Иванович приобретает Абрамцево не только для себя и своей семьи, но и для своих друзей-художников. В Абрамцеве подолгу гостят Виктор Васнецов, Репин, Неврев, Поленов с сестрой, Антокольский, затем к ним присоединяются молодые: Константин Коровин, Врубель, Остроухов, Аполлинарий Васнецов, Серов.

Все, что создавали здесь художники: в красках, камне, глине, дереве, — было овеяно тем русским духом, который отличал Абрамцево в дни Аксаковых. Думается, не случайно Савва Мамонтов, приверженец самобытного отечественного искусства, остановил свой выбор на Абрамцеве, задумав собрать под крыло художников, наиболее преданных русскому началу. Этому отвечала абрамцевская традиция. Он кое-что тут достроил, но ничего не перестраивал, бережно сохранив и главный дом, и аксаковский кабинет с портретом Гоголя, и планировку парка, и, конечно же, любимую гоголевскую аллею. Люди пришли другие, новые, но исповедовали ту же веру, что и прежние владельцы усадьбы, и в двойной славе Абрамцева нет раздвоенности.

В аксаковском гнезде отогревались многие славные люди России. Здесь бывали наездами, а то и гостевали Щепкин, Погодин, Шевырев, Хомяков, Самарин, Тургенев и многие другие. Конечно, душой дома был Сергей Тимофеевич — высокоодаренный, умный, с непререкаемым нравственным авторитетом, по-русски хлебосольный и внимательный к людям. Но внутри аксаковской семьи расклад был несколько иной. Главой и мозгом семьи был, разумеется, Сергей Тимофеевич, но сердцем — старший сын его, Константин. Человек не очень дальнего ума, хотя и больших способностей, неистовый в убеждениях, горячий, необузданный в чувствах, с даром красноречия, он пользовался среди близких большим влиянием, которого не избежал и Сергей Тимофеевич. Он оглядывался на Костю, а умная и одаренная Вера буквально молилась на старшего брата и возненавидела Тургенева, посмевшего не соглашаться с ним. Константин Сергеевич и его друг Хомяков были признанными вождами славянофильского движения. Поэт, драматург, публицист и критик, Константин Аксаков имеет несомненные научные заслуги, он опубликовал ряд значительных лингвистических работ, но есть у него и другая

великая заслуга перед русским народом. По его упорнейшему настоянию впервые был отпразднован юбилей Москвы — семисотлетие. Любопытно, что тогдашний министр просвещения, пресловутый гонитель Пушкина, Уваров искренне не мог взять в толк, почему надо отмечать этот день. Тут сошлись и традиционная антипатия официального Петербурга к старой столице, безразличие к русской истории и полное отсутствие патриотического чувства. Как ни странно, национальную идею такого торжества понял Николай I и на радостях прислал московскому генерал-губернатору разрешительную депешу в каком-то залихватском тоне: празднуйте на здоровье, сколько хотите и как хотите.

Младший брат Константина — Иван Сергеевич полностью разделял его взгляды, но был человеком иного, практического склада. Ему хотелось принести деятельную пользу России, и он служил энергично, по-аксаковски правдиво и горячо. Последнее противоречило духу николаевского бюрократического аппарата, пришлось выйти в отставку. Он занялся журналистикой, бесстрашно отстаивал свои взгляды и снижал европейскую славу. Женившись на старшей дочери Тютчева, он издал второй — при жизни Федора Ивановича — сборник его стихов, очистив от тургеневских поправок. Он же написал биографию Тютчева, долгое время оставшуюся единственным трудом о великом философском лирике России.

Можно наговорить много дурных слов о славянофилах, но все же не нужно забывать, что эти люди отстаивали культурную, нравственную самобытность России, чтобы не стала она скопом с западного мира, не потеряла своего неповторимого лица. И они были стойкими противниками крепостного права, видя спасение России в крестьянской общине. Царское правительство упорно преследовало их и лишь на короткое время Крымской войны помячело в надежде, что поднимутся славянские племена, находящиеся под господством Турции и Австрии. Когда же война была проиграна, вернулось к прежним гонениям.

Сам Сергей Тимофеевич себя славянофилом не называл, ему претили крайности движения, панславянство и пресловутый щит Олега на вратах Царьграда, он говорил о своей приверженности «русскому направлению». Он не мог оставаться равнодушным к бесу подражательности Западу, овладевшему не только высшим обществом, петровской столицей, но и провинциальным дворянством, купечеством, городскими мещанами и даже зажиточным крестьянством. Он носил старинную русскую одежду и бороду на скиперский манер с голым подбородком. В пору гонения на славянофилов он отказался сбрить бороду и сменить русское платье на «немецкое». Может показаться странным, что умный, пожилой, знающий себе цену человек так упрямо отстаивал несколько клочков седых волос и бесформенный архаичный. Но Аксаков не ленился писать пространные петиции сперва московским, потом петербургским властям, чтобы ему оставили бороду и привычную одежду. С такой беспощадностью самовластная почтенному, заслуженному человеку было приказано расстаться с привычной внешностью, и ему пришлось подчиниться. Самое дикое, что власти видели в бородах славянофилов не русскую традицию, а моду итальянских карбонариев. Достоинство старого писателя был нанесен тяжелый удар.

Сергей Тимофеевич скончался 30 апреля 1859 года, до глубокой старости было еще далеко, но жизненные ресурсы оказались исчерпанными. Он тяжело, мучительно болел, ему грозила полная слепота, и он до конца спел песню своей жизни, всю ее, включая предбытие, перелив в литературу. Только маленький очерк оборвался на полуслове. Он прожил большую и при всех тяготах счастливую жизнь.

Константин Аксаков не пережил потери безмерно любимого отца, скоротечная чахотка через год унесла еще молодого, сильного человека.

Иван Аксаков прожил долгую деятельную жизнь. Его борьба за обесславянское дело принесла ему неслабкую популярность. «увенчавшись», как сказано в слове Брокгауза и Ефрона, — кандидатурой его на болгарский престол, выдвинутой некоторыми болгарскими избирательными комитетами. Престола Иван Сергеевич не занял, зато вскоре угодил в ссылку. Но пусть не стало царской династии Аксаковых, в русской культуре эта династия прославлена навсегда.

Сказка Большого города

Владимир САНАТИН

Март. Солнышко пригревает. Иду по площади 1905 года и вспоминаю холодную зиму, метели и... снежную сказку, пришедшую сюда в дни новогоднего праздника. Корабли царя Салтана и «тридцать витязей прекрасных», целомудренная царевна и королевич Елисей, находчивый, смекалистый работяга Балда и воплощение мужества, благородства царь Гвидон, ненасытная старуха у разбитого корыта и искатель удачи старик в золотой одежде, но с золотой рыбкой в руках — в гости к свердловчанам явились в декабре герои пушкинских сказок. Пришли не сами по себе, их пригласили уральские мастера. Впрочем, «пригласили» — не совсем верно сказано. Придется уж открыть секрет: чудесные скульптуры на площади уральскими мастерами и созданы.

А было так. В дни, когда сотни машин вывозили с улиц Свердловска снег, навстречу им шли другие... с белоснежным, в чистом поле добытым снегом. А на Верх-Исетском пруду горожане могли видеть резчиков льда, забытые ледяны-

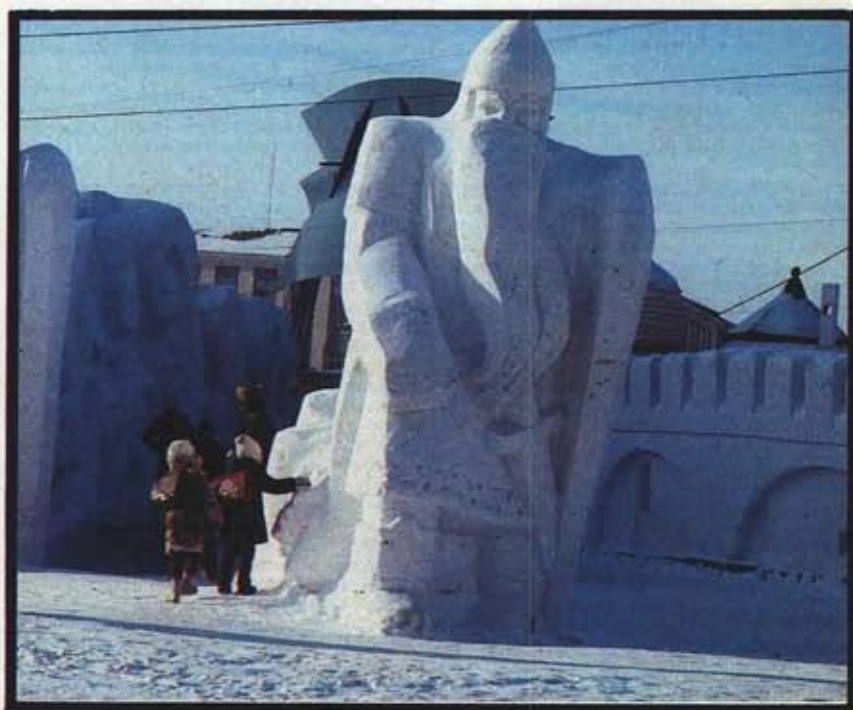

Фото Альберта Лехмуса и Владимира Чейшвили

ми блоками кузова и прицепа. Рабочие шестидесяти предприятий города и, конечно же, художники, скульпторы участвовали в сотворении сказки. Только плотники экстра-класса могли возвести крепкие, могучие хоромы царя Додона, увенчанные золотистыми куполами, остроконечными сторожевыми башнями. «...Жил-был славный царь Додон. С молодости был грозен он...» Но сколько ни грозился ледяная царь-батюшка, в полуторамиллионном Свердловске долго никто не мог доставить в его палаты волшебного Золотого петушка. И тогда на площади появился Иван Александрович Возчиков, просто слесарь, рабочий завода имени Калинина. Он и «вынул из мешка Золотого петушка».

— Ну, не совсем так было, — объяснял потом слесарь Возчиков. — Я-то знал, что петушок сам не свалится в мешок. Приходилось в цехе вечеровать. Уж больно точная работа. И клювом петух обязан щелкать, и крыльями хлопать, и голосить каждые полчаса... Такого и сделал. Не мог же я пушкинскую сказку перевернуть. Знал, на елку дети придут. А дети ведь даже лучше, чем мы, взрослые, чувствуют Пушкина...

Возможно, другому городу достаточно было бы разукрашенной лесной красавицы; поглядел на разноцветные огоньки, скатился с горки, подобрал шапку — и домой. Только у свердловчан другие традиции. И стар, и млад спешат они в праздничные дни на площадь. Не скроем, самая большая очередь в диковинном городке за уральскими пельменями. Но не кухня венчает затею. К новогоднему городку люди спешат за другим. В разные годы встречались они здесь с героями Пушкина, Жуковского, Гоголя, Мамина-Сибиряка, Бажова. И не однажды приходилось видеть, как из обшарпанного совхозного автобуса, невзвешенная как пробившегося по бездорожью в Свердловск, вываливается ватага ряженых ребят и девочек, заливиисто чистит деревенская гармошка, к ней на помощь спешат гитара, аккордеон... И десятки людей пляшут уже без оглядки, вприпрыжку... Как же хорошо выйти на свежий воздух, вот на такую бурлящую, ликующую площадь и увидеть вдруг, что крепостные ворота царя Додона открыты настежь, а из-за них слышатся сатирические частушки о каком-то

современном бюрократе. Выйти и увидеть вдруг, что под сенью снежных крыльев царевны Лебеди целуются влюбленные. Или с улыбкой наблюдать, как дразнят дошкольники снежную старуху у разбитого корыта.

— В сказочных образах Пушкина отразились моральные качества русского человека, и мне хотелось это передать, — говорит автор проекта новогоднего городка молодой свердловский художник Николай Теофилактос. — Понимаю, почему, переводя эскизы в натуре, студенты архитектурного института, художественного училища, мастера-форматоры нашего художественного фонда, даже несмотря на жестокие морозы, работали с энтузиазмом. Как художник я рад, что руководители города и области к новогодним приготовлениям относятся с вниманием, считая это тоже идеологической работой. А помогли нам и мэр Свердловска Павел Михайлович Шаманов, и зампредгорисполкома Юлия Васильевна Корпачева, и главный художник города Сергей Александрович Луканин, обком и горком ВЛКСМ.

Сказочный городок на площади 1905 года в нашей области не единственный. Подобные строятся в Алапаевске, Серове, Первоуральске, Ревде, да, пожалуй, во всех райцентрах Свердловской области.

В Каменске-Уральском даже проводится конкурс на лучший городок, а в Нижнем Тагиле студенты пединститута и Уральского училища прикладного искусства ваяют новогоднюю сказку с помощью отрядов безвозмездного труда. Директор училища Яков Васильевич Полещук рассказывал мне, что его воспитанники во главе с Элей Рочаловой, секретарем комитета ВЛКСМ, давно уже строят новогодние городки без всяких указаний сверху и трудятся не только на центральной площади Нижнего Тагила, но и в парках отдыха, детских садах и даже во дворах.

«Сказка — ложь», — говорил поэт. Да, кончаются праздничные дни, разрушают бульдозеры белоснежные палаты царя Додона, крыши-купола. Избушки на курьих ножках перевозят в школьные дворы и парки. Но праздник на площади все будут вспоминать и в жаркие июньские дни. Ибо «сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

Разве трудно в каждом городе комсомольцам устроить для ребят такой же веселый зимний праздник, как это делают свердловчане?

ВЛКСМ ВЫРАЖАЕТ ИНТЕРЕСЫ МОЛОДЕЖИ, ЗАБОТИТСЯ О РАЗВИТИИ И БОЛЕЕ ПОЛНОМ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК... Из проекта Устава ВЛКСМ

Читатели активно откликнулись на публикацию материалов о новосибирском фонде молодежной инициативы («Смена» № 1). Люди разных профессий и возрастов поддерживают идею создания объединений, подобных новосибирскому, полагая, что это и есть обновление, оживление работы комсомола, о котором так много говорит сегодня молодежь.

ИНСТРУКЦИИ — НЕ ДОГМА!

С интересом прочитал о новосибирском фонде молодежной инициативы. Приятно было узнать, что нашлись люди, которые пошли наперекор медленному течению четко регламентированной инструкциями комсомольской жизни. Согласен с выводами, прозвучавшими в статье. Молодежь стала малоинициативной, инертной потому, что часто наталкивалась на равнодушное: «Работайте по существующим инструкциям! Зачем нарушать порядок?» Надо его нарушать! Инструкции — не догма. Радует то, что комсомольцы Новосибирска не только генерируют идеи, но и добиваются их воплощения в конкретные дела. Сегодня фонд объединяет уже более трех тысяч человек, и эта цифра, несомненно, будет расти, потому что активность творчества заразительна. Хочу высказать одно пожелание организаторам фонда. Сейчас в стране идет перестройка. Одна из ее сторон — совершенствование хозяйственного механизма экономики. В этой связи довольно популярным становится слово «хозрасчет». В статье «Притяжение дела» говорится, что «необходимо широкое внедрение хозрасчета в комсомольскую работу, в деятельность различных молодежных любительских клубов и объединений». Согласен. Но нельзя допустить, чтобы чисто финансовая проблема заслонила другую, на мой взгляд, даже более важную — воспитания инициативных, творчески мыслящих людей.

Насколько я понял, сейчас в новосибирском фонде воспитательная работа ведется успешно.

В статье рассказывается о молодых инженерах-электронщиках, создавших свой персональный компьютер. Молодцы! Но целесообразно ли фонду брать на себя массовый выпуск этих микрокомпьютеров? Ведь эта задача промышленных предприятий. И если эти предприятия «в силу сложившихся традиций» не могут самостоятельно решить вопрос о сотрудничестве, то правильным ли выходом будет латание дыр бесхозяйственности и нерасторопности комсомольской инициативой?

Я, конечно, понимаю, что производство микрокомпьютеров и для государства, и для молодых электронщиков выгодно. Но как бы и тут не свелось все к чисто материальной заинтересованности. Может показаться странным, что я, экономист, призываю к осторожности в отношении с делами чисто экономическими. Но делаю это потому, что тут важно не ошибиться, не перегнуть палку. Не лучше ли сосредоточить усилия молодых специалистов (в данном случае инженеров-электронщиков) на исследовательской работе? Пусть ищут новые решения, а фонд способствует их быстрому внедрению. Новосибирск — крупный научный центр. И если проснувшаяся творческая инициатива молодежи получит поддержку ученых Сибирского отделения АН СССР, от этого,

думаю, выиграют и те, и другие. Надеюсь, что «Смена» продолжит рассказ о новосибирском фонде молодежной инициативы, о его новых делах, а также о подобных организациях, существующих в других городах. Такой опыт достоин всесторонней поддержки и распространения.

Сергей НОВИКОВ
экономист, Москва

ДАЕШЬ НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО!

Кому-то это, наверное, может показаться странным, но самыми интересными в первом номере «Смены» мне

показались материалы о новосибирском фонде молодежной инициативы. Наконец-то комсомол начал пробуждаться от спячки. То, что делается в Новосибирске, — настоящее дело.

И хотя устав фонда по занимательности несколько уступает роману братьев Вайнеров, первая часть которого опубликована в этом же первом номере, я с интересом его прочитал. Скорее всего, далеко не все станут читать это, но зато комсомольским работникам вы сделали большую услугу: вот он, практический опыт, изучай, применяй у себя. И вообще в материалах подобного рода хорошо бы побольше конкретики, пусть даже в ущерб занимательности, но чтобы было понятно, как и что делается во всех деталях.

Алексей ДАНИЛИН,
инженер, Новоалтайск

МЫ — ЗА ФМИ!

В материалах о новосибирском ФМИ поднимается, по моему мнению, важнейшая для комсомола проблема. Ее можно определить как несоответствие между комплексом задач по коммунистическому воспитанию молодежи, которые должен решать комсомол, и имеющимися для этого возможностями. Задач много, возможностей мало. Не в этом ли главная причина превращения толковых, энергичных ребят, выдвигаемых на комсомольскую работу, в умелых говорунов, в квалифицированных имитаторов активной деятельности? Попробует комсомольский руководитель взяться за одну проблему, другую и видит, что чаще всего ему надо что-то выпрашивать, доставать, выкручи-

ваться. Пытаясь сделать что-то реальное, он вязнет в многочисленных ограничениях — финансовых, юридических.

В нашем городе накоплен немалый опыт преодоления подобного рода препятствий. Но, к сожалению, слишком многое зависело и зависит не только от комсомольской предприимчивости и энергии, но и от благожелательности руководящих органов. Нам чаще идут навстречу, чем отказывают, но разве это нормально, когда существует такая огромная зависимость комсомола от настроений других организаций и учреждений?

вольствие дорогое. Кстати, клуб «Старый город» принимал множество зарубежных делегаций, и гости восхищенно говорили: «У нас такого нет!»

А взять общегородской уровень. Каким образом комсомол может организовать несколько крупных молодежных центров, где любой молодой человек сможет найти себе интересное занятие, реализовать свои творческие возможности, свои идеи? Идти с шалкой по кругу — просить средства у предприятий? Затем просить у финансовых органов разрешения эти средства использовать (если их дадут) так, как считает нужным горком комсомола?

Комплекс молодежных центров, вырастающих на основе десятков молодежных клубов, — это в нынешних условиях лишь мечта. Ведь даже те 35 тысяч рублей «привлеченки», которые лежат сейчас в банке на счету горкома, использовать по своему усмотрению он не может: слишком много различных ограничений.

Фонд молодежной инициативы, о котором рассказала «Смена», позволяет изменить это положение, дает возможность самостоятельно заработать недостающую часть денег и распорядиться ими в интересах конкретного дела.

Принцип самоуправления молодежных клубов, центров, приложенный к финансовой самостоятельности, позволит комсомолу решать всевозможные проблемы комплексно, оперативно, не оставаясь вне поля своего воздействия ни одного комсомольца.

Мы за фонд молодежной инициативы! Намерены в ближайшем будущем создать такой же в нашем городе.

Сергей КУЧЕРЕНКО,
первый секретарь ГК ВЛКСМ,
Илья ИНШАКОВ,
секретарь комитета комсомола физико-энергетического института,
Виктор ТИТОВ,
секретарь комитета комсомола завода «Сигнал»,
Эдуард САМОЙЛОВ,
корреспондент областной газеты «Молодой ленинец»,
Обнинск, Калужская область

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы намерены и в дальнейшем рассуждать о работе молодежных объединений. И публикуем сегодня устав МЖК г. Свердловска.

Мы планируем открыть в журнале новую рубрику — «БАНК ИДЕЙ». Если у вас есть какие-то конкретные предложения, как улучшить работу в комсомоле, как интересно организовать досуг молодежи, пишите нам. Расскажите о том, как вы пытались или пытаетесь внедрить свои идеи на месте, как к этому отнеслись комсомольские работники, хозяйственные руководители.

Пусть вас не смущает, какого масштаба будет ваша идея — от глобального до индивидуального. Главное, чтобы она содержала в себе рациональное зерно социальной значимости. Хотелось бы, чтобы вы не просто предложили идею или рассказали о своем опыте, который может быть интересным и для других, но и разработали подробный план, по которому ваша идея может быть реализована. Мы будем публиковать это на страницах журнала для широкого обсуждения, связываться с компетентными организациями и помогать внедрять ваши предложения. Итак, наш «БАНК ИДЕЙ» открыт!

Зарегистрирован решением
исполнительного комитета
Свердловского
городского Совета
народных депутатов
28 мая 1980 года

Социалистический строй обеспечивает улучшение условий жизни граждан, гарантирует право граждан СССР на жилище развитием государственного и общественного жилищного фонда, проявляет заботу о семье, обязывает всех граждан заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества.

Действенной формой решения этих проблем могут стать молодежные жилые комплексы (МЖК).

Молодежный жилой комплекс — это общественная организация, объединяющая на добровольных началах по месту жительства рабочую, инженерную и научно-техническую молодежь и ставящая своей основной задачей поиск новых и совершенствование сложившихся форм социалистического общежития. Молодежный жилой комплекс является юридическим лицом и пользуется его правами. МЖК имеет текущий счет в отделении Госбанка СССР, печать и штампы.

Создание комплекса ведется силами группы предприятий-дольщиков г. Свердловска на средства, отпущенные предприятиями целевым назначением, при непосредственном трудовом участии будущих жителей комплекса, из числа которых формируется комсомольско-молодежный строительный отряд (КМСО МЖК).

1. Задачи и основные направления деятельности комплекса

1.1. Создание единого коллектива, способного на основе самоуправления решать идеологические, культурно-воспитательные и социально-бытовые вопросы.

1.2. Обеспечение условий для гармоничного и всестороннего развития детей. Предусматривает строительство детского комбината, школы, детских клубов, спортивных секций и кружков. Непосредственно в жилых корпусах предусматривается организация на общественных началах вечернего детского сада, игровых комнат и т. п.

1.3. Создание условий, благоприятствующих становлению, развитию и укреплению молодых семей.

1.4. Создание условий, способствующих решению проблемы текучести кадров среди молодежи, закреплению молодых работников на предприятиях.

1.5. Организация политико-массовой, культурно-воспитательной и спортивной работы среди взрослых членов МЖК. С этой целью предусматривается создание читальных залов, библиотеки, радиоцентра, кинозала, работа молодежного кафе, кинолектория, дискотеки и др.

1.6. Создание наиболее совершенных форм коммунально-бытового обслуживания с целью сокращения затрат времени жителей на хозяйственную деятельность и использование этого времени на общественную работу, воспитание детей, отдых и спорт. С этой целью в комплексе проектируется бытовой комбинат, торговый центр, домовая кухня, стол заказов, кафе, столовая. Для сокращения затрат времени, связанных с транспортом, и учитывая, что большое количество проживающих в комплексе работает на одних и тех же предприятиях, предусматриваются утренние и вечерние рейсы автобусов.

2. Права и обязанности членов молодежного жилого комплекса

2.1. Членами МЖК могут быть:
— бойцы КМСО МЖК после выполнения трудовой программы, а также совершеннолетние члены их семей, признающие Устав МЖК и участвующие в работе по созданию и функционированию МЖК;

— граждане СССР, проживающие на территории молодежного жилого комплекса, признающие Устав МЖК и участвующие в работе по созданию и функционированию МЖК. Прием в члены МЖК осуществляется по личным заявлениям граждан, поданным в совет МЖК;

— предприятия, учреждения и организации, предоставляющие средства и трудовые ресурсы, необходимые для создания материально-технической базы и функционирования МЖК, в соответствии с Уставом МЖК.

2.2. Член МЖК имеет право:

2.2.1. Избирать и быть избранным в руководящие органы МЖК.

2.2.2. Свободно обсуждать вопросы, связанные с деятельностью МЖК, на собраниях корпусов, конференциях МЖК, заседаниях органов МЖК и в стеновой печати, обжаловать решения МЖК в установленном законом порядке.

2.2.3. Вносить конкретные предложения и требовать ответа по существу своего обращения.

2.2.4. Открыто высказывать и отстаивать свое мнение до принятия решения.

2.2.5. Лично участвовать в любых собраниях и заседаниях органов МЖК, когда обсужда-

МЖК КАК ЕГО ОРГАНИЗОВАТЬ

Устав молодежного жилого комплекса г. Свердловска

ется вопрос о его деятельности или поведении.

2.3. Член МЖК обязан:

2.3.1. Служить примером коммунистического отношения к труду, общественной жизни, быть примером поведения в быту, общественных местах, на производстве.

2.3.2. Соблюдать Устав МЖК, своевременно выполнять требования и поручения органов МЖК, активно участвовать в общественной жизни комплекса, ставить общественные интересы выше личных.

2.3.3. Бережно относиться к жилому фонду, соблюдать чистоту и порядок в квартире и местах общественного пользования, экономно расходовать электроэнергию, воду.

2.3.4. Лично участвовать в решении культурно-бытовых вопросов.

2.3.5. Вести решительную борьбу со всеми проявлениями буржуазной идеологии, мещанского быта, тунеядства, пьянства, любыми иными антиобщественными проявлениями.

2.3.6. Развивать критику и самокритику, вскрывать недостатки в работе МЖК.

2.4. Оргкомитет и совет МЖК могут применять к нарушителям Устава МЖК меры обще-

ственного воздействия, вплоть до исключения из членов МЖК. Исключение производится советом МЖК, решение которого утверждается оргкомитетом МЖК при ГК ВЛКСМ. Решение об исключении из членов МЖК может быть обжаловано в месячный срок в ГК ВЛКСМ.

2.5. Наиболее активные члены МЖК поощряются оргкомитетом МЖК. К мерам поощрения относятся: занесение в Книгу почета и на Доску почета МЖК, награждение Почетной грамотой и другие.

3. Организационное строение комплекса

3.1. Руководящим принципом организационного строения МЖК является демократический централизм, означающий:

3.1.1. Выборность всех руководящих органов МЖК снизу доверху.

3.1.2. Периодическую отчетность органов МЖК перед членами МЖК и вышестоящими организациями.

3.1.3. Обязательность решений вышестоящих органов МЖК для нижестоящих и каждого члена МЖК.

3.1.4. Строгую дисциплину и подчинение меньшинства большинству.

3.1.5. Демократический централизм соче-

тает инициативу и ответственность каждого за порученное дело.

3.2. Высшим руководящим органом МЖК является конференция МЖК. Конференция МЖК и общие собрания членов МЖК (жители корпусов) избирают исполнительные органы: соответственно оргкомитет, совет и ревизионную комиссию МЖК и советы жилых корпусов. Совет МЖК осуществляет руководство жизнедеятельностью комплекса. Ревизионная комиссия МЖК — контроль за деятельностью всех органов МЖК.

Срок полномочий советов и ревизионных комиссий устанавливается конференцией МЖК. В период проектирования и строительства комплекса высшим исполнительным органом является организационный комитет МЖК при ГК ВЛКСМ. В целях проведения организационной работы на предприятиях-дольщиках создаются штабы МЖК при комитетах ВЛКСМ. Для работы в оргкомитете привлекаются в основном представители организаций-дольщиков, состав организационного комитета избирается конференцией МЖК и утверждается бюро ГК ВЛКСМ. Советы корпусов избираются по мере ввода в эксплуатацию жилых домов. Совет корпуса является структурной единицей совета МЖК.

На этапе строительства МЖК совет МЖК является структурной единицей оргкомитета МЖК. Деятельность организационного комитета МЖК прекращается с вводом в эксплуатацию последнего объекта МЖК, все функции управления МЖК передаются совету МЖК.

В своей деятельности организационный комитет при ГК ВЛКСМ руководствуется Уставом МЖК, Положением об организационном комитете по созданию молодежного жилого комплекса в г. Свердловске и планом работ, утвержденными ГК ВЛКСМ.

3.3. Выборы советов и ревизионной комиссии осуществляются открытым голосованием. Голосование по каждой кандидатуре проводится персонально. Избранными считаются кандидаты, за которых проголосовало более половины участников конференции.

3.4. Конференция созывается по мере необходимости, но не реже одного раза в два года. Общие собрания жителей корпусов собираются по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

4. Органы управления комплексом

4.1. Высшим руководящим органом МЖК является конференция.

4.1.1. Заслушивает и утверждает отчеты оргкомитета МЖК, совета МЖК и ревизионной комиссии МЖК.

4.1.2. Принимает и изменяет Уставы МЖК и КМСО МЖК. Изменения считаются принятыми, если за них проголосовало не менее двух третей делегатов.

4.1.3. Определяет основные направления в работе МЖК, рассматривает и решает вопросы его деятельности.

4.1.4. Избирает оргкомитет МЖК, совет МЖК и ревизионную комиссию МЖК.

4.2. В период между конференциями МЖК совет МЖК является исполнительно-распорядительным органом, руководящим жизнедеятельностью МЖК непосредственно и через создаваемые им комиссии идейно-политического воспитания, жилищно-бытовые, культурно-массовые, информационные и т. д.

4.3. При совете МЖК организуется товарищеский суд и добровольная народная дружина.

4.4. Все решения совета МЖК, ревизионной комиссии и иных комиссий и отделов доводятся до сведения жителей МЖК.

4.5. Общее собрание жителей корпусов МЖК является высшим руководящим органом жилого корпуса.

Общее собрание:

4.5.1. Заслушивает и утверждает отчет совета жилого корпуса.

4.5.2. Определяет основные направления решения задач, поставленных конференцией МЖК.

4.5.3. Решает вопросы деятельности жилого корпуса.

4.5.4. Избирает совет жилого корпуса.

4.6. В период между собраниями совет корпуса является высшим исполнительно-распорядительным органом, осуществляющим руководство деятельностью жилого корпуса непосредственно и через свои комиссии и отделы. Все решения совета жилого корпуса доводятся до сведения жителей корпуса.

4.7. Совет жилого корпуса подотчетен собранию жителей корпуса и совету МЖК.

5. Принятие и утверждение Устава МЖК

5.1. Устав МЖК принимается и изменяется на конференции МЖК и регистрируется в исполнительном комитете Свердловского городского Совета народных депутатов. Последующие изменения и дополнения в устав вносятся в таком же порядке.

6. Прекращение деятельности комплекса

6.1. Деятельность МЖК прекращается в случае признания конференцией МЖК необходимости его ликвидации или реорганизации (слияния, разделения или присоединения).

Решение конференции МЖК подлежит утверждению исполнительным комитетом Свердловского городского Совета народных депутатов.

Закончив Киевский топографический техникум, Борис Наконечный приехал по назначению в Ачинск Красноярского края, участвовал в экспедициях по созданию карт в бассейнах Енисея, Ангары, Иртыша, много лет работал охотником-рыбаком в Южно-Туруханском госпромхозе, а сейчас живет в Сосновоборске. Основной художественный и нравственный принцип, которому он верен, — рассказывать о сложных вещах попроще и доносить важные детали, а самое главное — не отходить от правды. У его героев самая высокая похвала для человека в работе и смерти — «он все делал правильно». Его рассказы убеждают, что за простым, как будто даже бесстрастным свидетельством «вот такая обычная жизнь» стоит нескрываемое восхищение: «Вот как еще могуч человек!»

Валентин КУРБАТОВ

МЕДВЕЖЬИЙ УГОЛ

Борис НАКОНЕЧНЫЙ

Рассказ

Памяти Семена Егоровича Муксунова, сборщика пушнины из поселка Келлог.

Старик Семен стоял с непокрытой головой в телогрейке и ватных прожженных штанах. Нижнюю часть лба и глаза закрывала повязка из темной ткани. Он опирался на посошок и слушал. Ближе к избушке на тропе лежала белая остроухая собака.

Река перед избушкой круто изгибалась, течение лизало слоеный песок кручи. Время от времени его груды осыпались с шумом. Наверху корни сосен были обнажены и висели. Одно дерево упало зеленой вершиной в реку, но еще цеплялось за верх обрыва; тропа к реке шла влево по самому краю.

Осенью холодное ясное утро — гулкое.

С верховьев спускалась моторная лодка. Звук был сначала слабый, тянулся долго и заполнил вокруг все. Старик показалось, что лодка проплывает мимо, но вдруг мотор стал работать тише — взревел и заглох. Волны ударили в обрыв одна за другой. Человек выпрыгнул легко, о землю ударился тяжелый мешок.

— Хе! — узнал его Семен. Он пошел вдоль обрыва и спустился по косоугору к узкому пляжу. Собака осталась наверху.

— Лебедь совсем старая стала, — сказал приезжий о собаке. — Раньше бежала впереди тебя...

— Птица на пески вылетает? — спросил старик о глухарях.

— Сегодня четырех видел. Я вниз плыву — нужно зверя добыть. На звероферме мяса совсем нет.

— Ты можешь добыть лося, если свернешь на Сиговую. В это время там бывают лоси. Твой отец всегда убивал на Сиговой одного зверя. Один раз он добыл сразу двух быков: двух — на самом берегу. Он говорил, что носить в лодку было совсем близко. Они оба были жирные — он привозил мне сало... Ты муку не привез? — неожиданно спросил Семен. — Я мотор слушал, думаю: какой человек мимо проезжает?

— Один куль привез. Я спешу. Мука хорошая, ржаная — девятнадцать рублей куль...

— Это хорошо! — обрадовался старик. Он скривил рот, поднял руку к голове и провел ладонью по волосам от затылка ко лбу. — Мне до весны терпеть — нужно не меньше чем три куля...

— Я спешил, — сказал приезжий. — Еще два тебе привезет Илья. У него большая лодка; он привезет и чай, и масло. Твою пенсию получал Георгий; они с Ильей все купят. Илья и его старуха выедут через два дня. Я сейчас еду.

— А чай с белкой есть? — Старик Семен спросил о том сорте плиточного чая, на этикетке которого нарисована белка.

— Есть.

— Это хорошо.

— Слушай, тебе письмо есть.

— Какое письмо? — старик удивился. — Век ни одного письма не получал!

— Оно — три листа. Мы с Ильей читали. Это какой-то твой друг. Ты его vez один раз на илимке в Келлог. Ему нужна медвежья желчь: у него сильно живот болит. И печень... Илья сказал, что в городе

живет совсем глупый народ. Совсем глупый человек — просит у тебя!

Приезжий достал вскрытое письмо из металлического ящика, в котором лежали инструменты и запасные части к мотору.

Старик не ждал никакого письма и теперь только и думал об этой неожиданной новости. Он сел на койку у стола пить чай. В лепешке попадались рыбы кости. Семен вспомнил, что вчера, после ужина, забыл их выбросить из котелка, и лепешка получилась негодная. Он хлебал и думал, что с ней делать. Не хотел ее выбрасывать — опасался, что съест Лебедь, и кости пеляди собаку ранят. Наконец решил положить на крышу; если станут клевать птицы — кости для них не опасны. «Птицу она не уберет», — подумал он. Старик был очень недоволен, что состряпал негодную еду. Он поднимал мешки — это была важная, тяжелая работа; он устал от нее, но еще больше от неприятного случая с лепешкой. Старик все время не переставал думать о новостях. Старался вспомнить человека, которого vez в Келлог. Они возили многих, вспомнить было трудно. Но старик показалось, что он вспомнил. Тогда вся его бригада была — два человека. К тому времени столько раз ходил с лодкой вверх и вниз по реке, что трудно посчитать.

Из деревни сплавлялись по Енисею, потом поворачивали в устье их реки. И уже не беспокоились, что на большой воде им помешает ветер. В устье течение было сильное, берега крутые и заросшие — тянуть лодку там всегда трудно. Первая речка, которая впадает по левую руку, — Парная; у Парной самый высокий берег и больше всего комаров. Потом старое русло — «Аппендицит», за которым на реке начинались хорошие для ходьбы чистые песчаные пляжи. Дальше — Сосновая курья, Лунный песок, Кедровый бор — места, где по заморозкам, после рассвета вылетает больше всего глухарей; они ходят и ищут камушки; он слышал иногда, как осторожные птицы поднимаются и усаживаются с шумом на деревья. Оттуда недалеко до устья Хоробы. Там в дупле кедра похоронен ребенок, которого когда-то родила жена Ильи, — ребенок умер совсем маленький; рыбаки недавно говорили, что дерево теперь упало, и кости в нем, как скелет рыбы. Еще дальше Олений перекал и фактория, а выше и выше — реки то слева, то справа: Хола, Выдринная, Алтус, Хынчес, Сиговая. До Сиговой шли неделю, и это была половина всей дороги. У фактории, на Оленьем перекале, было место, где утонул с оленями отец.

Чумы стояли часто по всей реке. Лямщики останавливались у всех. Каждый раз, когда лодка приставала, их встречали дети. Многие из тех, кто теперь имеет взрослых детей, брали в ладони пальцы его руки и вели к чуму. Семен пил чай и рассказывал новости. А они рассказывали свои, давали подержать убитую птицу; он любил ее держать в руках и гладил перья. Они прощались и тащили лодку дальше к поселку. Муку, чай, порох, все, что нужно.

Семен помнит человека, у которого теперь болит печень.

Когда тот человек сел в лодку, они почувствовали,

что он совсем чужой. Председатель рыболовецкого кооператива сказал, что в дороге давать работу этому человеку не надо. Пусть едет так. Везти его было плохо. Он спрашивал очень много. Уходил по берегу вперед, и приходилось ждать, когда нужно переправляться на другую сторону. Было время — перед шугой: лямщики торопились. Этот человек мешал, и они сторонились его и молчали. Он заходил в каждый чум и выспрашивал у тех, кто знал русский, разные кетские слова и повторял их, и выспрашивал у старших старинные сказки. Он сильно мерз ночью и по утрам. Бежал по берегу и хлопал ладонями по коленям. Хотел помочь тянуть лодку, но лямку ему не дали...

...Старик встал и выплеснул чайную заварку. Сел на койку и потрогал конверт. Бумага была очень гладкая и хрустела, когда он хотел вынуть листы. Передумал — не стал их трогать, снял повязку с лица, промыл водой из медного помятого таза белесые глаза. Постирал с серым мылом тряпку и повесил ее. Огонь в железной печке прогорел. Старик медленно опустился на половицу, вытянул ногу у самой печки и подогнул другую, принялся строгать ножом лучину. Он любил маленький нож из пружины капкана и любил строгать. Очень тонкими ленточками стружки завивались одна к другой. Он зажег этот пучок, положил его на золу, прикрыл лучинами и полечками. Огонь в трубе зашумел, заклокотал у отверстия дверки; запахло смолой. Старик сидел на полу и слушал. Он любил песню огня и запах дыма; запах горячей смолы успокаивал и снимал усталость. Эти запахи были всегда. Так пахло, когда они грелись с отцом. Он хорошо помнит отца и белых оленей. У них были белые олени. Белый цвет — это хорошо, он очень любил белый цвет. Олени бегут, белая собака за нартами — и река вокруг вся белая. Лицо отца, в иinee, повернулось веселое:

— Ты не замерз?

— Нет, не замерз.

Говорит отец:

— Замерзать не надо!

Отец кричит оленям — поворачивают они к берегу. Сизый пар идет вверх прямо, и два сакуя — один большой, другой совсем маленький — прыгают каждый на одной ноге около полыни и толкают друг друга. Олени рядом, пугаются, шевелят взад-вперед ушами. Лицо отца злое, он хватает маленького Семена и бросает — нет ни оленей, ни отца, он один сидит в снегу и плачет. Лебедь бежит вокруг черной воды и лает, и садится, и воет долго. Красное солнце, большое, некружное, не поднялось над острыми елей, а уже опускается у поворота реки...

...В дверь заскребились. Она приоткрылась. В щель протиснулась белая лапка и с лапкой собачий нос; и вот уже вся собака медленно прошла, стуча когтями, за спиной старика, легла на сухую хвою под койкой, вздохнула тяжело.

«...Старая совсем стала, — подумал старик. — Отец всегда держал белых. Белые — хорошие охотники. Отец был хорошим охотником. Лучше его не было...» Человек, который ехал в илимке, сказал:

«Выше тебя, Семен, на этой реке нет». Напарник это слышал, и другие люди слышали. Отец был выше. Все мужчины их рода всегда были выше других. А он за всю жизнь не убил ни одного самого маленького зверя. Он и белки ни одной не добыл!..

Лямка — его дело. Когда пришло время и другие пошли на охоту — он надел лямку. Летом и зимой — лямка! Охотники — на оленях; он с нарточкой — по их следам: туда муку — назад пушнину.

И в войну он тоже был сборщиком пушнины. Иногда один, иногда с женщинами. И у них был бригадиром. Ему не нравилось работать с женщинами — не нравился их запах после работы... Когда он был молодой, каждая, одна за другой, ушли в чумы к охотникам; к нему не пришел никто. У слепого и чума своего не было.

Летом — лучше. Зимой одному в тайге совсем плохо. После нового снега — мука тяжелая. Нужно сначала топтать лыжню, а потом возвращаться за нартой, и все равно: из ручья или из речки подниматься тяжело. Бывало, он злился и бил Лебедь. Он бил ее посохом, хотя слышал до этого, что она внизу сильно тяжело дышит... Было пять собак — больше не будет. У нее не может быть щенков. Он хорошо знает, что она последняя...

Когда метель, в камус лыж набивается много снега, и они тяжелые, а в сильный мороз полозья нарт не скользят совсем. Плохо далеко от станом на тундрах: все переметает, и трудно находить затесы, где опять начинается тропа. Он ощупывал много деревьев и, бывало, затесы не находил. Тогда он кипятил снеговую воду, пил и думал: «Где тропа?» — и опять шел от дерева к дереву. Так бывало часто... Один раз на краю тундры перед живым лесом, среди низких сухих сосен, он ходил очень долго и не мог найти хотя бы один затес. Лебедь уже не хотела тянуть лямку, и пришлось ночевать. Им было двести или триста лет — смолистым соснам на болоте, и он валил их для костра. Когда носил стволы, все время думал: где же может быть тропа, и ему показалось, что затес под пальцами. Он пощупал лучше — это был затес, и ему, Семену, не было уже плохо: тогда у костра он сильно радовался... Случалось, ему помогал Илья; Георгий — тот иногда провожал на полдороги: он был тогда сильно здоровый, сам надевал лямку, а Лебедь они не запрягали — Семен толкал нарту сзади. Но это бывало нечасто; другие провожали его совсем редко, потому что никто никому ничего не должен, все охотники, а пушнина в войну была сильно нужна, и все тяжело работали и еще помогали своим, и у них были свои заботы.

И после войны, когда все сильно обеднели, он был сборщиком. А летом вдвоем тянули илимку.

— Ну, Семен, — предупреждал председатель рыбкоопса, — сильно намочишь груз — меры принимать будем!

Семен спросил:

— Если два килограмма пропадет — какие меры будут?

— Если пара килограммов — то ничего, если больше — судить будем.

Семен часто ночью вставал и отчерпывал воду. Мешки они не подмочили ни разу. Два килограмма — был его «пай». Два килограмма он раздавал — у кого много детей — своей властью. Восемь алюминиевых кружек муки — Семен всех знал, кому нужно отдать. Иногда ночью просыпался и думал, кому их отдать, а кто пока будет терпеть так.

Иногда отдавал больше десяти кружек и думал, что сильно рискует. Георгий так и говорил:

— Ну, Семен, рискованный ты мужик!

А теперь так не кажется. Уже тогда почти совсем не было зрения. Только и мог сказать, с какой стороны солнце в ясный день, а кто станет сильно судить слепого. Он всегда доставлял груз на место. Вся бригада была — двое. Один был человек совсем глупый, другой совсем слепой. Слепой был самый надежный. Он был бригадир — и ключи от двери трюма были у него...

...В избушке стало жарко, старик вспотел. Не вставая, он толкнул дверь.

— Так лучше, — говорил он.

Он сидел на полу, снова думал о человеке, у кото-

рого теперь болит печень. Думал о том, что когда болит печень и желудок, то это совсем плохо. Огонь погас, старик вдруг вспомнил, что вчера вечером зашивал проволокой дыры в резиновых салагах, чтобы сегодня идти в лес заготавливать дрова. Он снял с гвоздя тонкий ремешок, на котором висел в грубом берестяном чехле длинный нож с очень большой деревянной ручкой. Его можно было держать двумя руками, и сделан он из большого напильника. Семен подпоясался ремешком, поправил нож, поднял топор, воткнул его за пояс, за спину, и вышел. Но сразу же возвратился в избушку: отвязал подвешенный к матице небольшой мешок с мукой, положил его на край койки и открыл дверку тумбочки с продуктами, где было в банке немного топленого сливочного масла. Два года назад он шел к реке, она накануне отхватила большой кусок земли у обрыва, кусок тропки, и он остановился в половине шага от пустоты. В первый раз почувствовал, что когда-нибудь уйдет и уже не возвратится. Он и раньше думал об этом, но тогда, у обрыва, первый раз понял, что это должно случиться обязательно. После этого он всегда оставлял продукты, чтобы Лебедь не подохла, пока кто-нибудь не завернет к избушке.

Собака ушла вслед за стариком, прошла немного и легла на тропе; смотрела вслед, дышала открытой пастью. Он пошел по одной из узких глубоких троп во мху, которые расходились от дверей во все стороны. Вблизи он давно отыскал и вырубил все сухие деревья, шел подальше; когда настало время сворачивать, старик достал из-за спины топор, срубил и воткнул на тропе ветку, сделал на ближайшем дереве затес, потрогал его ладонью и стал двигаться, нащупывая посошком все впереди и по сторонам.

Подальше от реки, кроме сосен, попадались ели, небольшие кедрки; если встречалось дерево, Семен доставал из-за спины топор и ударял по нему обухом. Бум-бум! — гремело в тайге и над речкой. Дерево было сырое, и он затесывал его. Потом олять в лесу было тихо, и снова гремело в тайге: бум-бум! Кедровки слетались, рассаживались на ветках, трещали на разные голоса. Он ходил долго от дерева к дереву, прежде чем ему попадалось сухое. Он стучал по нему несколько раз, обламывал подгнившую кору, делал затес и щупал щепки. Обрадовавшись, говорил что-то

по-кетски; обходил вокруг, отыскивая еще деревья, — нужно было знать, в какую сторону лучше валить дерево, чтобы сушина не легла на них и не застряла.

Ему попало хорошее, очень сухое дерево, твердое; лезвие не шло глубоко, скалывало мелкие щепки. Семен отдыхал, ощупывал место сруба. Когда рубить осталось совсем мало, старик встал спиной к нему, поднял руки и нажал на ствол. Оно не поддавалось. Он пробовал сломать, раскачивая, — дерево качалось в корнях. Семен напрягся, но сушина не падала. Он опустил руки и сел. «Очень старый. Но крепкий, — подумал старик. — Его дух сильнее».

И снова подрубал — долго, пока совсем не устал, почти совсем перерубил — и дерево упало в мох. Он опустился на комель и провел рукой по срубу пня.

«Завтра нужно по затесам мять во мху дорогу к этой сушине и таскать кряжи к избушке, — думал Семен. — Тот человек, который прислал письмо, говорил: «Выше тебя на этой реке нет!» Он человек хороший, и желчь ему поможет. Если зверь старый — желчь самая хорошая».

Два года назад здесь ходил зверь, они встретились, когда старик собирал бруснику. И медведь собирал бруснику. Он ревел, а Семен ругал его. Он, старик, поднимал на лоб повязку, чтобы зверь думал, что у человека есть глаза. Он ругался и показывал нож; держал его двумя руками и шевелил.

— Смотри! Он стальной, острый! Ты меня убивать будешь — я не боюсь!.. Но и ты пропадешь! Мне смерть будет — и тебе смерть будет!

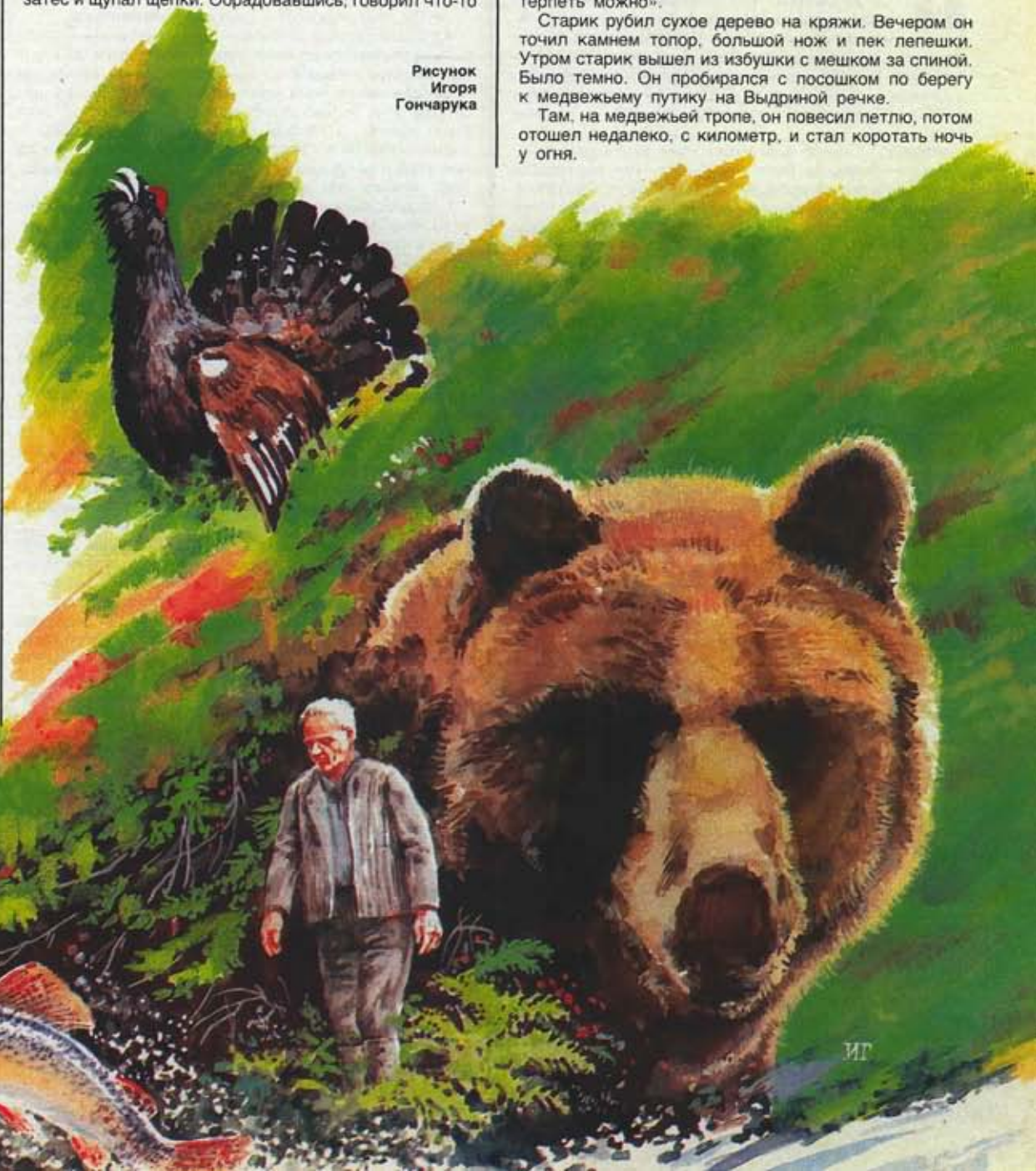
Зверь поревел еще и ушел. Теперь он здесь не ходит. Сейчас он живет на Выдриной речке.

«Он теперь старый, у него большая желчь... Старики говорили — отец бил много медведей. Выше отца — не было. Он был зрячий и сильно здоровый. Который охотник здоровый, всегда говорит: пусть разберут, кто нуждается, хоть всю звериную тушу. Он еще добудет... Выдриная речка — это не так далеко. Если вдоль воды идти — до устья один день надо. Если уйти рано — петлю на медвежьем путике наладить успеть можно. Можно успеть отойти назад и ночевать у огня. Ночь ночевать — это не много, терпеть можно».

Старик рубил сухое дерево на кряжи. Вечером он точил камнем топор, большой нож и пек лепешки. Утром старик вышел из избушки с мешком за спиной. Было темно. Он пробирался с посошком по берегу к медвежьему путику на Выдриной речке.

Там, на медвежьей тропе, он повесил петлю, потом отошел недалеко, с километр, и стал коротать ночь у огня.

Рисунок
Игоря
Гончарука

Михаил Успенский родился в Барнауле, а сейчас живет в Красноярске, трудится корреспондентом краевой газеты «Красноярский рабочий». А журналистскую специальность получил, окончив отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Работал он электриком, оформителем, служил в армии, «служил» и на телевидении. По творческому складу он сатирик. Рассказы у него смешные, но задуматься — и не так уж смешно станет. Потому что это не зубоскальство, а именно сатира, острая, современная, социальная. Живет человек на периферии, а мыслит широко, масштабно. Верный признак таланта!

Виктор АСТАФЬЕВ

ВЕРА

ЛОГИНОВНА

Иронический рассказ

Михаил УСПЕНСКИЙ

Вздыхнула Вера Логиновна про себя, глядя в зеркало на себя же: «Да, работая в аппарате, забываешь, что ты женщина». Мысль эта, тесно сопряженная со вздохом, приходила ей на ум всякий раз при заглядывании в зеркало, а заглядывала в него Вера Логиновна так часто, что дума об утрачиваемой женственности клубилась в ее мозгу постоянно и, случалось, вытесняла всякие другие, с работой в аппарате как раз и связанные.

Кабинет у нее в исполкоме тоже был неженский, суровый. Помнила Вера Логиновна, как выглядело помещение при ее предшественнице: вечно цветочки, финтифлюшки да пестрые сувенирчики от гостей — не кабинет, а будуар актрисы, всякий час посещаемой поклонниками. Трудно в такой обстановке принимать твердые решения, одергивать зарвавшихся, ставить на вид. Зато страшен и памятен был и конец предшественницы: залупавшись в чувствах, страстях и казенных суммах на их осуществление, была она безо всякой жалости брошена на низовку, где след ее с позором затерялся.

Богемщину и будуарщину помела из кабинета Вера Логиновна железной метлой и теперь тосковала. Хотя позволяла себе и послабления: держала на столе любимую книгу, роман Проскурина «Судьба», только обложку к нему велела приделать другую, темносинюю с золотом, такую же, как у остальных книг, украшавших кабинет.

На сегодняшний день не намечалось никаких открытий, просмотров и делегаций, не нужно было ломать голову, как бы одеться поострее и подороже, не нужно было репетировать в уме осточертевшее обращение к гостям, анонимно сочиненное известным местным писателем. Можно было просто поболтать с секретаршей Настенькой. Секретарей женского пола сменилось у Веры Логиновны великое множество, и вовсе не потому, что была она привередная. Наполеон обожал женить своих маршалов, а Вера Логиновна — выдавать замуж своих секретарш. У самой-то жизнь не сильно задалась. Муж Веры Логиновны, научный работник с большой перспективой, не посвевал за научно-техническим прогрессом и перспективу потерял: по такому случаю он тихо, но люто пил казенный спирт. Столичный нарколог, приглашенный якобы для чтения лекций, сказал, что дело безнадежное, воля у мужика разрушена окончательно, и пресловутая «торпеда» только ускорит конец. Знали про эту беду немногие, мужа Вера Логиновна уже и не жалела, молила только бога, чтобы не свалился где-нибудь на улице. Детей у них не было — студенткой застудилась на картошке; потом, когда пошла Вера Логиновна в гору и можно было поправить дело курортами, началась беда с мужем, а о разводе в ее положении не могло быть и речи. «Вот сгорит от своего спиртища», думала она, — возьму девочку из Дома малюток, буду ей бантики завязывать».

Да и в чужих делах рука у Веры Логиновны была тяжелая: организуемые ею браки непременно кончались разводом или чем похуже...

— К вам, Вера Логиновна, — доложила по телефону Настенька, — просят Казыдло со Славянским.

— Пусть войдут, — разрешила Вера Логиновна и добавила с доброй улыбкой: — Славянский-то, поди, к тебе пришел!

— Ой, вы скажете! — смутилась Настенька. Казыдло Виктор Иванович был начальником театрально-территориального управления, хотя вся его богатирская внешность и крепнувший с годами румянец навевали мысли не о кабинетах и премьерах, а о лесоповале и только о лесоповале. Работать с ним было просто, и самому ему работать было просто. Самое большое потрясение в жизни он испытал, когда при открытии одной очень важной выставки не оказалось ножиц для разрезания ленточки.

Сложнее было с главным режиссером местного театра Аркадием Исаевичем Славянским. Он был тонкий, строен, с благородной седinou и огненными глазами конокрада. В культурную жизнь города и самой Веры Логиновны он ворвался в свое время подобно Тунгусскому метеориту: с грохотом, дымом, пламенем, по крутой траектории — прямиком из популярного столичного театра. А потом, как и в случае с небесным гостем, оказалось, что на месте приземления и собирать-то нечего. Аркадий Исаевич был тайным грехом Веры Логиновны. Один раз за всю-то жизненку позволила она себе этот грех во время каких-то Дней культуры. В результате греха Аркадий Исаевич стал главным режиссером, а Вера Логиновна усвоила свою совесть: «В конце концов должна же я поближе узнать людей, которыми руковожу». Одним глазком заглянула в пучину, поглотившую бедную предшественницу. В пучине ей не понравилось.

...Вера Логиновна сухо кивнула вошедшим и предложила сесть. Славянский вольготно развалился в кресле, вовсе не для этого предназначенном, а Казыдло и сидеть ухитрился по стойке «смирно».

— Квартиры снова просить будете? — спросила Вера Логиновна и заранее посуровела. — Опять вертихвосткам вашим отдельные апартаменты, а работника с тремя детьми в гостинке будет толочься?

Образ работяги с тремя детьми в качестве аргумента для отказа Вера Логиновна создала уже давно. Использовала работягу и тогда, когда требовала от творческих кадров более полной отдачи, повышения качества, ставила в пример, укоряла им. И, что интересно, вертихвостки свой интерес соблюдали, а работяга оставался в гостинке до следующего раза — и в разговоре, и в жизни.

— Понимаете, Вера Логиновна, — сказал Казыдло и подался вперед огромным телом, — вы знаете финансовое положение нашего театра, посещаемость его... Вот у нас возникло одно, так сказать, соображение... Аркадий Исаевич, у тебя лучше получится...

— Провинциальный театр, — сказал Славянский, — а наш театр, Вера Логиновна, как ни крути, является таковым, в старые времена был вынужден поддерживать свое существование разными способами. Некоторые из них, прямо скажем, неприемлемы категорически: мы не можем, например, каждую неделю делать премьеру... Мы пытались изменить репертуарную политику, принимая к постановке пьесы буржуазных драматургов на детективной либо комедийной основе. Вы, Вера Логиновна, совершенно спра-

ведливо поправили нас и нацелили на отечественную классику и современную производственную пьесу. — Как было вас не поправить, — вставила Вера Логиновна, — когда у вас Евсюкова уже в одних плашках по сцене бегала?

Евсюкова была одной из жен Славянского. Аркадий Исаевич проглотил эту вставку и продолжил:

— И вот в мемуарах одного старого актера я нашел любопытное место... Короче, с целью привлечения публики актеры гримом и игрой начали копировать... слегка, естественно... некоторых... известных, что ли, в городе и губернии лиц. И, представьте, сборы подскочили! Губернатор запретил представление, это еще более увеличило интерес к театру. Купцы его потом, правда, уговорили... Поймите нас правильно, Вера Логиновна, мы не собираемся кого-то высмеивать или критиковать. Так, добрая усмешка, мягкий юмор, легкий шарж. Чуть-чуть сенсационности... Мы знаем, что вы всегда поддержите новое начинание, пойдете навстречу нам и в конечном счете зрителю... А потом вспомните, как в шестьдесят четвертом поставили у нас «Ревизора», когда городничий стучал по столу башмаком! Как это было в духе дня!

— Действительно, — усмехнулась Вера Логиновна. — При Макушкиной у вас черт-те что творилось! Славянский понял, что поехал не туда, но не растерялся:

— Времена-то какие, Вера Логиновна! Что от нас требуется — острота, нелицеприятность...

— Верочка Логиновна! — встрял и Казыдло. — Вы же знаете, что про наш театр пишут, даже местная газета обнаглела. У Аркадия Исаевича такой замысел! На Госпремию тянет!

Вера Логиновна задумалась. За двадцать лет работы с творческими кадрами она с ними так и не разобралась окончательно.

— Ну, допустим, — сказала она наконец. — А кто сможет указать незримую грань между добрым юмором и насмешкой, дружеским шаржем и карикатурой, критикой и оголтелым критиканством?

— Вы сможете, Вера Логиновна, — твердо сказал Казыдло. — Мы вам верим и на вас надеемся.

— У вас есть что-нибудь конкретное?

— Есть, — сказал Славянский и протянул бумагу. — Пьеса вам известная — «Скажу всю правду», а это список лиц, которых мы собираемся задействовать в качестве прототипов...

Вера Логиновна углубилась в список.

— Ерофея Павловича вы уговорите, я знаю, — приговаривал Славянский. — И остальных тоже. Неужели такая очаровательная женщина не сумеет навязать волю группе мужчин зрелого возраста? Ваши ум и обаяние... Это будет больше ваш спектакль, чем мой...

— Ой, какая прелесть! — внезапно закричала Вера Логиновна. — Изольда Евсеевна Кушошников! А вы знаете, как Изольда Евсеевна собирается в театр? Не знаете? Я вам сейчас покажу...

Изольда Евсеевна была женой самого Ерофея Павловича.

— А как Изольда Евсеевна по телефону с тенором Басовым разговаривает, знаете? Примерно вот так...

Вера Логиновна показала, как Изольда Евсеевна разговаривает с тенором Басовым, как выгуливает собачку, отгоняя посторонних кобелей, как шугает свою массажистку, костерит своего закройщика и встречает Ерофея Павловича после вертолетной охоты. Что за стих нашёл на Веру Логиновну, не мог объяснить впоследствии и врач-психиатр, к которому она тайно обратилась. «Мир — театр, люди — актеры» — только и сказал он ей.

— Вера Логиновна! Да вы же настоящая актриса! — воскликнул режиссер отнюдь не из вежливости, а произвольно.

И они дружно начали вспоминать любимые словечки будущих героев спектакля, походку их, манеры. Даже бесталанный Казыдло, отдуваясь, изобразил Ерофея Павловича, вызванного на ковер, и довольно похуже.

— А какую роль вы отвели мне?

Славянский подумал и сказал:

— Знаете, Вера Логиновна, если мы вас обойдем, это будет как-то... ну, не по-товарищески.

— Разумеется. Всех — значит, всех. Искусство требует...

— Есть там роль Тамары, мездровщицы, которая за столом все супруга одергивает...

Казыдло-то все знал и отключил от ужаса челюсть, а Славянский продолжал:

— Вы помните, она его в конце акта на плечо взваливает и дает реплику: «Русская баба, она все вынесет!» Реплика обычно вызывает аплодисменты...

Вера Логиновна одернула пиджак.

— Вот что, товарищи, — сказала она. Казыдло и Славянский встали, причем ноги Казыдло не держали. — Вы что же, всерьез думаете вынести на сцену этот пошлый водевиль бездарного писаки? Да еще вывести под видом этой шарашкиной конторы весь наш исполком? Вы с этим ко мне пришли? Вы спросили у себя, у своей совести гражданина и художника? Вы хотите, чтобы мы санкционировали пасквиль? Виктор Иванович, извольте выйти и подождать в приемной своего собутыльника! Да-да! Вы думаете, нас не информировали, чем вы занимались после премьеры?

Казыдло пошел вон, по дороге его занесло и крепко шарахнуло об косяк.

Глаза Аркадия Исаевича продолжали оставаться огненными глазами конокрада, но конокрада пойманного.

— Верочка, — прошептал он. — Что же нам делать? Пропадает ведь театр, люди сменяются... Верочка, в Москве Аникин вон что творит, и ничего, аншлаг... Верочка...

Аншлаг '89

Вера Логиновна долго-долго смотрела на него из-за стола, потом вышла на середину кабинета.

— Думаешь, поухаживал за бабой, так теперь из нее веревки можно вить? Я тебя, прощельгу столичную, отсюда в двадцать четыре часа... Я это тебе не как работник аппарата обещаю, а как женщина! Пошел вон! У меня на тебя одних анонимок полсотни, а сколько писем трудящихся! Женам квартиры раздашь, а работяга...

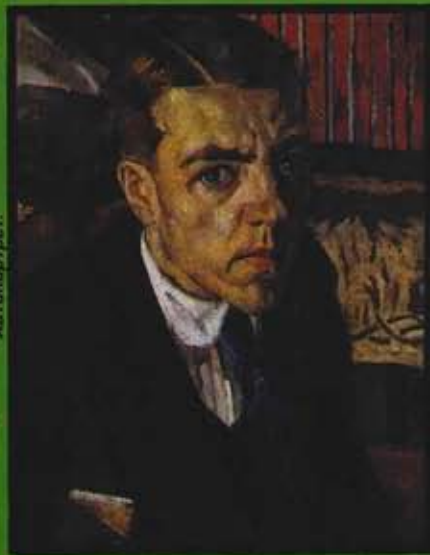
То ли образ несчастного работяги расклевил Веру Логиновну, то ли что другое, только она вернулась на свое место, упала лицом на стол и зарыдала, не забывая указывать Славянскому пальцем на дверь.

Плакала она примерно полчаса, еще больше времени извела, устраняя последствия плача. Заглянула Настенька.

— Вера Логиновна, из института вахтер звонит, чтобы за Сергеем Петровичем машину прислали...

— Не надо, — сказала Вера Логиновна. — Перетопчется. А если заберут, туда и дорога. А вы, Настенька, в следующий раз потрудитесь не строить глазки мужчинам в приемной. Не забывайте, где вы работаете. Здесь женщина должна забыть, что она женщина!

ВЯТСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ

Автопортрет.

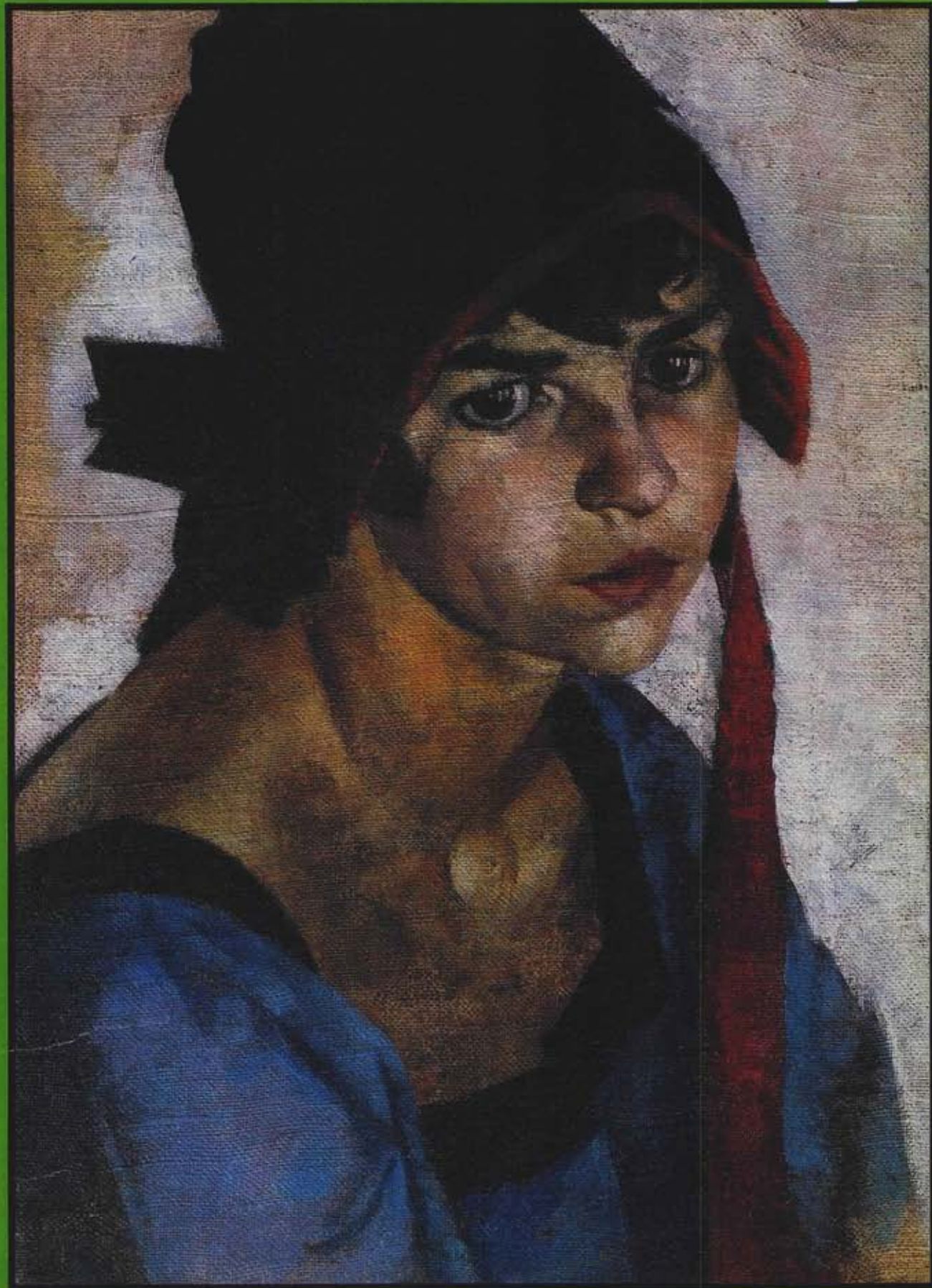
Альберт ЛИХАНОВ

Прошу читателя остановить взгляд и сознание на словосочетании новой рубрики, под которой публикуется этот текст: «Сокровища провинциальных музеев». Не правда ли, мы привыкли, что главные события художественной жизни происходят в столицах, и не даем себе порой даже труда обернуться за собственное плечо и повнимательнее взглянуть в богатства, хранимые неподалеку. Вспомните поучительную историю костромских портретов, сделанных подлинной сенсацией отечественной культуры руками реставраторов. Вспомните историю крестьянского живописца Ефима Честнякова, работами которого восторгается художественный мир далеко за околицей деревушки, где он жил, работал и умер в полной безвестности.

Когда-то на слуху у нас часто была поговорка про Иванов, не помнящих родства. Теперь отчего-то поговорка эта переключалась в антологии крылатых выражений, не более. Уж не сдали ли мы ее таким манером на вечное хранение под стеклянный колпак? Пожалуй, поторопились...

Поторопились, потому что хоть и протестуем против разрушений жемчужин старой архитектуры, а все же разрушаем их, и маловато утешения от сознания, будто общество неоднородно и теперь есть слабые защитники у каменных сокровищ, если в то же самое время, в те же дни и часы имеющие право управлять бесстыдно творят им удобное — и во имя чего? — во имя маленьких, сиюминутно удобных решений.

Нет, не достигли мы единства сознания всего общества в области охранения духовного, и неединство это не только лишь в непримиримости грамотных и неграмотных, культурных и некультурных, ведь Поклонную гору в Москве снести норовят далеко не темные администраторы, — так вот непочтение это, не носит ли оно социально-эгоистичного характера, когда личное бытие, частные интересы, собственная карьера присутствующего на земле сегодня бесстыдно попирает все созданное прежде лишь потому, что живущие принимают решение, а неживущие — уже или еще! — имеют лишь одно право: право безмолвно укоризненного суда. И не усовещается, нет, живая ретивость мыслью об этом суде — прошлого или предстоящего; суетностью своей, неоглядностью, узкомыслием бесстыдность эта возносится вверх, ширится обочью, обертывая взор на цель мнимую, ценность неистинную, дело неправое. И вовсе не следует всем нам наивно полагать, что суетность эта, бесстыдность, неистинность живет где угодно, только не в нас. В том-то и беда, что и мы, многие из нас, поражены инфекцией этой, не в большом, так в малом, и неоглядность наша, и невнимательность, и эгоизм, по причинам которых очень часто одиночками остаются наши же соб-

Портрет Л. Н. Алапковой.

ственные дети, старики, каменные памятники и живописные сочинения — наш общий грех, как раз и порождающий общественное неединство, непочтение, беспамятность, поуждающую куда-то бежать, гнаться за чем-то мнимым, не давая себе труда внимательно взглянуть в ценность, которая вблизи...

Одна из них — творчество Михаила Афанасьевича Демидова, вятского живописца и педагога, заперщика Вятских художественно-промышленных мастерских, образованных еще в 1919 году. Известный лишь небольшой группе его друзей-современников да хранителям Кировского художественного музея, весь Демидов, а вероятно, почти весь, ведь он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, хранится здесь, в бывшей Вятке, в старом особняке, отличном от серости современной архитектуры дорогого моему сердцу города своей мудрой классической статью.

Музей этот мил уютном устройстве, предназначенного строителями для частной жизни, в нем хорошо и покойно смотрится живопись, собранная усердием братьев Васнецовых и их скромных вятских современников, но достоинство это незаметно для времени, что ли, вошло в противоречие с истиной: музей стал напоминать айсберг, большая часть которого хранилась в фондах, а уютные залы помещали лишь малую часть достойного.

Сокровища провинциального музея, в том числе живопись Михаила Демидова, а кроме него Исапов, Чарушин, Витберг, наши современники, строго говоря, были отдалены от народа, и сердце мое не нарадуется архигуманнейшему решению, исполняемому уже — делом, стройкой! — о возведении рядом со старым особняком новейшего музейного здания.

Из-под замка выйдут многие лица старых и новых времен, сюжеты, дорогие сердцу, пейзажи, воспитующие сердца.

Но вот открыты зрителю работы Михаила Афанасьевича Демидова. Музей в Кирове устроил большую выставку мастера и его учеников.

Нет смысла заниматься делом свойства альбомного, исследовательского — анализировать портреты, лишь скромная часть которых представлена в этой подборке и на обложке.

Один из организаторов Вятского филиала Ассоциации художников революционной России, создатель памятника Степану Халтурину в родном городе, талантливый педагог, Михаил Демидов оказался несправедливо забыт даже собственными зем-

Портрет
К. Н. Думаревской

Девочка, надевающая туфли.

Халтурин

ляками, даже теми, кто был по служебным обязанностям не вправе забывать о нем, — я имею в виду местных историков, музейщиков, искусствоведов. Жизнь совершает слишком стремительные обороты, чтобы так лениво поспешать в собирании свидетельств его учеников, написании исследований, издании альбома работ, введении имени художника в общесоюзный искусствоведческий оборот.

Мы говорим об отсутствии провинциализма и чаще делаем это из желания сравнить ступени между столицами и всем остальным. Однако желание это должно оказаться действительным, как произошло в Пензе, где не в словах, а в поступках чтут искусство как важную часть общего дела. Вятская скромность, свидетельство которой множество и которую я тоже чтю, на деле часто оборачивается бездействием, а потом и отставанием от прочих. При этом даже такому покойному месту, как музей, не грех вовсе помнить о святой своей предназначённости: и в тихом музейном зале идут сегодня громкие душевные бои за почитание прошлого и грядущего или за попрание всего вечного во имя сиюминутных, обывательских псевдореволюций. Бои не шуточные — за жизнь и за смерть.

А живопись Демидова я бы сравнил с просветленным, омытым чистым дождем взглядом: сочные, пронзительны его краски, каждый холст как-то по-особому наполнен, здесь отсутствует недостаточность чувств и присутствует гармония сказанности, завершенности.

Каждая вещь внушает надежду. Спасибо ему за это чувство, так нужное всему существу...

Станислав ТОКАРЕВ

КРОТЫ

Вдруг им делается не страшно и не стыдно. Вдруг понятия, которые на протяжении долгих лет казались нам классово чуждыми, вползают в нашу жизнь и надежно окапываются.

Возле моего парадного малый в кожаном пальто бил ногами стекла будки телефона-автомата. Он что-то ревел в прижатую к уху трубку — сопливо ревел, обиженно — и орудовал сапогами, и по всему переулку шел звон.

— Ты ошалел? — спросил я, рискуя получить по челюсти.

— Нет, мужик, ты меня пойми, — с неожиданной искренностью пожаловался он, — она меня вытурила, так? В шею, так? А я где работаю — я в автосервисе работаю. Я богатый, понял, нет, я столярник в день домой волоку, тык-в-тык ей отдаю, не пропиваю. Ну, выпил, бывает. Так она что? Она — в шею. А где она такого найдет, чтобы столярник в день? Я-то свистну, и набегут, а она куда денется?

Он был богат, понимаете ли, этот купчина в кожане, богат и славен. И изумлен. Как это женщина, жена, пренебрегает тем, на что другие слетятся, если он свистнет?

...Я встретил знакомую на Калининском проспекте. Недавняя скромная служащая нотариальной конторы, она была роскошна в дубленке с гусарскими бренденбурами, с арканом жемчугов на шее. Она потащила меня в бар: «Я угощаю». Что с ней произошло? Ничего особенного — сменила место работы. Она билетерша на аттракционах в парке. Все так элементарно, даже глупо: она не надрыгает билетики, а отбирает их и возвращает кассирше. Это дает ей как минимум пятьдесят «рз» в день. Их компания, они даже забывают, когда у них зарплата. Шеф об одном предупредил: заработанное в город самим не выносить. Она передает деньги дочке. Видел бы я девочку, ее наряды! В общем, богатая наследница.

Моя знакомая попала за решетку. Куда девался автосервисный купчина, не знаю, может, туда же.

Я о другом. И он, и она не стеснялись своих источников доходов. Взгляды окружающих — да и мой, каюсь, взгляд — не исполнялись гнева, убийственного негодования, когда мы узнавали об этих источниках. Они, похоже, были нормальными индивидами нормальной действительности. Только лишь богатыми. Слово-то чуждое, богатеи деда к стенке ставили.

А я — что же, примирился? Тогда спекулянты — те вообще невинные агнцы? «Купил у спикюля». «Сегодня прибежала спекулянтка, показывала чудные курточки, и есть твой размер, я попросила подождать с деньгами». Они пасутся на предприятиях, в учреждениях, в НИИ, в вузах, даже в школах, говорят, теперь пасутся...

Самый молодой, 25-летний оперуполномоченный того отдела ОБХСС Москвы, который занимается проблемами спекуляции, Сергей Соколов говорит: «Когда-то слово «спекулянт» было равносильно слову «убийца». Он отнимал у людей последние куски, последнюю одежду. В войну за это расстреливали. А теперь, когда денег много, никто не голодает, потребности выросли, главная опасность, которую сеет спекулянт, — это моральное перерождение личности. И целого круга лиц».

Сергей Соколов — человек убежденный.

— Как я к ним отношусь? — Начальник отдела, подполковник милиции Владимир Васильев кладет ладонь на угол своего письменного стола. — Здесь лежали пинетки. Вот такие маленькие, в палец. Слекулянты получали с них прибыль в триста процентов. Государство, исходя из гуманных, человеколюбивых принципов, устанавливает очень небольшую цену на детские вещи. Поэтому ими выгодно спекулировать — вот какое кощунство.

...Как я к ним отношусь? — Подполковник возвращается к вопросу. — Одних я ненавижу. И испытываю радость оттого, что они отправятся в места лишения свободы. Других я жалею. Мы их не уберем. Допустим, женщина ищет себе сапоги. Купила с рук возле магазина. Переплатила — это крепкий удар по ее карману. По бюджету семьи. Через некоторое время шла мимо этого же магазина, а там «выбросили» такие же сапоги. Купила. И сама решила перепродать. Сумма, полученная ею, равна ее месячной зарплате. С этого порой и начинается.

Передо мной подлинное письмо, пересланное из камеры спекулянткой по прозвищу «Медичка». По профессии она медицинская сестра, замужем, муж — пьяница, старуха мать, маленький ребенок.

«Что приобрела? Позор. На работе позор, дома позор... Имела много хороших подруг, многие отшатнулись, а если я с годами их не меняла, то теперь заводит поздно. Надеялась, что все это не случится. Думала, что еще немного, и брошу, а очутилась здесь. Все это как нелепый сон и кошмар. Видно, человеку действительно нужны такие условия — именно здесь я поняла всю глубину своей вины. Тюрьма, изолятор временного содержания — таких слов в моем лексиконе могло и не быть. Именно здесь происходит переоценка ценностей. Есть много радостей на свете. Только теперь понимаешь истинный смысл изречения «это сладкое слово свобода». Сейчас бы я много отдала только за то, чтобы просто пройти по улице, подышать, посмотреть на природу. А все из-за лишней тряпки... Я не потеряла совесть, и угрызения мучат меня ежеминутно. Я гоню все мысли о доме, иначе я не вынесу. Здесь нечем заняться — сплошное самоедство. Винить некого — во всем виновата сама. На работу я уже не вернусь, так как стыдно смотреть людям в глаза: «Все тебя считали человеком, а ты спекулянтка». В этой яме я сама опустилась на дно. И никто меня в эту яму не тасил...»

Ну, это лишь одна категория многослойной и многоликой спекулянтской массы. В массе же с течением времени — порой с таким быстрым течением! — происходит выворачивание психики наизнанку. Васильев говорит мне, что порой в глазах тех, кого под конвоем доставляют в его кабинет, он читает: «Раз ты здесь сидишь, ты берешь взятку, а если сумеешь предложить, но ты не возьмешь, значит, надо больше дать».

Эти, может быть, и безнадежны. Этих ни ИВС, ни тюрьма не перевоспитают. «Они больные, — говорит старший оперуполномоченный Николай Климкин. — Что с ними делать — больные. Вы

Опыт социального исследования современной спекуляции

представьте, она сегодня вышла, понимаете, только сегодня. А завтра она уже опять там стоит».

В голосе Николая Климкина, человека, пышущего здоровьем, кровь с молоком, нескрываемая брезгливость.

Эта камера хранения по сию пору существует в Москве, в самом центре, в Третьяковском проезде, который круто стекает от Никольской под арку бывшей Китайской стены и впадает в проспект Маркса.

Камера — десяток ступеней вниз, а там душная каморка, запах сукна, кожи, плесени и нафталина. Прилавок для сдачи и приема вещей. Истинно кротовая нора.

«Кротами» называли работники УБХСС тех, против кого проводили серьезную, тщательно подготовленную операцию.

В камере хранения был свой контингент. Небольшой, но крепко спящий. Готовые в принципе обдурить друг друга, они жили по законам волчьей стаи — если одна делала свою коммерцию, другая была готова дежурить снаружи, чтобы не нагрязнула опасность.

Если в подвальчик затесывался незнакомый, посторонний торговец, его гнали, могли избить.

Продавцы здесь были оптовики, покупатели зачастую тоже. Товар скрывался за прилавком, на полках, демонстрировался лишь образец, и, если он подходил, прищельцы просто переписывали его на себя, велели безразличным ко всему старичкам служителям переложить тючок с полки на полку.

Для спекуляции вообще характерно то, что, двигаясь от инстанции к инстанции — скажем, от продавщицы магазина, которая сбывает нечто дефицитное налево, к спекулянту, от него — к другому, зачастую приезжаем, далее — к торговцу в розницу и, наконец, — к потребителю, вещь поднимается в цене втрое.

Сложность борьбы с «кротами» еще вот в чем. Статья 154 УК РСФСР гласит: «Спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы». Необходимо, выходит дело, зафиксировать как один элемент — скупку, так и другой — перепродажу. Но опытные, тертые калачи спекуляции научились, что называется, разрывать цепочку — расценять во времени одно и другое действия и перемежать их третьим. Допустим, сначала в одном месте города выяснить, что нужно клиенту, в другом через некоторое время продемонстрировать образец, в третьем передать товар. Это все при навыке отравляется от погоня.

Вернемся, однако, к камере хранения. Колоритнейшие здесь, судя по рассказам, субъекты обретались. Посторонним, как я уже упоминал, спуска не давали, в особенности же лютовала Валентина Проница по кличке «Валю-лошадь». Лулула она, если и в долю не брали. 40-летняя мощная хрипавшая матерщинница, особа одинокая, бессемейная, вся жизнь которой протекала здесь или по соседству, в ресторане «Славянский базар», куда ходила она завтракать, обедать и ужинать — с непременным возлиянием — и где были у нее свои связи. Ходила одна или с компанией других тамошних спекулянтов, но — это характерно для их «профессии», для коммерческих взглядов на жизнь — расплачивался каждый за себя, а недоплата тотчас влекла за собой скандал.

Колоритна была чета Рудницких — познакомились они на торговой стезе, и Валентина Михайловна ушла от мужа к Матвею Григорьевичу. Заядлый игрок-картежник, завсегда на скачек, он лично операций не проводил: скорее разработывал, наблюдал, прокладывая курс, которому неукознительно следовала супруга. Остановится, бывало, у входа в подвал, закурит «Кент», бросит туда-сюда прищуренный взгляд...

Но вот хоть и был он умен, хитер, воспитан, умел держаться солидно, а на суде жалко отпирался до последнего, уверяя, что груды найденных у него вещей сам лично носил...

Признаком некоего, как говорится, сдвига по фазе осталось в памяти работников УБХСС такое вот поведение Матвея Рудницкого.

Мои собеседники вообще считают, что в алчности своей «профессиональные» спекулянты рано или поздно переходят грань между нормой и патологией.

Ну, скажем, возле магазина «Ядран», одной из «горячих точек» Москвы, где недавно задержали несколько десятков спекулянтов, в том числе таких могучих столпов, как Балатониха, Дюймовочка, Лягушка, оказалась 12-летняя девочка, торговашка колготками.

Можно задуматься над тем, какая среда обитания толкнула ребенка на скользкий путь. Но ясно, что ребенок пока исправим.

Ужас случившегося — поздно, в камере, но наступивший все-таки ужас, — очевидно, гарантирует исправление Медички.

Патология же...

Старший продавец ГУМа Саня Енбекова была задержана на площади Революции, где обычно назначала «деловые встречи». С криком задержана, с яростным отпирательством, едва ли не с истерикой. Во время обыска два ее сына, студенты, были поражены тем, что нашлось в комнате матери, в ее шкафу. Они мечтали о кроссовках — там был найден целый ворох. Там висело несколько спортивных костюмов, а у них один на двоих... Нашли золото, 80 тысяч рублей у этой — без иронии, истинно — нежной матери.

Хочется задать простой, обыденный, человеческий вопрос: зачем?

И уж совсем из области патологии — история Серафимы Алексеевны Елисейевой, пятидесяти девяти лет, по профессии асфальтоукладчицы.

Это была крупная «кротиха», матка. Енбекова состояла у нее в подручных. Принимала товар она в основном дома. И расплачивалась. И «отпускала». Этим гарантировалась тайна сделки.

В ее малогабаритной двухкомнатной квартире, рассказывали мне, разве что метра четыре посередине было свободно от вещей. В остальном — сумки, битком набитые вещами, и горы, подлиннее горы вещей. Скажем, нетронутые постельных принадлежностей выше головы. Такой же непомерный ворох туфель. Когда их начали разбирать по парам, чтобы сосчитать, для 20 или 30 экземпляров попросту пары не нашлось. Куда они делись, мерили ли их кто-то или потерялись, Серафима Алексеевна не помнила. На вершине обуви была современная, модная, в недрах — по моде многолетней давности. Хозяйка никогда ни на что не снижала цену.

Сотрудники УБХСС по пояс ходили в вещах, вязли в них, точно в болоте. Там они докопались до вороха детских кроличьих шубок. Дети не носили их, не радовались — мех истлел до колючей пылицы. От нее перлило в горле у оперуполномоченных — от нее и от обиды за маленьких.

В ее неубранной постели лежал засаленный кошель на ремешке. Она спала, привязывая его на шею. В кошеле 29 тысяч. Товара же тысяч на 50. Мужу она выдавала по рублю в день и записывала трату. Муж во время обыска плюнул, ушел на кухню: «Ищите, что хотите, мне все равно, абсолютно безразлично». Такова Елисейева — современный Шейлок в юбке, Гарпагон, Скупой рыцарь.

Все эти литературные персонажи в известной мере лишены рассудка.

Вот крайняя точка, вот Геркулесовы столпы, куда ведет спекуляция.

Когда вам у порога магазина шепотком предлагают то, се, пятое или десятое, чего нет на прилавках, но только что отбито подле них в смертельном бою или втихаря вынесено из подсобки, вы порой восклицаете в душе: «Куда, черт возьми, смотрит милиция? Не видит, что ли?»

Видит. За плечами мелкота, светлых «лохов» тщательно высматривает она китов и акул спекулянтского мира, которые тем уже одним опасны, что, жируя на воле, как бы говорят этим: «Можно жить, как мы, ребята, славно можно жить».

Недавно был один такой взят: за свою жизнь отсидел в общей сложности шестнадцать лет, вышел и снова взялся за привычное дело, и снова одет с иголочки, пальцы в золотых перстнях...

В кабинете подполковника Васильева разоткровенничался:

— Вы же некоторых предупреждаете о последствиях — взяли бы да меня предупредили.

— И что было бы? — спросил подполковник.

Он помолчал и усмехнулся:

— Лег бы на время на дно.

О, как умеют такие маскироваться!

Снимают в качестве складов жилье на стороне — более, чем даже ОБХСС, опасаются квартирных воров, которые охотятся за крупными спекулянтами. Один хищник преступного мира глотает другого, и попробуй-ка пожалуйся в милицию, расскрывать себя.

Мелкота многочисленна и легко идет в сеть. Но это вовсе не решает проблему борьбы со спекуляцией. Разве что может дать красивую цифру в отчете. Истинные борцы с хищением социалистической собственности постоянно помнят, что нет ни одной «единички», есть человек. Поимка крупной рыбы дает ту же единичку, а требует гораздо больше сил, времени, изощренного умения в борьбе с изощренным противником. Каждый такой удар по преступности серьезен и полновесен.

Ну, ладно, зададим себе кардинальный вопрос: отчего спекуляция? Зададим, поскольку если есть ответ на него, то, возможно, имеется и кардинальный путь, чтобы с ней, спекуляцией, покончить.

Казалось бы, объяснение лежит на поверхности. Материальные потребности людей возросли, достаток — в денежном выражении — тоже, а наша легкая промышленность (по давней традиции) отстает. Следовательно, импортные товары, чуть появятся, тотчас становятся объектами нечистой игры, наживы для кучки проходивцев.

Но тут у меня, рядового потребителя, возникает несколько вопросов.

Первый. Я согласен, что на чахловатом поле легпрома давно куствуют сорняки спекуляции. Широко открыв в свое время путь на наш рынок зарубежным товарам, поставив отечественную промышленность в невыгодное положение, поскольку она была неконкурентоспособна, мы сами создали подобное положение. Разве мы не отворачивались от пары обуви только потому, что она произведена на «Скороход» или фабрике имени Капранова, не кидались опрометью, увидев надпись «Саламандра»?

Но перемены происходят на глазах. Народ уже бьется в очередях за наиотечественнейшими сверхмоднейшими рубашками. Полагаю, и они станут (если же не стали) объектами перепродажи.

Объектами служат и традиционно наши пищевые продукты. И плоды духовной культуры вроде сборников фантастики, отпечатанных в Первой образцовой типографии.

Тезис о том, что спекулянт бьет нас тем, что недоглядела, недопроизвела наша индустрия, похоже, критики уже почти не выдерживает.

Хотя сегодня он маневренней, гибче. Промышленность напоминает мне ныне электровоз, спекулянт — заяц. Электровоз, несомненно, догонит зайца и подомнет под себя. Но при одном условии. Если тот будет бежать по рельсам.

Теперь второй вопрос — по поводу материального достатка. Конечно, он растет. Но что-то я не представляю, чтобы рядовой советский рабочий или служащий мог нынче купить жене сапоги за двести, с двойной наценкой, завтра — ондатровую шапку за четыреста (опять же с двойной) и с нею же, послезавтра, дубленку за две тысячи. Если, конечно, у него нет мандариновой рощи на приусадебном участке. Если не подрабатывает он в качестве барабанщика в каком-нибудь ВИА «Сорвиголовы».

Закон о нетрудовых доходах позволит во всем этом разобраться. Но есть же все-таки клиент у спекулянта. Как не быть, если спрос рождает предложение.

Прочитую Алексея Толстого: «...Пришли ли эти люди для торга или как разведчики приглядеться, не пора ли окружить обозами город, пожавший в книжном безумии царя, и господ, и купцов, и теперь свирепо отталкивающий мешок с хлебом, куль картошки, телячьего тушку из рук «кормильца-мужичка»? Дело ясное — торопиться некуда, чему созреть — созреет, само упадет в руки... А покуда за стакан мучки, за

шапку картошки мешочники привозили домой граммофоны, зеркала, двухспальные кровати, всякие барские пустяки... Деревенские кулаки ждали этого часа долго и желали теперь многого.

Один из мужиков окликнул Бистрема: — Гражданин!.. (Бойко вскочил и пальцем зацепил за часовую цепочку на пиджаке Бистрема.) Почему?

— Я не продаю.

— А то хозяйка кое-что на дорогу мне завернула, уступил бы...

Из-под мышки взял сверток в тряпице, сокрушаясь о явной потере, осторожно развернул — четверть краюхи хорошего хлеба, два каленых яйца, луковица.

— Постояй, а может, часы продашь?.. Тут у меня (понижив голос) на одной квартире поросенок полугодовой...

Не отвечая, Бистрем пошел прочь. Мужик — за ним. Уговаривая, схватил за плечо. Бистрем — с гневом:

— Послушайте, вы пользуетесь моим голодом, вы дурной человек, вы спекулянт...»

Этой сценой в голодном Петрограде, оцетиненном штыками против Юденича, Толстой подчеркнул классовый характер спекуляции.

Таков ли он ныне? Кто все-таки клиент ловкого перекупщика, кулацкого последнего, несмотря на диаметрально иное обличье?

Очевидно — это мое предположение, не возражаю, если меня поправят, — таковой же хапуга. Казнокрад, для которого престижно иметь «фирмовый вид от и до».

Но мне видится и школьник, умоливший, вытрясший карманы родителей.

Студент, угрожавший в пестрые тряпки с лейблами все, что заработал в трудовом семестре.

Другими словами, видится мне некто, пытающийся петушком, петушком, как Петр Иванович Бобчинский за дрожками, поспеть за той, за красивой жизнью. И пока бежит он, припрыгивая, спекулянт будет процветать.

Борьба с ним — идеологическая борьба.

Я был когда-то понятным на обыске. В квартире дамы, крупно спекулировавшей дефицитными деликатесами из своей подсобки. Квартира была богата и пышна, жирно аляповата: стен и паркета не видно из-за ковров, тесная шеренга шуб в шкафу, шеренга коробок с ненюшенными сапогами на антресолях.

Супруг дамы курил сигарету за сигаретой, ронял пепел на жилетку. «Честью кланюсь, ничего не имеем — что видите, только то имеем. Деньги? Какие деньги! Сберкнижки? Даже смешно, честью кланюсь». Свернулася в кресле дочь — в школьной форме, с комсомольским значком. Мы знали уже, что она член школьного комитета. Ее библиотечка была образцово-показательна: классики марксизма, Николай Островский, «Молодая гвардия», Роберт Рождественский.

И тетради — бог мой, какие тетради: в витрину бы выставки этот бисерный, без помарок, почерк, багрянец пятерок.

Мне было жаль девочку — она страдала. Белым-бело казалось лицо, туго, желваками, ходили скулы, и дрожали ресницы.

Вдруг она встала, ветерком пролетела по коридору и скрылась в ванной.

...Она неудачно спрятала то, что хотела спрятать. Выронила именно то, тогда, когда дело дошло до ее комнаты. Пол устланы сторублевые и пятидесятирублевые купюры.

Как же гнева и презрительно, не таясь, смотрела она на нас, подбиравших деньги из семейной кубышки, считавших, вносящих их в протокол! Богатая, смотрела на бедных, пришедших отнять богатство.

«Яблоко от яблони...» — сказал один из нас.

«Да нет, да что вы, быть не может, чтобы она была потеряна», — сказал другой.

Я подумал, что за таких, как она, надо драться. Очень серьезная драка нужна.

Подумал и подписал протокол.

ВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Сергей ИСТОМИН

Лениво, как бы нехотя раскачиваясь по склону, лыжник вдруг, неожиданно ускоряясь, атакует необычный острроверхий трамплин. Двойное сальто! Все до единого зрители — на лыжах, они знают, что такое головокружительный спуск, но лыжная акробатика на высоте третьего этажа?..

Шоу, трикачество, цирк — все эти ступени последовательно прошел фристайл, прежде чем оформиться в самостоятельный вид спорта. По официальным данным, произошло это в Северной Америке в конце 60-х годов. Европейцы, правда, с этой версией категорически не согласны, но, наверное, не столь уж важно, где именно впервые крутанули снежное сальто — в Кордильерах или Альпах. Важнее, что на сегодняшний день фристайл распространен уже более чем в шестидесяти странах мира.

Фристайл — в буквальном переводе «свободный стиль» — это лыжное трюкборье, включающее скоростной спуск по бугристой трассе с исполнением нескольких фигур — «могул», акробатические прыжки с трамплина и фигурное катание, которое еще называют балетом. Ну, балет — это громко сказано, возразите вы. Однако наша выдающаяся фигуристка Ирина Родина, впервые увидев соревнования мастеров фристайла, воскликнула: «Удивительное зрелище. Оказывается, на лыжах можно исполнять фигуры, которые не способны повторить даже лучшие фигуристы».

А популярнейший в прошлом итальянский горнолыжник Густаво

Тони как-то заметил: «Я всегда восхищался смелостью прыгунов с трамплина. Но даже им далеко до этих отчаянных парней, увлекающихся фристайлом». И это Тони, восхищаясь своим бесстрашием на горных склонах даже своих соперников!

Кстати, далеко не все нынешние лыжные акробаты вышли из горнолыжников. Фристайл открыл новые возможности для прыгунов в воду и батутистов, гимнастов и воднолыжников, акробатов и фигуристов.

У нас в стране фристайл впервые увидели в 1980 году. Сначала на экране — группа американских туристов привезла в Москву видовой фильм о необычном виде спорта, а затем и на показательных выступлениях московских горнолыжников — пионеров советского фристайла. Первый выезд в горную Шорию ожидался москвичами с особым волнением — публика в горах должна была собраться весьма взыскательная. И хотя полностью ошибок в своих программах избежать, естественно, не удалось, теплый прием болельщиков, гроздьями висящих на окрестных склонах, вдохновил спортсменов. По возвращении в столицу были созданы Всесоюзные тренерский совет и комиссия по фристайлу, из показательных выступлений родились соревнования — сначала городские, республиканские, а затем и первые всесоюзные.

Список чемпионов страны открыли москвич Сергей Шайбин и представительница бесснежного Ташкента бывшая акробатка Василина Семенчук. Они и возглавили сборную страны, которая в январе нынешнего года в Канаде и США впервые провела несколько совместных тренировок с командой хозяев — законодателями мод в мировом фристайле, обладателями всех золотых наград первого чемпионата мира, состоявшегося в прошлом году во французском городе Тине. Программы наших мастеров были высоко оценены. Президент Международной федерации фристайла канадец Д. Джонтсон назвал их артистическими. И наиболее приятно услышать такую похвалу было, наверное, председателю нашей федерации известному актеру и режиссеру Никите Михалкову...

фото Владимира Чешиняги

ОТКАЗ ОТ ЖЕНСКИХ НОРМ

Джон УИНДЕМ

Научно-фантастический роман

За шесть лет из нескладного подростка Розалинда превратилась в высокую, стройную девушку. Она была очень красива, черты ее лица были правильные и привлекательные. Но, что гораздо важнее, она была очень женственна. Мягкость и женственность проявлялись во всем, что она делала: в манере держаться, разговаривать... Для многих парней эта женственность была приманкой, они принимали ее за кокетство и лезли к ней со своими ухаживаниями. Но она могла быть с ними приветлива — и только... У нее был какой-то внутренний способ защиты. Не знаю как, но она умела очень быстро отгородиться от приставаний — отгородиться внутри и каким-то образом дать почувствовать это ухажерам... Для нее, быть может, в большей степени близкие отношения с кем-то из «нормальных» были невозможными, неприемлемыми... Наверное, поэтому случившееся с Анной было для нее гораздо большим потрясением, чем для остальных наших.

Мы встречались с ней редко, всегда украдкой, и я думаю, никто, кроме наших, не догадывался об этих встречах. В те редкие часы, когда мы могли любить друг друга, нас никогда не покидал привкус горечи, никогда не оставляла мысль: сумеем ли мы когда-нибудь быть вместе открыто, не таясь? История с Анной усилила эту горечь — сама мысль о браке с НОРМОЙ для нас обоих была невыносимой.

Единственным человеком, у которого я мог попросить совета, был дядя Аксель. Как и все в округе, он знал о предстоящей свадьбе. Но он не знал, что Анна была одной из наших. Когда я сказал ему об этом, он помрачнел. Подумав, он сказал:

— Нет, Дэви. Это никуда не годится. Вы все правы, и я предвидел, что когда-нибудь дело дойдет до этого, хотя и надеялся, что как-нибудь обойдется. Теперь же, готов поклясться, вы все ее с места не сдвинете. Ведь так, мальчик? Иначе бы ты не пришел ко мне с этим?

— Она и слушать нас не хочет, — кивнул я. — Больше того, она нам не отвечает... Сказала, что с этим покончено. Она не хочет больше отличаться от... «нормальных» — так и сказала. Это была первая ссора у нас... В конце концов она сказала... сказала, что ненавидит нас всех! На самом деле это, конечно, не так... Просто она очень хочет выйти за Алана — так хочет, что не может и думать о каких-то помехах. Она... она словно ослепла или... Ну, в общем, она даже не хочет себе представить, что из этого может получиться. И я просто не знаю, что нам теперь делать...

— А есть хоть один шанс, что она все-таки сумеет жить с... с «нормальным»? Или об этом нечего и говорить? — спросил Аксель.

— Мы уже думали об этом, — сказал я ему. — Она может, конечно, не отвечать нам, что она сейчас и делает. Ну, это как если бы ты отказался разговаривать. Но долго она так не вытянет, ведь невозможно хранить обет молчания всю свою жизнь! Она никогда не сможет заставить себя стать «нормальной». Это просто невозможно! Мишель говорит, что это будет примерно так, как если бы она притворялась, что у нее только одна рука, из-за односторонности своего мужа... Нет, ничего у нее не получится, дядя, потому что я и пришел к тебе... Аксель задумался.

— Скажи, — спросил он, — а ты уверен, что она и впрямь свихнулась с этим Аланом? Я хочу сказать, свихнулась по-настоящему, ну, что она вроде как не в себе? — Он покрутил пальцем у виска.

— Она совсем не похожа на себя, — задумчиво сказал я. — Она... как будто разучилась думать... Ее последние мысли, перед тем, как она замолчала, были... были как бы и не ее...

— Женщины всегда думают, что любят, когда хотят замуж, — вздохнув, сказал Аксель, — и беды тут большой нет. Каждому человеку нужны мечты, каждый

хочет за что-то ухватиться... Но с женщиной, которая на самом деле любит, шутки плохи. Она живет в мире, где совсем другие законы, — она слепа, глуха ко всему, что ее окружает, и море ей по колено. Она способна на все, на любые жертвы и... Рано или поздно, Дэви... Рано или поздно...

Он не договорил, но я понял, что он хотел сказать. Ведь и я думал то же самое.

— Что же нам делать? — в отчаянии прошептал я. Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я увидел... решение. Приговор...

— Послушай меня внимательно, мальчик, — сказал он. — Один из вас угрожает жизни всех, понимаешь, всех. Может быть, и сама того не понимая, но... Это так. Даже если она искренно думает, что не выдаст вас, вы все теперь зависите от случайно оброненного слова, одной-единственной оговорки, вообще любой случайности. Так имеет ли она право — одна — подвесить жизнь семерых на тоненьком волоске только лишь потому, что она хочет жить с этим самым Аланом? А, Дэви?

Я колебался. Возражать было нечего.

— Если ты... если ты ставишь вопрос так... — пробормотал я неуверенно.

— А как иначе, Дэви? Так есть у нее такое право? — Мы сделали все, чтобы убедить ее! — вырвалось у меня невпопад.

— И у вас ничего не вышло. Что же теперь? Вы будете сидеть сложа руки и ждать, когда она проговорится?

— Я... не знаю, — с трудом выдавил я.

— Знал я одного человека, — медленно начал Аксель, бросая время от времени на меня косой взгляд исподлобья, — который плавал на судне... Они оказались в шлюпке — судно загорелось... Болтались они в море без еды и почти без воды сколько-то там дней, пока один из них не вынес жажды... Он выпил морской воды и сошел с ума. В припадке буйства он стал ломать лодку... Они все погибли бы, неминуемо погибли, но они скрутили его и вышвырнули за борт. Остальные трое — всего их было четверо — дотянули до берега. Если бы они не сделали то, что сделали, тот сошедший с ума все равно бы содох. Но с ним вместе погибли бы и все остальные!

Возникла тяжелая пауза. Наконец я отрицательно покачал головой.

— Нет, дядя. Этого мы не сделаем, — сказал я.

— Наш мир не райские кущи, — медленно проговорил Аксель, — в особенности для тех, у кого есть отклонения. Я, признаться, был уверен, что вы из тех, кто способен бороться за свою жизнь и... И победить. Но, может статься, я и ошибся.

— Пойми, дядя, — сказал я, — если бы речь шла об Алане, если бы это его нужно было «вышвырнуть за борт», мы бы не колебались. Но Анна!.. Дело даже не в том, что она женщина! Если бы на ее месте был любой из нас, это ничего не меняло бы. Мы слышком близки друг другу, понимаешь? Она, Анна, даже теперь гораздо ближе мне, чем родные сестры... Мне трудно объяснить тебе это... — Я запнулся, потому что никак не мог найти слов, которые бы он понял. Я чувствовал, что слова здесь вообще не помогут. — Это... это было бы не просто убийство, дядя, а... все равно как отрезать часть самого себя... Нет! Мы никогда не сможем сделать это!..

— Но тогда это камнем будет висеть над вашими головами до тех пор... — Он не закончил, но мы оба знали, что он имел в виду.

— Я знаю, — вздохнул я, — но то, что ты предлагаешь, для нас не выход. Если бы мы сделали это, «камень» висел бы над каждым внутри. И это было бы для нас во сто крат хуже...

2

Я даже не мог передать остальным наш разговор с Акселем — ведь его могла услышать Анна. Но я твердо знал, что они сказали бы те же, что и я. Я понимал, что Аксель предложил нам единственный реальный выход из создавшегося положения. Мой отказ последовать его совету означал полное наше бессилие и обреченность.

Анну мы с тех пор не слышали ни разу. Но хватает ли у нее воли не слушать нас? Мы не были в этом уверены. От ее сестры Рэйчел мы узнали, что она отзывается только на нормальную речь и всеми способами старается доказать себе, что она такая же, как все. Но все равно мы теперь уже не могли свободно говорить друг с другом: мы боялись.

Прошло несколько недель. Все оставалось по-прежнему. Похоже было, что Анна и впрямь сумела забыть о своем отличии от остальных... Приближался день ее свадьбы, и, наконец, они с Аланом переехали в дом, который ее отец построил им на своей ферме. Кое-кто поговаривал, что она напрасно вышла замуж за сына кузнеца, но никаких тревожных для нас слухов вроде не было.

Несколько месяцев мы не слышали о ней ничего. Она избегала даже встреч со своей сестрой, видимо, не желая, чтобы и эта тонюсенькая ниточка связывала ее с нами. Что ж, нам оставалось только надеяться, что ее брак оказался удачным и опасения наши были напрасными.

Постепенно наши страхи улеглись. В какой-то степе-

ни этому способствовало то, что пришло время, во всяком случае для нас с Розалиндой, подумать и о себе. Не помню, когда нам стало ясно, что мы должны быть вместе. Это казалось нам таким очевидным и естественным, так совпадало с нашими мыслями и желаниями, что нам казалось, мы знали об этом всегда. Это стало чем-то само собой разумеющимся задолго до того, как мы начали говорить об этом. Я и подумать никогда не мог, что возможен какой-то другой вариант — двое людей, выросших вместе, думающих вместе, а кроме того, объединенных еще и враждебностью всего окружающего мира, чувствуют необходимость друг в друге еще раньше, чем сознают, что они любят...

Но случается, когда они, наконец, понимают, что любят друг друга, они неожиданно для себя понимают и то, что они отличаются не только от всех остальных, но и друг от друга... И порой они сталкиваются с теми же проблемами, как и все «нормальные»...

Неприязнь между нашими семьями после истории с лошадыми вылилась в открытую вражду, и с годами вражда эта не утихла. Мой отец и его двоюродный брат Ангус Мортон, отец Розалинды, вели между собой что-то вроде партизанской войны: каждый внимательно следил за землями другого — не появились ли там хоть малейшие отклонения. Известно было даже, что оба как-то раз назначили награду тому, кто углядит отклонение на земле соседа.

В своем стремлении перецеголять Мортон отец жертвовал многим. Он, например, обожал помидоры, но, когда они однажды уродились неправильные, он вообще перестал сажать помидоры и картошку: с той поры нам приходилось покупать все это у соседей. Некоторые приноски также были занесены в «черный список» и той и другой стороной, и хотя все это еще больше поднимало моральный престиж наших семей, но отнюдь не способствовало добрососедским отношениям.

Было совершенно ясно, что обе стороны костями лягут, но не дадут нам с Розалиндой пожениться.

С годами ситуация становилась все хуже и хуже. Мать Розалинды уже не раз делала попытки устраивать что-то вроде смотрина, да и моя мать, я видел, поглядывала на молодых девиц, словно прикидывая, которая из них больше годится ей в невестки.

Пока что мы были уверены, что о нашей близости никто не догадывается. Ничем, кроме колкости и плохо скрытых оскорблений, Стрормы и Мортон не обменивались, и для всех в округе было естественным считать, что и дети разделяют чувства родителей. Единственным местом, где нас могли видеть вместе, была церковь: я уже говорил, что встречались мы с Розалиндой редко и всегда украдкой...

Но выхода из создавшегося тупика мы не видели, и было похоже, что положение не изменится к лучшему до тех пор, пока мы сами не придумаем что-нибудь. Был, правда, один вариант — он назывался у нас «свадьбой со стрельбой» — когда невесту как бы похищали, понятно, с согласия родителей. Мы бы, конечно, пошли на это, если бы вражда Стрормов и Мортон не заставляла нас всерьез опасаться, что ружья Мортон будут стрелять на этой «свадьбе» отнюдь не холостыми зарядами. Кроме того, мы были уверены, что даже в случае, если нам удастся каким-то образом пожениться, от наших родителей мы не получим ни гроша и нам придется уйти из родных домов в чем мать родила.

Тем временем прошло уже полгода со свадьбы Анны, и все оставалось без перемен.

Что касается остальных, то мы чувствовали, что за полгода их страх по поводу брака Анны не то чтобы совсем исчез, но притупился. Конечно, мы не до конца успокоились, никогда не забывали о нашем отличии и о том, какую беду оно могло рано или поздно на нас навлечь. Но, привыкнув с детства жить в этом страхе, мы постепенно привыкли и к мысли об Анне. Продолжалось это до тех пор, пока Алана не нашли мертвым на дороге к его дому. В горле у него торчала стрела.

3

Эту новость сообщила нам Рэйчел, и мы в жуткой тревоге, затаив дыхание, слушали, как она пытается поговорить со своей сестрой. Она старалась изо всех сил, собрала всю свою волю, но у нее ничего не получалось. Анна наглухо закрылась от нас. Даже в том отчаянии, которое она сейчас должна была испытывать, она не желала разговаривать.

— Я пойду к ней, — сказала нам Рэйчел. — Кто-то должен быть сейчас возле нее.

Вернулась она часа через полтора очень расстроенная.

— Она не хочет меня видеть... Даже в дом не пустила. Она позвала соседку, а мне закричала, чтобы... чтобы я убиралась вон!..

— Наверное, она думает, что это сделал кто-то из нас... услышали мы Мишеля. — Может быть, кто-то из вас и в самом деле?.. Или хотя бы догадывается, кто это мог быть?

Мы все ответили отрицательно.

— Нужно, чтобы она это знала, — сказал Мишель. — Она не должна думать, что это мы... Попробуйте все связать с ней.

Мы все напряглись, но и это не дало никакого результата.

— Плохо, — сказал Мишель. — Каким-то образом мы должны дать ей об этом знать. Рэйчел, шепни ей как-нибудь при случае это словами. Но так, чтобы никто из посторонних не слышал.

— Я попробую, — неуверенно сказала Рэйчел.

Час с лишним мы провели в тревожном ожидании. Вернувшись, ничего хорошего она нам не сообщила.

— У меня ничего не вышло, — сказала Рэйчел. — Я передала записку через соседку, но та вернулась и сказала, что Анна порвала записку, не читая. Сейчас у нее мать. Она уговаривает Анну вернуться домой... к нам.

— Теперь мы должны быть готовы ко всему! — помолчал, сказал Мишель. — Приготовьтесь бежать, если это вдруг понадобится. Но пока старайтесь не вызывать подозрений. А ты, Рэйчел, попробуй узнать, что у нее на уме, и держи нас в курсе.

Я понятия не имел, что мне делать. Петра была уже в кровати, и я не мог разбудить ее так, чтобы никто в доме этого не заметил. Кроме того, я еще не был уверен в том, что дело так серьезно. Да и могла ли Анна заподозрить в убийстве Алана ребенка? И потом, мы ведь только предполагали, что Петра — одна из нас. Словом, пока я решил ничего не предпринимать. В доме все уже спали, когда Рэйчел связалась с нами вновь.

— Мы с мамой уходим к себе, — сказала она. — Анна выгнала всех из своего дома, и теперь она там одна. Мама хотела остаться, но с Анной сейчас невозможно разговаривать, она... Она совсем не в себе. Она сказала маме, что знает виновных в смерти Алана, но называть никого не будет.

— Ты думаешь, она имела в виду нас? — спросил Мишель. — Но ведь вполне возможно, что у Алана была с кем-то ссора, о которой не знаем мы, но знает она? Рэйчел подумала и ответила отрицательно.

— Если бы дело было в этом, она впустила бы меня. Она не закричала бы мне: «Убирайся прочь!» Я схожу туда рано утром, как только рассветет. Может, за ночь она успокоится...

Так мы и порешили и впервые за несколько часов позволили себе хоть немного расслабиться.

На следующий день Рэйчел рассказала нам, что произошло утром. Она встала на заре и пошла через поле к дому Анны. Когда она подошла к двери, ей почему-то стало не по себе... В ушах у нее звенел крик сестры: «Убирайся!» — Но просто стоять возле дома было бессмысленно, и она, собравшись с силами, постучалась. Ей никто не ответил. Она постучалась сильнее, так что эхо разнеслось по всему дому. Изнутри не доносилось ни звука. Тогда она страшно перепугалась и стала колотить изо всех сил кулаками в дверь и окна. По-прежнему никто не отзывался. Рэйчел решила пойти к соседке, которая вчера передала ей записку Анне.

Валевшейся во дворе доской они с соседкой высидели окно и влезли в дом. Анну они нашли наверху, в спальне: ноги ее не доставали полуметра до пола... Она повисла на перекладине, поддерживающей крышу...

Вдвоем они сумели снять ее и уложить на кровать. Судя по всему, она умерла часа за два до их прихода. Соседка накрыла ее простыней...

Рэйчел воспринимала все происходящее так, словно это был какой-то кошмарный сон, она почти не сообщала, что говорит. Соседка взяла ее за руку, как ребенка, и вывела из дома. Когда они уже выходили, соседка случайно заметила клочок бумаги, валявшийся на столе.

— Возьми это, — сказала она Рэйчел и сунула бумагу ей в руку. — Наверняка она написала это перед смертью тебе или родителям.

Рэйчел машинально повертела бумагу в руках.

— Нет, это не... — начала было она, но вовремя спохватилась и сделала вид, что внимательно читает написанное. — А-а, да-да, верно, это для отца с матерью... Я... передам им... — И с этими словами она спрятала письмо за корсаж платья. Адресовано оно было не ей, не родителям, а инспектору.

Муж соседки проводил Рэйчел до дому, и она рассказала родителям о том, что произошло. Потом, оставшись в своей комнате одна, она прочла письмо. Это был донос на нас всех, включая Рэйчел и даже Петру. Анна обвиняла нас в убийстве Алана, потому что... Словом, она написала все, как есть. Рэйчел дважды перечитала письмо сестры, а потом сожгла его.

4

Через день-два страсти вокруг этого дела улеглись. Самоубийство Анны, конечно, было трагедией, но никто не считал эту трагедию загадочной и необъяснимой. Молодая женщина, впервые забеременевшая, у которой так внезапно погиб муж, помешалась от горя и покончила с собой — таково было всеобщее мнение, и никто не нашел ничего необычного в случившемся.

Смерть Алана так и осталась загадкой для всех, в том числе и для нас. В ходе расследования были заподозрены несколько человек, у которых были ссоры с погибшим, но ни у кого из них не было достаточно веского повода для убийства. К тому же все подозреваемые сумели доказать свое алиби.

Старый Уильям Тэй опознал стрелу, сделанную им самим, но все стрелы почти у всех в округе были

сделаны им, так что это ничего не значило. Стрела была безо всяких отметин — самая обыкновенная, которых было полно в каждом доме. Конечно, появилось множество слухов: кто-то говорил, что у молодых не все было ладно в семье, что Анна будто бы в последнее время побаивалась своего мужа. К крайнему возмущению родителей Анны пронесся слух, будто она сама убила Алана, а потом повесилась, испугавшись, что ее поймут, а может, и от угрызений совести. Но об этом тоже вскоре прекратили болтать — ведь никаких реальных оснований обвинять Анну в таком преступлении ни у кого на самом деле не было. Эта смерть молодого сына кузнеца так и осталась для всех неразрешимой загадкой. Мы в страхе ждали, что кто-нибудь каким-то боком заподозрит нас, но страхи наши были напрасны: никому и в голову не пришло связать нас с этим странным происшествием. Но тем не менее все это не прошло для нас бесследно. С еще большей остротой, чем прежде, мы ощутили, по какому краю пропасти все мы ходим. Ощутили, как жизнь всех зависит от жизни каждого в отдельности.

Нам было жаль Анну, но горе утраты смягчалось сознанием того, что потеряли мы ее давно, задолго до разразившейся катастрофы. И только один Мишель, казалось, не разделял нашего относительного спокойствия.

— Один из нас смог предать!.. Сморг!..—здумчиво сказал он.

Глава одиннадцатая

1

Проверка полей весной на этот раз обнаружила не так уж много отклонений. Во всем районе только два урожая попали в «черный список», и ни отца, ни Мортон в этом списке не было. Два предыдущих года были так ужасны, что те, кто в позапрошлом году сомневался относительно некоторых всходов, в прошлом — уничтожили все, что хоть мало-мальски отличалось от НОРМЫ. Может быть, именно поэтому нынешний урожай был почти весь нормальный. Это вселило в людей надежду, и все в округе смотрели друг на друга теперь уже не так враждебно и настороженно, как раньше. В конце мая многие бились об заклад, что процент отклонений в этом году будет неслыханно низким. Даже старый Джейкоб вынужден был признать это.

— Господь милостив,—говорил он,—он дает им последний шанс. Дай бог, чтобы они, там, на востоке, наконец прозрели!.. Впрочем, и этим летом все может обернуться иначе, помяните мое слово!..

Но никаких зловещих предзнаменований не было. Поздние овощи уродились такими же нормальными, как и ранние злаки. Погода тоже стояла отменная, и люди перестали провожать настороженными взглядами инспектора, который теперь не ходил, повсюду высматривая отклонения, а мирно дремал на крыльце своего дома.

Для нас все было бы так же спокойно и безмятежно, если бы не Петра.

Однажды в июне, жарким, погожим днем, вдохновившим ее на очередные проказы, она ухитрилась сделать сразу две вещи, которые ей строго-настроено запрещались. Во-первых, она одна выехала на своем маленьком пони за пределы нашей фермы. Во-вторых, ей и этого показалось мало, и она поскакала не по равнине, а в самую чащу леса.

Леса вокруг Вакнука, как я уже говорил, были в общем-то не такие уж страшные. Но осторожность, как известно, еще никому не вредила. Дикие коты редко нападали на человека, но все равно ходить в лес без оружия мы остерегались. Можно было наткнуться и на более крупного зверя, забредшего сюда из Джунглей.

Петрин зов возник так же неожиданно и с той же страшной силой, как и в прошлый раз. Правда, сейчас в нем не было такого панического ужаса, как прошлым летом, но тревога и отчаяние, возникавшие от крика Петры, были очень болезненны. Петра явно не контролировала себя, вообще не отдавала себе отчета в том, что делает. Она просто посыпала ступок эмоций, и эти эмоции охватывали всех, кто был способен этот ее сигнал воспринять.

Я попытался связаться с остальными и сказать, что уже бегу на помощь, но не смог пробиться даже к Розалинде. Мои сигналы не пропускала какая-то огромная помеха: это трудно объяснить... Ну как если бы человек пытался разговаривать при каком-то страшном шуме или пытался разглядеть что-то сквозь густой туман... А главное, этот сигнал не давал никакого представления о том, что, собственно, произошло. Он походил на нечленораздельный крик о помощи. Я уверен, она не понимала, что делает,—делала это чисто инстинктивно...

Я выскочил из кузницы, где работал, забежал домой за ружьем, которое всегда висело у нас рядом с входной дверью, и ринулся к конюшне. Единственное, что было ясно в крике Петры, это направление, и через несколько секунд я уже мчался сломя голову на оседланной лошади туда, куда неудержимо влек меня зов сестренки. Выехав в поле, я, не колеблясь, хлестнул коня и устремился к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на минуту перестала вопить, я бы успел связаться с остальными и дать им знать,

что нет нужды всем спешить на помощь. Тогда, быть может, обстоятельства сложились бы иначе... Но она орала не переставая, как сирена, и мне не оставалось ничего другого, как побыстрее разыскать и успокоить ее. Как назло, мы наскочили на кочку, я вылетел из седла, и какое-то время ушло у меня на то, чтобы поймать испуганную лошадь. В лесу дорога была более укатанная, и я довольно долго мчался по ней, пока вдруг не понял, что удаляюсь в сторону от Петры. Я повернул назад и стал искать другую тропинку, чтобы ехать прямо по направлению крика. Наконец, я нашел почти заросшую тропку и поскакал по ней теперь уже точно в правильном направлении, то и дело раздвигая ветви деревьев, цепляющиеся за одежду. Вскоре тропка стала пошире, и примерно через четверть мили я выехал на широкую просеку.

Я не сразу увидел Петру, сперва мне бросился в глаза ее пони. Животное лежало на боку с разорванным горлом. Над ним, жадно вырывая куски кровавого мяса из его глотки, склонился зверь — самый жуткий мутант из тех, которых я до сих пор встречал в нашем лесу. Он был весь рыжий с двумя отметинами — желтой и темно-коричневой — на боку. Его лапы были покрыты клочковатой шерстью, передние — с огромными когтями — были все в крови. Длинная шерсть свисала у него с хвоста, и это делало хвост похожим на гигантское перо. Морда у него была круглая, а глаза — как осколки желтого стекла. Уши широко расставлены, носа почти не было. Два громадных клыка выпирали из нижней челюсти...

Я осторожно стал снимать с плеча ружье. Это движение привлекло внимание зверя. Он повернул ко мне свою страшную оскаленную морду и молча уставился на меня. Кровь несчастного пони стекала с его раскрытой пасти на землю... Гигантский хвост стал мотаться из стороны в сторону. Я уже приподнимал ружье, когда откуда-то сбоку вылетела стрела и впилилась в глотку этого монстра. Он взвился в воздух и тут же опустился на все четыре лапы, не отрывая от меня желтых, горящих жутким огнем глаз. Лошадь подо мной испуганно рванулась в сторону, я от неожиданности нажал курок, и выстрел пропал даром. Но прежде чем зверь успел прыгнуть, две новые стрелы вонзились ему в бок и в темя. Секунду он стоял неподвижно, а потом рухнул замертво.

Из чащи выехала Розалинда с луком в руке, с другой стороны появился Мишель, тоже с луком наготове. Он не спускал глаз с мертвого зверя. Отчаянный вопль Петры не утихал.

— Где она?—вслух спросила Розалинда.

Мы огляделись и увидели крошечную фигурку девочки на верхушке молодого деревца, метрах в трех от земли. Она сидела на ветке, обеими руками держась за ствол. Розалинда подбежала к дереву и крикнула ей, что опасность миновала. Но Петра по-прежнему мертвой хваткой держалась за ствол дерева. Видимо, она была так потрясена случившимся, что ничего не сообщала. Я слез с лошади, взобрался к ней наверх и осторожно передал ее на руки Розалинде. Та усадила ее перед собой на седло и стала успокаивать, как могла, но Петра не отрывала глаз от растерзанного пони и, казалось, ничего не слышала. Ее отчаяние, которое все мы чувствовали, как свое собственное, стало еще нестерпимее.

— Мы должны заставить ее замолчать,—сказал я вслух Розалинде.—Иначе она созовет сюда всех остальных.

Убедившись, что зверюга мертва, Мишель подошел к нам. Он с тревогой смотрел на Петру.

— Она просто не понимает, что делает. Все равно как другая кричала бы от испуга во весь голос. Так и она кричит, только мысленно... Лучше уж она

кричала бы вслух,—вздыхнул он и добавил:— Давайте уведем ее подальше от этого пони.

Мы немного отъехали в сторону, чтобы кусты заслонили тело мертвого пони от глаз Петры. Мишель попробовал тихонько заговорить с Петрой, стараясь успокоить ее, но она, казалось, ничего по-прежнему не слышала, ничего не понимала, и страшный крик ее не ослабевал.

— Может, нам попробовать по-нашему?—предложил я.—Только все вместе. Ну? Готовы?

Мы напряглись одновременно, но это вызвало лишь секундный перерыв в воплях Петры, а потом все началось снова.

— Хватит. Вы же видите, ничего не выходит,—сказала Розалинда и отключилась.

Мы стояли втроем и беспомощно переглядывались, не зная, что предпринять. Характер Петрино крика теперь немного изменился: ощущение страха стало слабее, но горе ее было ужасным. Она начала рыдать вслух. Розалинда обняла ее и прижала к себе.

— Дайте ей выплакаться. Это снимет напряжение,—сказал Мишель,—и, быть может, все стихнет.

Мы стояли и молча ждали, пока Петра успокоится, и вот тут случилось то, чего я все время боялся: из-за деревьев показалась Рэйчел — верхом, а через минуту с другой стороны выехал, тоже верхом, парень, которого я прежде никогда не видел, но сразу понял, что это Марк.

До сих пор мы никогда еще не собирались все вместе, зная, что это может навлечь подозрение. Почти наверняка остальные — Салли и Кэтрин — тоже где-то неподалеку. Произошло именно то, чего мы давным-давно условились избегать всеми средствами.

Торопливо, на словах (наши мысли все еще забивала Петра) мы объяснили подъехавшим, что здесь произошло. Мы велели им немедленно уезжать отсюда и как можно быстрее разехаться в разные стороны, чтобы никто не увидел их вдвоем. Мишель тоже должен был поскорее уехать, а мы с Розалиндой — остаться и успокоить Петру.

Минут через десять в чаще послышался треск, и к нам подъехали Кэтрин и Салли с луками наготове. Мы надеялись, что уже уехавшие Мишель, Марк и Рэйчел встретят их на полпути и повернут назад, но они разминулись.

Девушки подъехали ближе и усталились на Петру. На словах мы объяснили им ситуацию и велели быстро исчезнуть. Они уже развернули лошадей, но в этот самый момент из чащи выехал здоровенный увалень на громадном коне и усталился на всех нас выпученными от изумления глазами.

— Что тут у вас стряслось?!—спросил он, переводя настороженный взгляд с Петры на нас.

Я никогда не видел его прежде, и поэтому появление его меня не очень встревожило. Я задал ему обычный вопрос, который задают в лесу незнакомцу. Нетерпеливо он вытащил Метрику с отметиной за нынешний год и помахал ей перед моим носом. Я сделал то же самое, и таким образом стало ясно, что и он, и я вполне нормальны.

— Что тут у вас стряслось? — настойчиво повторил он.

Мне очень хотелось послать его подальше, но я подумал, что сейчас разумнее быть вежливым. Я объяснил, что на пони моей сестренки напал зверь и что, услышав ее крик, мы прискакали сюда ей на помощь. Он выслушал меня с явным недоверием, потом обернулся к Салли и Кэтрин.

— Может, так оно все и было,—протянул он,—но вы-то, девушки, как тут оказались?

— Когда слышишь такие вопли, естественно поспешить на помощь,—ответила Салли,—тем более если кричит ребенок!

— Да ведь я-то тоже был неподалеку, а не слышал ни звука,—сказал он, и в глазах у него было явное подозрение.

Салли переглянулась с Кэтрин.

— Ну, а мы слышали!—Вот и все, что она могла возразить.

Я подумал, что настал мой черед вмешаться и разрядить обстановку.

— Я думал, что крик был слышен миль за десять вокруг,—сказал я.—Да и бедняга пони орал, как оглашенный!

Я повел его за кустарник и показал растерзанного пони и мертвого монстра. Он явно удивился, как будто никак не ожидал такого очевидного доказательства наших слов. Но чувствовалось, что он по-прежнему не верит нам до конца. В конце концов он потребовал, чтобы Розалинда и Петра тоже показали свои Метрики.

— Да с какой стати?—спросил я.

— А вы будто не знаете, что здесь нынче полным-полно лазутчиков из Джунглей?—воинственно спросил он.

— Понятия не имею,—холодно отрезал я.—И потом, мы что, по-вашему, похожи на тех, что из Джунглей?

— Их здесь полным-полно,—повторил он, делая вид, что не слышал моего вопроса.—И есть специальная инструкция быть начеку. Беда ждет неподалеку, в лесах нужно быть особенно бдительными.

Он взглянул на Салли, а потом опять на мертвого пони.

— Сдается мне, этот пони сдох полчаса назад. Стало быть, и орать он мог только полчаса назад. Как же вы нашли это место, а?

Салли удивленно вытаращила на него глаза.

— Крики раздавались отсюда, сюда мы и поскакали... А когда подъехали ближе, услышали плач девчушки, — сказала она, пожав плечами.

— И хорошо сделали, что поспешили, — быстро встал я, — не окажись мы поблизости, кто знает, чем бы все кончилось. К счастью, все обошлось, и с девочкой ничего не случилось. Но она здорово испугалась, и ее надо поскорей отвезти домой. Спасибо за помощь, — добавил я, изобразив на лице вежливую улыбку.

Девушки сыграли свои роли неплохо. Они поздравили нас с благополучным исходом, пожелали, чтобы Петра побыстрее оправилась от шока, и, попрощавшись, ускакали.

Незнакомец остался. Он все еще был настороже. Какие-то смутные подозрения одолевали его, но прицепиться было вроде не к чему. Несколько минут он потоптался возле нас, что-то бурча себе под нос, но в конце концов, ворчливо посоветовав нам держаться подалеже от леса, ускакал вслед за девушками.

— Кто он такой? — с трудом выдавила из себя Розалинда.

Я мог сказать ей только его имя — Джером Скинер, — которое прочел в его Метрике. Никогда прежде я его тут не видел, и мое имя, видимо, тоже ему ничего не говорило. Я бы спросил у Салли, но Петра все еще держала барьер между всеми, и барьер этот вызывал у меня неприятное чувство отрезанности от остальных...

В который раз я подивился Анне — как могла она сама, по своей воле прожить за таким барьером почти полгода!

Продолжая обнимать Петру, Розалинда потихоньку двинулась к дому. Я снял с мертвого пони седло и упряжь, выдернул стрелы из тела зверя и поехал вслед за ними.

Когда я привез Петру домой, ее сразу же уложили в кровать. Вплоть до самого вечера отчаяние, исходившее от нее, давало себя знать. Но постепенно оно стало утихать и часам к девяти исчезло совсем.

— Ну, наконец-то! Наконец-то она заснула! — сразу услышал я всех наших.

— Кто-нибудь знает, кто был этот Скинер? — спросила Розалинда.

— Он здесь недавно, — ответила Салли. — Отец его знает, у него ферма неподалеку от того места, где мы нашли Петру. Нам чертовски не повезло, что он застал нас всех вместе...

— Почему он был так подозрителен? — спросила Розалинда. — Может, он догадался... Или слышал что-нибудь об этом? А может, он сам?..

— Нет-нет, он не умеет! — сказала Салли. — Я пыталась, но он не из наших.

Неожиданно включился Мишель, не слышавший начала разговора, и спросил, о чем это мы. Когда мы рассказали ему, он на несколько секунд задумался.

— Вообще, кое-кто считает, что такое возможно, — наконец, произнес он. — Правда, и они плохо себе представляют, что это такое, называют телепатией или как-то еще в этом роде. Но большинство не верит в то, что это бывает.

— Но те, кто верит... Они считают это отклонением? — спросил его я.

— Трудно сказать. Я никогда не слышал, чтобы это обсуждалось всерьез. Строго говоря, по их же логике, если бог может знать все тайные помыслы человека, то и человек, как образ и подобие господу, должен уметь это делать. Можно попытаться доказать, что человек утратил это свойство в наказание за что-то... Ну, что это было, допустим, часть Кары... Но я бы не хотел участвовать в такой дискуссии. В особенности если она будет происходить в суде, — твердо закончил он.

— Этот человек... Скинер... он словно что-то учуял! Он был как пес, идущий по следу! — неожиданно с силой произнесла Розалинда. — Вспомните, может, и... еще кто-то был так же подозрителен?

На это мы все ответили твердо: «Нет», — и Розалинда быстро взяла себя в руки.

— Что ж, ладно, — сказала она. — Мы должны сделать так, чтобы это больше не повторилось. Я имею в виду эту встречу всех нас — вместе. Дэви, тебе придется объяснить Петре на словах и попробовать научить ее сдерживаться. Если же эти крики будут повторяться, вы все не должны обращать на них внимания, не отвечать и вообще оставить это Дэвиду и мне. Ну, а если это будет так же... Если вы не сумеете противиться этому, то первый, кто прибежит к ней, должен любым способом заставить ее замолчать, а сам тут же исчезнуть. Мы никогда больше не должны попадаться все вместе! Еще один такой эпизод — и нам конец!

Все согласились с ней и один за другим покинули

нас. Мы же с Розалиндой стали обсуждать, как лучше и понятнее объяснить все Петре.

На следующий день я проснулся ни свет ни заря, и первое, что почувствовал, — горе, исходящее от Петры. Но теперь оно звучало по-другому. Страх и ужаса уже не было. Была лишь острая жалость к мертвому пони. Не было и той страшной силы чувства, которая вчера создавала между всеми нами непреодолимый барьер.

Я попытался войти с ней в контакт и, хотя она и не поняла меня, отчетливо услышал ее удивление. Я встал и пошел к ней в комнату. Она обрадовалась мне, ощущение горя сразу стало слабее, как только мы начали болтать. Прежде чем уйти, я обещал ей взять ее с собой сегодня на рыбную ловлю.

Не так-то просто объяснить на словах, как у нас получался мысленный разговор. Все мы доходили до этого вместе и без всяких слов. Сначала это были лишь самые простые фразы, но чем больше мы общались, тем искуснее становилась наша речь. Мы все время инстинктивно помогали друг другу и постепенно так овладели этим, что обычные слова стали для нас бесцветными, невыразительными, почти ненужными... С Петрой все обстояло иначе: в свои шесть с половиной лет она уже обладала такой силой передачи, какая нам и не снилась. Это был какой-то совсем иной уровень. Но обладала она этим, сама того не сознавая и не умея себя сдерживать. Я пытался объяснить ей хотя бы самую суть, но и теперь, когда ей было уже почти восемь лет, необходимость пользоваться только самыми простыми словами создавала, казалось, непреодолимую преграду. Целый час, когда мы сидели у реки, я пытался втолковать ей хоть что-то, но она лишь устала и начала капризничать. Тут нужен был какой-то способ... Нужно было что-то придумать...

— Давай сыграем в такую игру, — предложил я. — Ты закроешь глаза, крепко-крепко закроешь и представишь, что смотришь в такой глубокий-глубокий черный колодец. Глубокий и черный-пречерный — такой, где ничего не видно. Поняла?

— Ага, — сказала она и крепко зажмурилась.

— Теперь смотри, — сказал я. И стал мысленно рисовать ей кролика. Такого маленького крольчонку, трущего лапой нос. Она хихикнула. Это был хороший знак: значит, она приняла мой сигнал. Я стер кролика и нарисовал щенка, потом нескольких цыплят, потом лошадь с повозкой. Через минуты две она открыла глаза и разочарованно огляделась по сторонам.

— Где они? — спросила она.

— Нигде. Я их просто придумал, понимаешь, придумал, — сказал я. — Это... ну, такая игра. Давай теперь я закрою глаза, и мы оба представим, что смотрим в черный колодец, только теперь ты что-нибудь придумаешь там, на дне. Придумаешь так, чтобы я тоже смог увидеть, ладно?

Я закрыл глаза и распахнул свой мозг, чтобы принять ее «картинку». Это была моя ошибка. В мозгу у меня что-то взорвалось с такой силой, как будто в голову ударила молния. Голова кружилась, меня поташнивало, колени дрожали. Никакой «картинки» я не увидел. Тут же послышались громкие жалобы всех наших. Я объяснил, чем мы с Петрой занимаемся.

— Пожалуйста! Действуй осторожнее! Не давай ей повторять это!.. Я чуть себе ногу топором не оттяпал! — взмолился Мишель.

— Я ошпарилась кипятком! Из чайника!.. — донеслось от Кэтрин.

— Успокой ее! Иначе мы все сойдем с ума! — взмолилась Розалинда.

— Да она совершенно спокойна. С ней-то все в порядке, — сказал им я. — По-моему, она просто не может иначе...

— Так надо научить ее иначе, — сказал Мишель.

— Я знаю. Но что я могу сделать? Может, вы скажете, как ее научить? — осведомился я у них.

— Хотя бы предупреди нас в следующий раз, когда она начнет! — попросила меня Розалинда.

Я постарался сосредоточиться и обратился к Петре.

— Ты... у тебя получилось слишком сильно, — сказал я. — Теперь попробуй чуть-чуть потише... Нарисуй картинку так, как будто она далеко от тебя. Сделай ее не такой яркой, словно она из паутинки... Понимаешь?

Петра кивнула и снова зажмурилась.

— Берегитесь! — предупредил я остальных и сам закрылся.

На этот раз у нее получилось слабее, и мы были готовы к этому, но все равно у меня в мозгу опять словно что-то взорвалось. Однако за вспышкой я все-таки разглядел...

— Рыба! — сказал я. — Маленькая рыбка с длинным хвостом!

Петра довольно ухмыльнулась.

— Верно, рыбка! — донеслось от Мишеля. — Здорово у вас получается, ребята! Только если в следующий раз ты не научишь ее пользоваться одной сотой своей силы, она спалит нам мозги, пока не научится говорить.

— Теперь ты рисуй! — потребовала Петра, и урок продолжался.

На следующий день мы занимались тем же. Громадная сила ее передач жутко изнуряла меня, но она явно делала успехи. Постепенно она научилась передавать не только зримые образы, но и мысли. Конечно, очень по-детски, но другого мы и не ждали. Главная трудность по-прежнему заключалась в ее силе, с которой она это делала. Стоило ей чуть-чуть забыть, как она буквально выворачивала наши мозги наизнанку. Все наши жаловались, что ничего не могут делать во время наших упражнений: у всех в головах словно гремел оглушительный барабанный бой. В конце второго урока я объявил Петре:

— А сейчас картинку тебе нарисует Розалинда.

— А где эта Розалинда? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Здесь ее нет. Она... далеко отсюда. Но для наших картинок это неважно. Давай гляди в черный колодец и ни о чем не думай. А вы все, — обратился я к остальным, — не мешайте. Пусть говорит одна Розалинда. Давай, милая, действуй!

Мы все замолчали.

Розалинда нарисовала пруд с камышами по краям. В пруд она напустила маленьких смешных утят разных цветов. Плавая, они выделывали забавные, но вместе с тем очень ритмичные танцевальные фигуры. Все делали это синхронно, но один утенок, самый маленький, все время отставал от других. Петре все это очень понравилось, она просто заходила от восторга. Вдруг совершенно неожиданно она передала свое восхищение. Картинка, нарисованная Розалиндой, мгновенно исчезла, а мы все едва не лишились сознания. Такие всплески ее эмоций были для нас мучительны, но успех был несомненным.

На четвертом уроке она научилась воспринимать «картинки», не зажмуриваясь. Это было еще одним шагом вперед. В конце недели прогресс стал очевиден: мысли она передавала самые простые и не всегда на более или менее спокойном уровне (иногда срывалась на полную силу, и это было кошмаром для всех), но принимала нас всех очень хорошо, хотя из тех разговоров, которые мы вели между собой, она улавливала очень немного.

— Вы говорите слишком быстро и слишком много всего сразу, — жаловалась она. — Правда, я всегда могу отличить, когда говоришь ты, когда — Розалинда, когда — еще кто-нибудь... Но вы делаете это так быстро, что все запутывается... Правда, у других еще больше запутано... — добавила она.

— У каких это других? У Кэтрин и у Марка? — спросил я.

— Нет. Этих-то я узнаю. Я про других. Тех, что там, далеко-далеко! — нетерпеливо объяснила она.

Я решил ничем не выдавать своих чувств.

— Наверное, я их просто не знаю, — сказал я спокойно. — А кто они такие?

— Почему я знаю, — ответила она. — А ты разве их не слышишь? Они там, — она махнула рукой на юго-запад, — но только далеко-далеко...

Я попытался собраться с мыслями.

— А сейчас, сию минуту ты их слышишь? — спросил я.

— Да. Но... не очень... не очень ясно, — ответила она.

Я изо всех сил попытался уловить хоть что-нибудь, но все мои усилия были напрасны.

— Постарайся передать мне то, что ты слышишь от них, — попросил я Петру.

Она постаралась. Что-то там явно было, но на таком уровне, на котором никто из нас ничего понять не мог. Кроме того, это было так расплывчато, что вообще не имело каких-то конкретных очертаний, вероятно, потому, что Петра пыталась схватить и передать нам то, чего сама не понимала. Я ничего не мог разобрать и позвал Розалинду, но и она тоже ничего не поняла. Петре это давалось с трудом, она быстро устала, и минут через пять мы решили оставить пока эти попытки.

Несмотря на то, что Петра все еще частенько забывалась и буквально оглушала нас, все мы гордились ею. У нас было такое чувство, словно мы открыли никому еще пока не известного певца, который в будущем обязательно прославится, станет первым... Только все это было гораздо важнее, чем какое-то там пение...

— Из нее может получиться нечто потрясающее и е... — выразил общее мнение Мишель. — Только если она не сведет нас всех с ума, прежде чем научится сдерживаться, — добавил он.

Дней десять спустя после истории с пони дядя Аксель за ужином попросил меня помочь ему починить старую повозку, пока не стемнело. Просьба была самая обычная, но что-то в его взгляде заставило меня настроиться. Я согласился. Мы закончили ужин, вышли из дома во двор и зашли за сарай, где нас никто не мог подслушать. Он выплюнул изо рта соломинку, которой задумчиво ковырял в зубах, и посмотрел на меня.

— Боюсь, ты где-то напортачил, Дэви... — со вздохом, наконец, произнес он.

Напортачить я мог где угодно, но только об одной вещи он мог говорить таким тоном.

— Не помню... Вроде бы нет,— неуверенно сказал я.

— Тогда, может, кто из ваших? — спросил он, подумав.

Я опять ответил отрицательно.

— М-да,— протянул он.— Скажи на милость, отчего же тогда Джо Дарлей так тобой интересовался? А?

— Понятия не имею,— искренне сказал я.

Он покачал головой с сомнением.

— Не нравится мне все это, мальчик. Очень не нравится!

— Он спрашивал только обо мне или... о Розалинде тоже?

— О тебе и о Розалинде Мортон,— веско сказал дядя.

— Вон оно что... — запинаясь, протянул я.— Ну, если этот Дарлей... Может, он что-нибудь слышал... И хочет пустить слух, что мы с Розалиндой... Ну, в общем...

— Может, и так,— перебил меня дядя,— только дело в том, что этот Дарлей... Словом, раза два инспектор к нему обращался по... разным деликатным вопросам. Когда надо было разузнать кое-что по-тихому... Понимаешь? Вот это-то мне и не нравится.

Мне это понравилось еще меньше, но Дарлей никогда не вертелся возле нас, и я не мог себе представить, как у него могла возникнуть хоть тень подозрения.

— Но послушай,— сказал я Акселю,— если уж на то пошло, нас не так-то просто будет подогнать под официально признанные отклонения.

— Э-э, нет, Дэви,— протянул Аксель,— этот список — список официальных отклонений — в любой момент может и дополниться. Ты пойми, они ведь не могут предугадать, что может произойти в смысле отклонения? Какая может возникнуть новая мутация? И долг инспектора в том и состоит, чтобы внимательно наблюдать за всем в округе, и, если что покажется ему подозрительным, он обязан провести расследование. Это ведь его прямая обязанность.

— Мы уже обдумали, что нам делать, если нас заподозрят,— сказал я ему.— Ведь тот, кто станет задавать нам вопросы, даже не будет знать, что он ищет? И нам останется лишь «не понимать», о чем, собственно, идет речь. Если Джо или кто-то еще и подозревает нас в чем-то, то он даже не может никому объяснить, в чем именно.

Кажется, мне не удалось до конца убедить Акселя.

— Ну, хорошо, допустим, что так,— сказал он.— А как насчет Рэйчел? Она ведь здорово переживает из-за сестры... Не могла ли она?..

— Нет! — твердо сказал я.— Рассказав про всех нас, она не могла бы выгородить себя. Кроме того, если бы она и попыталась что-то скрыть от нас, мы бы все равно это знали! Понимаешь, мне трудно объяснить тебе... Но лгать в этом...

— Ладно,— оборвал он меня.— Ну, а если Петра что-то болтает?

— Как ты узнал?! Про Петру? — изумленно вымолвил я.— Ведь я никогда... Ни единым словом тебе не...

— Выходит, я угадал.— усмехнулся он.— Она тоже из ваших. Я так и думал...

— Откуда ты узнал? — уже с тревогой спросил я.— Она... сама тебе сказала?

— Нет-нет,— заверил он меня, видя, что я очень испуган.— Узнал я, можно сказать, случайно. В каком-то смысле мне тут помогла... Анна. Я ведь говорил тебе, Дэви, что ее свадьба с тем парнем — затея опасная. Есть, знаешь ли, такие женщины, которые не успокоятся, пока не станут тряпкой, об которую мужчина вытирает ноги. Для них весь смысл жизни в том, чтобы иметь хозяйку. Анна... была из этой породы.

— Ты... хочешь сказать, что она ему все... о себе рассказала? — пробормотал я.

— Будь уверен,— твердо сказал он.— И не только о себе, а о вас всех!

— Быть того не может! — вырвалось у меня.

— Уж будь уверен, мальчик,— вздохнул он.— Зря я бы не стал... Ты пойми меня правильно, Дэви, может, она и не хотела говорить про всех — сказала о себе, а остальное уж он из нее сам вытянул. Но так или иначе он все знал, можешь мне поверить!

— Даже... даже если и так, откуда тебе это известно? — спросил я, чувствуя подступающую дурноту.

Он задумался.

— Чтобы объяснить тебе это, придется кое-что рассказать.— Он помолчал, потом глянул на меня, словно что-то прикидывая, и наконец решился.— Был когда-то в Риге припортовый кабак. Небольшой такой погребок, его держал один человек — Гроуф его звали... Загребал он деньги будь здоров. Так вот, прислужой у него в этом кабаке были пятеро — двое мужчин и три женщины. И делали эти пятеро все, понимаешь, все, что он скажет!.. Ему достаточно было шепнуть одно словечко кому надо, и один из мужчин был бы тут же вздернут на виселице за подстрекательство к бунту на корабле, а двое женщин — за убийство. Уж не знаю, чем он держал остальных, но держал крепко... Заставлял женщин принимать «гостей» — моряков, а все, что они получали, клал себе в карман... Видел я, и как он с ними

обращался... А главное, как смотрел на них — с каким злорадством!.. Да, он крепко их держал, и они это знали!.. И он знал, что они знают... Ему стоило мигнуть, и они бы в пляс пустились!

Аксель на секунду замолк и усмехнулся.

— Никогда не думал, что увижу когда-нибудь еще такой взгляд! Да еще где?! В нашей церкви, Дэви! Это было написано на его физиономии — его! Как он смотрел на тебя, на Розалинду, а потом и на Петру!.. Да, еще и на Рэйчел, конечно...

— Но... дядя, только по одному взгляду... Ты ведь мог и ошибиться... — пробормотал я.

— Нет, Дэви! Это ни с чем не спутаешь. Этот взгляд я хорошо запомнил! Когда я увидел Алана там, в церкви, я словно снова очутился в том кабаке, в Риге... А потом, если я ошибся, скажи на милость, как я мог узнать про Петру?

— Что же ты сделал? — машинально спросил я.— Что было дальше?

— Дальше? — переспросил он.— Я вернулся из церкви, подумал о том, какую расчудесную жизнь устроил себе тот парень — Гроуф, — ну, и еще кое о чем, и... Натянул тетиву поновей и покрепче на свой старый лук.

— Так это ты?! — изумленно воскликнул я.

— Другого выхода не было, Дэви, я, конечно, понимал, что Анна подумает на кого-то из вас, а может, и на всех вместе. Но она ведь не могла выдать вас, не выдав при этом и себя с сестрой. Риск, понятно, был, но... другого выхода не было!

— Если б ты только знал, какой риск! — сказал я, придя в себя после его рассказа, и коротко пересказал ему то, что было в предсмертной записке Анны инспектору.

— Честно говоря, не думал, что до этого дойдет,— покачал он головой,— но все равно... Все равно это нужно было сделать. И... быстро. Алан был не дурак, он знал, на что шел. И наверняка оставил бы где-нибудь письменное доказательство, чтобы его вскрыли в случае его смерти. И уж, конечно, дал бы вам знать об этом, так что руки у вас были бы уже связаны. Пойми, тогда вам пришлось бы совсем худо!

Чем дальше я прокручивал в уме всю ситуацию, тем яснее я понимал, как к худу нам бы пришлось.

— Но ведь ты... сам здорово рисковал... — пробормотал я.

— Да что ты!.. — Он махнул рукой.— Разве можно сравнить, чем рисковал я и чем — вы?! Ладно, хватит об этом.

— Но теперешние дела,— вернулся я к тому, с чего мы начали,— никак не могут быть связаны с... с Аланом. Сколько времени уже прошло с тех пор...

— Да, пожалуй,— согласился со мной Аксель,— да и не такое это дело, чтобы он стал посвящать еще кого-то... Я вот что думаю: вряд ли они знают многое, иначе давно уже началось бы следствие. Но, чтобы начать следствие, нужны прямые улики. Инспектор побойтся остаться с носом, особенно когда дело касается твоего отца или Мортон. И все же что-то им в голову запало...

Я подумал об истории с Петрой и с ее пони в лесу. Аксель знал, что тогда на девушку напал зверь и растерзал пони, но подробностей мы ему не рассказывали. Мы верили ему во всем, как никому другому, но... все же, чем меньше он знает, тем меньше придется ему скрывать, если, не дай бог, что случится. И потом дело ведь касалось Петры — совсем еще ребенка... Но теперь он уже знал о ней, и я рассказал ему все. Ему, как и мне, этот эпизод не показался таким уж зловещим, но он все-таки записал себе имя того человека, который нас встретил.

— Джером Скинер,— проговорил он задумчиво,— что ж, попробую разузнать о нем получше.

Этой же ночью мы все стали обсуждать положение,

но так ни к чему и не пришли. В конце концов Мишель сказал:

— Ладно. Если вы с Розалиндой уверены, что в округе не произошло ничего подозрительного, значит, все связано с тем... Скинером (он не произнес имя по буквам, а мгновенно передал его образ). Если все дело действительно в нем, он наверняка должен был поделиться своими подозрениями с инспектором своего округа, а тот, в свою очередь, передать обычный рапорт инспектору вашего. В этом случае несколько человек так или иначе кое-что знают, и вопросы начнут задавать здесь о Кэтрин и Салли. Плохо, что сейчас все начеку из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеге из Джунглей... Словом, так, завтра я выясню здесь, у себя, что смогу, и сразу дам вам знать.

— Но что делать нам? — спросила Розалинда.

— Сейчас ничего,— твердо сказал Мишель.— Если мы верно угадали причину, то по степени подозрительности мы все делимся на три группы. Первая — Кэтрин и Салли, вторая — ты, Дэвид, и Петра, ну, и последняя — мы трое: я, Марк и Рэйчел. Ведите себя как ни в чем не бывало, чтобы не спровоцировать их на поспешные меры. Если дело дойдет до следствия, будем придуриваться, как решили раньше. Самая большая опасность для нас — Петра. Если они возьмутся за нее как следует, то из ребенка, конечно, все вытянут...

Она слишком мала и лгать не сумеет... Тогда дело может кончиться стерилизацией и Джунглями для всех нас... Итак, зарубите себе на носу: главное — Петра. До нее они не должны добраться. Может, ее никто и не подозревает, но она была там, в лесу, значит, не исключено, что кому-нибудь придет в голову... Тогда придется плюнуть на все и бежать. Во всяком случае, Дэви, ты ни при каких обстоятельствах не должен допустить, чтобы ее стали допрашивать. Если придется кого-то убить — убей!.. И не вздумай колебаться! Учти, о н и колебаться не будут! Имей в виду, если уж все начнется, они нас — сразу или постепенно — уничтожат! И, наконец, последнее. Если случится самое худшее и они доберутся до Петры... Лучше уж убить ее самим, чем дать им стерилизовать ее и бросить где-нибудь в Джунглях... Вы поняли? Если кто-то не согласен...

Все согласились, не дав ему закончить. Мне было больно даже подумать об этом, но, когда я представил себе Петру, искалеченную и брошенную в Джунглях, я тоже согласился с Мишелем.

— Ну что ж, тогда вроде всё,— сказал он,— на всякий случай вы четверо вместе с Петрой будьте наготове. Может быть, придется бежать...

На этом разговор закончился. К тому, что он сказал, трудно было что-нибудь добавить. Любое неосторожное движение кого-нибудь из нас неминуемо навлекло бы беду на всех. Рассудили мы все верно. Не повезло нам только в одном: узнай мы обо всех подозрениях дня на три раньше, все могло повернуться иначе...

Глава двенадцатая

1

Точные и предельно ясные указания Мишеля превратили угрозу нашего разоблачения из чего-то отдаленного и расплывчатого в надвигающуюся реальность. Его слова подействовали на меня куда сильнее, чем разговор с Акселем. Я вдруг ясно понял, что в один прекрасный день мы неминуемо столкнемся с ситуацией, которая уже не разрешится так благополучно, как разрешались все предыдущие.

Я знал, что Мишель давно уже предчувствовал надвигающуюся опасность, а сегодня я и сам заразился этим предчувствием. Прежде чем лечь спать, я кое-что приготовил: рядом с кроватью положил лук со стрелами, сумку с хлебом и сыром. Утром я решил начать потихоньку собирать теплую одежду, ботинки и другие вещи, которые могут понадобиться, и уже прикидывал, куда бы до поры до времени все это припрятать, чтобы оно было не в доме, но в каком-нибудь сухом и надежном месте под рукой.

Да, ведь нам еще будет нужна одежда для Петры, и связка одеял, и в чем держать питьевую воду, и...

Перебирая в уме все необходимое, я и не заметил, как уснул.

2

Часа через три, не больше, меня разбудил звук отодвигаемой щеколды в моей комнате. Луны в эту ночь не было, но в темноте я сразу разглядел крохотную фигурку Петры в белой рубашонке у двери.

— Дэви,— прошептала она,— Розалинда...

Она могла не продолжать. Розалинда буквально ворвалась в мою сонную голову.

— Дэви! — услышал я.— Дэви!.. Мы должны немедленно бежать! Они схватили Салли и Кэтрин!..

Сразу вслед за ней в сознание мое вторгся Мишель.

— Не теряйте времени! Может быть, его у вас уже и не осталось. Все случилось неожиданно!.. Если бы они знали чуть больше, они тотчас отправили бы людей, чтобы схватить вас. К Кэтрин и Салли они явились минут десять назад. Торопитесь!..

— Я встречу вас за мельницей. Торопись, Дэви! — сказала Розалинда.

Я обратился к Петре на словах:

— Как можно быстрее одевайся. Только по-тихоньку.

Она наверняка почти ничего не поняла из нашего торопливого разговора, но явно уловила нашу тревогу. Молча кивнув, она исчезла в темном проеме двери. Я быстро натянул на себя одежду и свернул одеяла со своей постели в узел. Потом на ощупь, не зажигая лампы, нашел лук и стрелы, сумку с едой и вышел из комнаты.

Петра была почти готова. Я схватил наугад первую попавшуюся одежду из ее сундучка и засунул в узел с одеялами.

— Башмаки пока не надевай, — прошептал я. — Держи их в руках и иди на цыпочках, тихонько, как кошка.

Мы вышли во двор и только там обулись. Петра хотела что-то сказать, но я приложил палец к губам и нарисовал ей Шебу — самую резвую нашу кобылу. Она кивнула, и мы на цыпочках побежали к конюшне. Только я открыл дверь в стойло, как услышал вдалеке какой-то звук и замер.

— Лошади... Это лошади скачут... — прошептала Петра.

В самом деле, было слышно, как вдалеке проскакали лошади, позвякивая уздечками. Шеба была расседлана, но искать седло и уздечку не было времени. Мы вывели ее во двор, положили ей на спину тюк с одеялами и кое-как на него уселись. Места для Петры впереди меня не было, и она села сзади, обняв меня ручонками. Почти без звука мы выехали со двора и двинулись по тропинке к берегу реки. Между тем конский топот и храп был слышен уже совсем рядом с нашим домом.

— Ты здесь? — окликнул я Розалинду.

— Я здесь уже минут десять, — тут же отозвалась она. — У меня все было готово. Мы изо всех сил старались с тобой связаться... К счастью, Петра проснулась вовремя.

Петра услышала, что речь идет о ней, и возбужденно вмешалась, спрашивая, в чем дело. Как обычно в таких случаях, в голове у меня что-то бухнуло, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Тихе, родная! — взмолилась Розалинда. — Пожалуйста, тихе! — Она переждала, пока удар схлынет, и сказала: — Скоро мы тебе все расскажем. Салли! Кэтрин! — позвала она девушек.

Они тут же ответили:

— Нас привели к инспектору. Мы ничего не понимаем и ни о чем таком никогда не слышали. Верно?

Мишель и Розалинда в один голос подтвердили, что держаться надо именно так.

— Мы, пожалуй, лучше закроемся от вас, — сказала Салли, — так нам будет легче им врать. Не пытайтесь говорить с нами, слышите?

— Хорошо... Но мы для вас открыты, — сказала им Розалинда. — Быстрее, Дэви, — переключилась она на меня. — На ферме зажгли огни.

— Да-да, мы идем, — отозвался я. — В темноте они не сразу сообразят, по какой дороге мы поехали.

— Они зайдут в конюшню и поймут, что вы где-то неподалеку. Быстрее!

Я оглянулся назад. В окнах нашего дома зажегся свет, и лампы ходили ходуном в чих-то руках. Мы услышали чей-то окрик, когда были уже на берегу реки. Теперь можно было пустить лошадь рысью, а еще через полмили спустя — галопом. Вскоре мы подъехали к мельнице, я уловил чувство облегчения у Розалинды и понял, что она где-то рядом — чуть-чуть впереди нас. Мы опять пустились рысью, и вскоре я услышал впереди хруст ветвей. Я поехал на этот звук и увидел Розалинду, поджидавшую нас, да не одну, а с парой гигантских лошадей ее отца. На спине у каждого из громадных животных, возвышавшихся над нами, как башни, были по две большие корзины. Розалинда стояла в одной из корзин с натянутым луком наготове.

Я подъехал ближе, и она наклонилась посмотреть, что я с собой прихватил.

— Давай сюда одеяла. Что там у тебя в сумке? — спросила она. — Это все, что ты успел взять? — В тоне ее чувствовался укор.

— У меня не было времени на сборы.

Она быстро устроила из моих одеял что-то вроде мягкого седла между двумя корзинами. Я поднял Петру над головой так, чтобы она дотянулась до рук Розалинды, а та усадила ее на одеяла.

— Мы с ней будем здесь, — сказала Розалинда, — а для тебя есть место с другой стороны — в левой корзине. Оттуда можно стрелять с левой руки.

Она ловко бросила из своей корзины на спину громадной лошади что-то вроде веревочного стремена, и оно повисло на крупе животного так, что я, хотя и с трудом, мог дотянуться до него. Я слез с Шебы, повернул ее мордой к дому и шлепнул по задку. Она тотчас же ускакала. Потом я осторожно влез в корзину, и, как только я вынул ногу из самодельного стремена, Розалинда быстро втянула его вверх. Потом она взяла в руки повод, и, прежде чем я устроился в своей корзине, мы рывком тронулись с места.

Некоторое время мы ехали рысью по широкой проторенной дороге, а потом свернули на более узкую, вдоль ручья. Там, где ручей пересекался с другим, мы снова повернули и поехали вдоль второго ручья. Проехав полмили, мы опять свернули и двинулись вдоль третьего ручья, и так повторялось еще несколько раз,

пока земля под копытами лошадей не стала тверже. Копыта зацокали по камням, и я понял, что у Розалинды был заранее продуманный маршрут, залупывающий наши следы. Вероятно, эта мысль донеслась до нее. Она сразу отозвалась, причем несколько холодно:

— Жаль, что ты спал вместо того, чтобы хоть немножко поразмыслить о нашем будущем.

— Я первый узнал, что нам грозит опасность, — стал оправдываться я, — но и думать не мог, что это случится так скоро...

— И поэтому, когда я изо всех сил старалась связаться с тобой, ты преспокойно храпел. Мы с матерью целых два часа набивали эти чертовы корзины съестным, а ты в это время спал сном праведника!

— С матерью? — переспросил я. — Она что, знает?!

— Кое-что знает, а кое о чем давно догадывалась. Не знаю, правда, что она обо всем этом думает, мы никогда с ней об этом не говорили... Может, ей казалось, что если молчать и делать вид, что все нормально, то этого как бы и нет... Словом, когда я вечером сказала, что, возможно, мне придется срочно уехать, она не удивилась... Только расплакалась. У меня такое чувство, что она исподволь давно готовила себя к тому, что в один прекрасный день ей придется помочь мне скрыться... Когда этот день настал, она помогла...

Я стал думать об этом и никак не мог представить себе свою мать, делающую то же самое ради Петры. А ведь она плакала тайком, когда выгнала тетю Харриет... А та и вовсе была готова на преступление ради дочки... Как, впрочем, и мать Софи...

Я ехал и думал о том, что сейчас чувствует моя мать... Радует ли она втайне, что я увез Петру, или сожалеет об этом?

Мы по-прежнему петляли по заранее намеченному Розалиндой пути. Камней и ручейков под копытами лошадей становилось все больше, пока мы наконец не выехали на берег реки и не повернули к лесу. Еще давным-давно мы условились в случае побега пробираться к юго-западу. Здесь нам можно было почти не опасаться, что кто-то нападет на след лошадей-гигантов. В этом направлении мы и двинулись, пока не начало рассветать. Тогда мы въехали в самую чащу, нашли там поляну с сочной травой для лошадей и распрягли их, чтобы они могли поспать. Сами мы позавтракали хлебом с сыром. Розалинда сказала:

— Раз уж ты так хорошо выспался, сейчас твоя очередь бодрствовать.

Они с Петрой устроились поудобнее в одеялах и почти сразу заснули. Я присел на землю, положил лук на колени и с полдюжины стрел под правую руку. Кроме пения птиц да треска сучьев под лапами какою-нибудь зверька, да еще неторопливого хрюканья лошадей, ничего кругом не было слышно. Взошло солнце, и стало теплее. Время от времени, чтобы не задремать, я вставал и обходил поляну с луком наготове.

Через несколько часов я услышал Мишеля.

— Где вы сейчас? — спросил он меня.

Я объяснил.

— Куда собираетесь двигаться?

— На юго-запад, — сказал я. — Ехать ночью, а днем спать.

Он согласился, что это самое разумное, но добавил:

— Из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеде Джунглей в лесу будет полно дураков с оружием. Не знаю, стоило ли брать этих здоровенных лошадей. Если их кто-нибудь увидит, слух разнесется, как пожар. Одного следа будет достаточно...

— По быстроте они, может, и не лучше обычных, — возразил я, — но зато они намного выносливее.

— Да, это может тебе пригодиться, — подумав, согласился он, — и вообще тебе придется... придется что-то придумать. Если честно, то я даже боюсь загадывать... Правда, про меня и Рэйчел они пока не догадываются. Марк тоже пока вне подозрений... Но они здорово напуганы. Собираются послать за вами погоню. Я постараюсь вызваться в один из отрядов и скажу им, будто слышал, что вы двинулись на юго-восток. Когда они поймут, что ошиблись, Марк постарается увлечь их на северо-запад... Если вас кто-нибудь засечет, ни под каким видом не давай ему уйти. Только без выстрелов! Есть приказ не пользоваться ружьями, и выстрел сразу наведет их на след!

— Да у нас и ружей-то нет, — сказал я.

— Тем лучше, у тебя не будет искушения... Кстати, они-то уверены, что ружье у вас есть...

С самого начала я твердо решил ружей с собой не брать. Бьют они, конечно, дальше, чем стрелы, но стрелы бесшумны и можно успеть выстрелить раз десять, пока ружье перезарядишь хотя бы дважды.

Тут в наш разговор вмешался Марк.

— Я вас слышал, — сказал он, — и наплету им, если будет нужно, про северо-запад.

— Хорошо, только не спеши с этим, пока я не дам тебе знать, — ответил Мишель и снова переключился на меня. — Розалинда спит? Скажи ей, чтобы связалась со мной, когда проснется.

После этого он отключился. Еще несколько часов я бродил с луком по поляне, потом разбудил Розалинду. Петра крепко спала, я лег рядом с ней и через секунду уже спал.

Спал я, наверное, очень чутко, а может, просто случайно услышал во сне Розалинду.

— Я убила его, Мишель!.. Он... он мертв!.. — Мысли ее были путанные и неясные.

— Розалинда, успокойся! — услышал я спокойный голос Мишеля. — У тебя не было другого выхода, слышишь?! Ты должна была это сделать! Пойми, это война! Не на жизнь, а на смерть, и не мы ее начали. У нас есть такое же право жить, как и у них. Ты не должна сейчас терзаться!

— Что случилось? — спросил я, ничего не понимая.

Они или не услышали меня, или просто не захотели отвлекаться. Я огляделся вокруг: Петра по-прежнему мирно спала, лошади паслись неподалеку. Я снова услышал Мишеля.

— Спрячь его, Розалинда! Найди где-нибудь яму, свали его туда и засыпь листьями!

Розалинда сумела побороть тревогу и отчаяние и согласилась с ним. Я встал, подхватил лук и пошел ее искать. Как только я пересек поляну, мне пришло в голову, что Петра осталась без присмотра, и дальше двинуться я не рискнул.

Через несколько минут из чащи, пошатываясь, вышла Розалинда. Она шла очень медленно, еле переставляя ноги и одновременно механически очищая стрелу от чего-то пригоршней листьев.

— Что случилось?! — с тревогой спросил я.

Она, казалось, совершенно потеряла контроль над собой и своими мыслями. В голове у нее был полный сумбур. Подойдя ближе, она сказала мне словами:

— Это был мужчина... Он пошел по следу наших лошадей. Я видела, как он шел по следу... Мишель сказал, чтобы я... Ох, Дэви, я не хотела! Но что мне оставалось делать?!

Ее глаза были полны слез. Я обнял ее и дал ей выплакаться у меня на плече. Чем я мог ее утешить? Только повторить то, что сказал Мишель...

Мы медленно пошли к нашей стоянке, она уселась возле спящей Петры, и я спросил:

— А что с его лошадью? Она убежала?

— Не знаю... Она передернула плечами. — Наверное, она у него была, но, когда я его увидела, он шел пешком...

Я подумал, что надо было бы вернуться и посмотреть: не оставил ли он где-нибудь неподалеку призанную лошадь. Я прошел назад примерно с полмили, но нигде не нашел ни лошади, ни хотя бы следов ее копыт — следы наших гигантов в счет не шли, их нельзя было спутать ни с какими другими. Когда я вернулся к стоянке, Петра уже проснулась и весело болтала с Розалиндой.

Время шло к полудню. От Мишеля и остальных ничего не было слышно. Несмотря на то, что произошло, лучше все-таки было оставаться здесь до темноты, и мы ждали ночи...

Где-то около полудня мы услышали... Это была не мысль, у этого не было очертаний, это была страшная боль, напоминающая об агонии. Петра всколыхнула и с плачем уткнулась Розалинде в колени. Излучаемое страдание было настолько сильным, что причиняло боль и нам. Мы с Розалиндой в страхе смотрели друг на друга, руки у меня дрожали, у нее тоже. Шок был таким сильным, что мы даже не могли разобрать, от кого из наших он исходит.

Через несколько секунд опять повторился всплеск боли, стыда и какого-то полного опустошения, но теперь мы отчетливо уловили, от кого это шло... Без сомнения, это была Кэтрин. Розалинда впиалась ногтями мне в руку, и мы терпели, пока вспышка боли не потускнела и не исчезла совсем.

Через какое-то время мы услышали, Салли. От нее исходили волны любви и сострадания к Кэтрин, смешанные с ужасом. К нам она обращалась и с ужасом, и со стыдом:

— Что они сделали с Кэтрин! Господи, что они с ней сделали!.. Ох, Кэт!.. Вы не должны ее винить, слышите! Не должны... Если бы вы знали, как они ее пытали! Никто из нас не выдержал бы... Она теперь без сознания... Она нас не слышит... Кэт! Кэт, милая!.. — Ее мысли потеряли конкретные очертания и превратились в сгусток боли и отчаяния.

Потом мы услышали Мишеля. Никогда еще в жизни мне не доводилось сталкиваться с такой яростью, хотя он и сдерживался изо всех сил.

— Это война... война! — буквально выдал из себя он, стараясь удержать злобу и ярость. — Рано или поздно я убью тех, кто это сделал! Я не я буду, если не убью!

После этого мы не слышали никого больше часа. За это время мы, как могли, постарались успокоить Петру. Она не много поняла из нашего разговора, но безошибочно уловила боль и страдание Кэтрин. Для ребенка этого было достаточно, чтобы испугаться до смерти.

Через час с лишним мы услышали Салли.

— Кэтрин во всем призналась... во всем. — Она говорила с трудом, словно принуждая себя. — Я... я тоже все подтвердила. Они все равно бы меня заставили. Я... я не могла на это смотреть. Раскаленные иглы!.. И... все остальное... Я не могла! Простите меня! Ради бога, простите нас!..

— Салли, детка,— вмешался Мишель,— вас никто не винит! Ни тебя, ни Кэтрин, поверь мне! Мы... мы все понимаем, но мы должны знать, что вы им сказали. Что они теперь знают?

— Все... Про Дэвида и Розалинду. Они и так были уверены, но хотели, чтобы мы подтвердили...

— А про Петру?

— Да... Ох, Петра!— Мы остро почувствовали ее угрызения совести, как будто они были нашими.— Мы не могли иначе!.. Если бы вы только видели!.. Бедная девочка... Но они и так знали... Ведь только поэтому Дэвид и Розалинда могли взять ее с собой. Нам было не отвертеться!..

— Что еще?

— Ничего. Больше ничего. Мы сказали, что это все, и они нам, кажется, поверили. Они все еще спрашивают нас. Хотят узнать больше... Понять, как это у нас получается... Да, еще они хотят знать, на каком расстоянии это действует. Я сказала, что не больше пяти миль... Сказала, что даже вблизи очень трудно понимать чужие мысли... Кэт... Кэт пришла в сознание, но она не может с вами говорить... Если бы вы ее видели!.. Ох, Кэт! Бедняжка!.. Ее ноги!.. Мишель! Если бы ты только видел ее ноги!..

Ее мысли опять стали сбивчивы, расплылись, осталось одно отчаяние, но и оно вскоре исчезло. Мы молчали. Нам было очень больно. Если бы мы узнали все со слов!.. Слова можно подобрать, обдумать и только потом произнести... Но мы узнали напрямую... Мы были связаны между собой, и больно было всем...

4

Солнце заходило, и мы начали потихоньку собираться, когда услышали Мишеля.

— Слушайте,— сказал он,— они в дикой панике. Мы их здорово напугали. Обычно... если кто-то с отклонением убегает прочь из округа, местные власти на этом успокаиваются. Им ведь только важно, чтобы в округе все было чисто, а на остальные места им наплевать. Кроме того, беглецу все равно куда не скрывается — везде потребуют Метрику или устроят тщательный осмотр, так что рано или поздно он все равно попадет в Джунгли. Но с нами дело обстоит иначе. Их страшно напугало, что это нельзя разглядеть. Двадцать лет мы жили среди них, не вызывая никаких подозрений. Значит, мы и в других местах можем сойти за НОРМУ. Они повсюду разослали депеши, официально объявляющие вас отклонениями. Это значит, что вы — вне закона. Вы не люди и, стало быть, не вправе рассчитывать на чью бы то ни было жалость. Каждый, кто хоть чем-то поможет вам, совершит тем самым преступление. И каждый, кто скроет ваше местонахождение, тоже будет наказан по закону... По их закону... Практически это значит, что любой встречный может запросто пристрелить вас. Назначена даже небольшая награда за вас — мертвых. Но куда большая награда обещана тем, кто возьмет вас живыми.

— Я не понимаю,— помолчал, сказала Розалинда.— Если мы пообещаем уйти отсюда и никогда не возвращаться...

— Они нас боятся! — перебил ее Мишель.— Они хотят узнать, как мы это делаем. Поэтому мы и нужны живые. И дело тут вовсе не в правильном или неправильном образе и подобию, хотя формально они прикрываются этим... Но на самом деле они понимают, что мы для них опасны... Ну, представь себе, что таких, как мы, гораздо больше и все мы можем говорить друг с другом без их возни со словами, записками, письмами... Мы же сможем со временем просто вытеснить их. Конечно, им это не нравится. Потому они и стремятся во что бы то ни стало уничтожить нас. Для них это вопрос жизни и смерти... Или мы, или они... И знаете, может, это вас и удивит, но... По-своему они правы...

— Они... Они убьют Кэт и Салли? — вырвалось произвольно у Розалинды. Затаив дыхание мы стали ждать ответа от кого-нибудь из девушек. Но те не отвечали. Может быть, они просто закрылись от нас, может, были без сознания, а может быть... уже мертвы... Последнее предположение Мишель после короткого раздумья отверг.

— Вряд ли они сделают это сейчас, когда те уже у них в руках. Это может вызвать недовольство у людей. Одно дело объявить отклонением новорожденного из-за какого-то видимого дефекта, и совсем другое — мы. Тут все сложнее. Людям, которые многие годы принимали девушек за НОРМУ, трудно будет переварить такое. Если их убьют, многие станут сомневаться в справедливости закона... Ведь получится, что они объявлены отклонениями как бы задним числом.

— Но нас-то они наверняка убьют? — спросила Розалинда.

— Вы ведь еще не схвачены. Вы совершили побег, и вы среди чужих. Для всех чужих вы просто сбежавшие монстры...

Пожалуй, он был прав. Мы молчали. Через некоторое время Мишель спросил:

— Куда вы собираетесь ехать?

— На юго-запад, как и решили,— ответил я.— Вообще-то мы собирались остановиться где-нибудь в Неожитой земле. Но теперь, когда каждый случайный встречный, любой охотник может застрелить нас без

всяких разговоров, думаю, нам придется идти в Джунгли.

— Я тоже думаю, что другого выхода нет,— сказал он.— Если вы сумеете переждать там какое-то время, может быть, мы сумеем распустить слух о вашей гибели. Завтра я уйду с поисковой группой на юго-восток и сразу дам вам знать, что там происходит. А пока, если вы на кого-нибудь наткнетесь, не ждите — стреляйте первыми!

На том мы и порешили. Розалинда закончила сборы, и мы стали устраивать корзины поудобнее. Наконец мы уехали — я опять в левую, а Розалинда с Петрой в правую — и тронулись. Петра, как-то необычно притихшая во время сборов, неожиданно разразилась слезами.

Оказалось, она ни за что не хотела ехать в Джунгли — боялась Старуху Мэгги и Волосатого Джека — страшилищ, которыми у нас запугивали непослушных детей, чтобы они не отходили далеко от дома. Мы-то понимали, что все это сказки, но и нам было не так уж легко отрешиться от всего, что нам внушали в детстве. Да и что мы, по сути дела, знали про те места, куда держали путь? Все это невозможно было скрыть от Петры, и она продолжала излучать страх и отчаяние. Но то ли она уже научилась немножко сдерживаться, то ли мы сами научились создавать своего рода барьер от ее страшных всплесков. И все же удивительная сила ее передач дала себя знать. Лишь через полчаса Розалинде удалось ее утешить, и в наступившей тишине мы услышали Мишеля.

— Ну что там с ней опять? — раздраженно спросил он.

Мы объяснили ему, в чем дело, и мгновенно погасив свое раздражение, он в очень простых и понятных «картинках» стал рассказывать Петре, какое тихое и спокойное место Джунгли. Там, говорил он ей, живут люди, которым просто не повезло. Некоторые из них и вправду выглядят немножко странно, но они же в этом не виноваты, поэтому их нужно жалеть, а вовсе не бояться. Это не так уж и важно, как люди выглядят снаружи, ко всему можно привыкнуть со временем, и... Тут вдруг Петра неожиданно прервала его.

— Кто еще сейчас говорит? — задала она вопрос нам всем.

— Кто говорит? Ты... о чем это? — не понял Мишель. — Я слышу кого-то... Какой-то голос, он другой!.. Он смешивается с твоим, Мишель... — сказала она.

5

Все замолчали и прислушались. Я напрягся изо всех сил, но ничего не услышал. Другие, кажется, тоже. — Ни черта не слышу, — сказал Мишель. — Да и кто...

Петра мысленно прикрикнула на всех. На словах это прозвучало бы как «заткнитесь». Мы «заткнулись». Я посмотрел на корзину, в которой сидела Розалинда. Она обнимала Петру за плечи и внимательно гляделась ей в глаза. Петра сидела зажмурившись, вся напряженная. Наконец она чуть-чуть расслабилась.

— Ну? Что там было? Что... ты слышала? — спросила Розалинда.

— Кто-то спрашивал меня... какая-то женщина... мысли Петры были не очень ясные, в них сквозило удивление и растерянность,— где-то очень-очень далеко... Она сказала, что уже давно слышит мой страх. Она хочет знать, кто я и... где я нахожусь... Сказать ей?

Мы все тоже растерялись. Первым оправился от изумления Мишель.

— Ладно, Петра,— сказал он,— попробуй сказать ей...

— Но мне придется говорить очень громко,— предупредила нас Петра,— ведь она... та женщина... очень-очень далеко отсюда...

Это и впрямь было громко. Если бы она нас не предупредила и мы не успели «закрыться», наши мозги просто расплавились бы. Передача Петры была очень простая, но такой силы... От Мишеля донесся сдавленный стон, на который Петра немедленно отреагировала своим «заткнись». После этого была пауза, а потом еще один оглушительный «сеанс». Когда все стихло, Мишель спросил:

— Ну? Где она... эта твоя женщина?

— Там,— сказала Петра и махнула рукой.

— А, черт! Где там? Узнайте вы у нее!

— Она показывает на юго-запад,— сказал я.

— Петра, детка, а ты спросила, как называется то место, где она... ну, эта женщина живет? — ласково обратилась к Петре Розалинда.

— Я спросила, но это название... оно ничего не значит... словами ответила ей Петра.— Я ничего не поняла, кроме того, что там много воды... Она тоже не поняла, где я нахожусь.

— Попроси ее передать по буквам,— предложила Розалинда.

— Но я же не знаю букв! — Петра чуть не плакала.

— Что же нам делать? — с тоской прошептала Розалинда. Вдруг ее осенило! — Петра, детка, я... сейчас нарисую тебе буквы, одну за другой, а ты передашь эти картинки ей, ладно?

Петра подумала и кивнула.

— Приготовьтесь! — скомандовала нам Розалинда.— Сейчас начнется!

Она мысленно нарисовала букву «Л», и Петра тут же передала эту букву с оглушительной силой. Розалинда нарисовала «А» и так далее, пока не закончила слово. Петра сказала:

— Она поняла. Но она не знает, где находится этот самый Лабрадор. Она попробует узнать, и еще она хочет передать по буквам свое название... Ну, там, где она живет, но я сказала, что у нас так ничего не получится...

— Получится, родная. Смотри, ты примешь картинку от нее и передашь нам, только потихоньку, я прошу тебя! Так, чтобы мы не оглохли!

Первая буква оказалась «З». Мы были разочарованы.

— Где это может быть? — заговорили все разом.

— Должно быть, она перепутала! Это, наверное, «С», — сказал Мишель.

— Нет, не «С», а «З»! И ничего я не путала! — Петра опять чуть не плакала.

— Не обращай на них внимания, детка,— сказала Розалинда.— У тебя здорово получается, давай дальше.

Когда все слово получилось целиком, Мишель сказал:

— Все остальные буквы правильные, наверное, это все-таки Селандия...

— Первая буква «З», а не «С», — упрямо твердила Петра.

— Но, родная,— вмешалась Розалинда,— ведь тогда получается бессмыслица. А «Селандия»¹ — это место, где много моря, понимаешь? Земля посреди воды...

— Вообще-то Аксель говорил, что морей... вообще воды на земле гораздо больше, чем мы привыкли думать... неуверенно протянул я.— Но даже если так...

Я не успел закончить, как нас неожиданно оглушила Петра, по собственной инициативе связавшаяся с неизвестной женщиной. Когда «сеанс» закончился, она торжествующе объявила:

— Говорила я вам, что «З»! Она объяснила, что буква звучит так, будто... Ну, как пчела делает...

— Ладно,— примирительно сказал ей Мишель.— Ты права. А теперь спроси ее, есть ли там у них море?

— Есть! — через некоторое время (пока мы все сидели, образно говоря, заткнув уши) воскликнула Петра.— Там... две земли... два куска... А вокруг — одно море. А еще там... солнце светит все время, и днем, и ночью, и... все вокруг голубое-голубое...

— Ночью солнце? — переспросил Мишель.— Да это сумасшедшая какая-то!

— Там у них нет ночи... Она показала мне,— перебила его Петра,— понимаешь? Показала... Там много домов, только не таких, как в Вакуке, а больших-больших. И еще там такие смешные повозки... без лошадей. И такие штуки в воздухе... с такими... наверху... Она вдруг передала «картинку».

Пораженный, я узнал один из моих детских, давно забытых снов и повторил «картинку» более отчетливо.

— Во-во, точно такая! — обрадовалась Петра.

— Это что-то уж совсем непонятное,— пробормотал Мишель.— Слушай, Дэви, а ты-то, черт возьми, откуда это знаешь?

— Пусть Петра выудит из них все, что сможет,— прервал я его,— а уж потом мы все как следует обсудим.

Мы опять «зажали уши» и постарались отгородиться от очередного «сеанса». Петра вошла во вкус, и в головах у нас одна за другой взрывались «молнии» и стоял дикий «грохот»...

¹ Sealand — (букв.) Морская земля.

Ехали мы тем временем медленно, избегая проезжих дорог, продираясь сквозь чащобы. Луки мы держали наготове, не столько опасаясь людей в этой глухомани, сколько боялись наткнуться на какого-нибудь дикого зверя. К счастью, мы повстречали лишь одного, да и тот, почуяв нас, дал деру. Наверное, его испугали громадные лошади...

Летние ночи в здешних местах короткие, и с первыми же лучами солнца мы остановились на небольшой полянке. Расседлывать лошадей мы не стали — не стоило тратить времени и стаскивать тяжелые корзины. Если бы нас захватили врасплох, пришлось бы оставить их тут, а в них была вся наша еда и одежда.

Пока мы ели, я потихоньку расспрашивал Петру о «картинках», которые показывала ей ее неизвестная подруга. Чем больше она мне рассказывала, тем яснее я узнавал свои детские сны. Все сходилось до мелочей... Было странно и удивительно узнавать, что я не просто мечтал о никогда не существовавшем Городе Древних, а видел место, которое и впрямь есть на Земле. Пусть где-то очень далеко, но есть. Правда, Петра быстро устала, и я решил пока не мучить ее расспросами, а дать им с Розалиндой поспать.

Как только рассвело, я услышал Мишеля.

— Они напали на ваш след, Дэви! Собака нашла того парня, которого застрелила Розалинда... И они увидели следы ваших лошадей... Наш отряд поворачивает на юго-запад, так что двигай дальше! Где вы сейчас?

Я мог ответить лишь приблизительно, что мы где-то неподалеку от Диких лесов.

— Давай быстрее! Не теряй времени! — повторил он. — Они отрежут вас от Дикого леса, и тогда!..

Он был прав. Я разбудил Розалинду, и минут через десять мы тронулись. Петра дремала на одеялах.

Теперь было уже не до того, чтобы выбирать окольные пути. Мы выехали на первую попавшуюся дорогу, ведущую к югу, и пустили лошадей рысью. Миль десять мы проехали спокойно, без всяких приключений, пока не столкнулись нос к носу с человеком, скакавшим во весь опор прямо на нас. Увидели мы друг друга одновременно, когда между нами оставалось метров тридцать, не больше...

Глава тринадцатая

1

Он ни секунды не сомневался в том, кто мы такие. Едва увидев нас, он тотчас же потянулся к луку. Прежде чем он успел натянуть тетиву, мы с Розалиндой выстрелили.

Нам никогда еще не приходилось стрелять с такой высоты, и обе наши стрелы просвистели у него над головой. Его стрела задела голову одной из наших лошадей. Во второй раз я снова промахнулся, но Розалинда угодила его лошади прямо в грудь. Та взвилась на дыбы, едва не сбросив седока, повернулась и с громким ржанием понеслась от нас прочь. Я выстрелил им вслед и угодил лошади в ляжку. Она резко дернулась в сторону, всадник вылетел из седла прямо на дорогу. Лошадь помчалась в чащу.

Мы проехали мимо валявшегося на дороге человека, даже не поглядев в его сторону. Он проворно отполз с дороги, когда громадные копыта поравнялись с ним, и последнее, что я видел, как он сидел на земле, ошупывая ушибленную голову и грудь. Самое поганое во всем случившемся было то, что теперь впереди нас летела сломанная голова раненая и загнанная лошадь.

Через несколько миль лес неожиданно кончился, и мы выехали на какое-то засеянное поле. Примерно с миллю, если не больше, мы ехали по этому полю, пока снова не замелькали по бокам деревья. Почти вся земля вокруг была занята под огороженные пастбища. За изгородями паслись овцы, но людей не было видно. На одном из полей мы увидели молодые всходы. По виду они походили на овес, но такой странный, что будь это поле у нас в Вакнуке, оно давно уже было бы выжжено. Это могло означать только одно: по-видимому, мы уже были в Диких местах, где на подобные отклонения смотрят сквозь пальцы.

Дорога, по которой мы ехали, спускалась вниз с откоса к небольшой ферме, более чистенькой и аккуратной, чем несколько разбросанных там и сям крыш и изгородей. Во дворе фермы мы увидели четырех женщин и нескольких мужчин, окруживших взмыленную гнедую лошадь. Мы сразу поняли, что это была за лошадь: из ляжки у нее торчала стрела, и все собравшиеся вокруг нее оживленно размахивали руками. Мы двинулись прямо на них, пока они еще не успели сообразить, в чем дело, и схватиться за луки. Они были так увлечены лошадью, что увидели нас, когда мы были уже совсем рядом. Один из них повернул голову в нашу сторону, что-то сказал остальным, и все, как по команде, уставились на нас. Наверное, они никогда не видели таких громадных лошадей, потому что долго стояли в немом изумлении. Первой среагировала раненная мною гнедая кобыла: она захрапела, встала на дыбы и попятилась. Нам не было нужды стрелять: все мгновенно исчезло за изгородями и дверями домов, и мы беспрепятственно пересекли двор.

Дорога сворачивала налево, но Розалинда правила напрямик к ближайшему лесу. То и дело раздавались

треск и хруст разрушаемых нами маленьких построек, но мы ехали напролом, оставляя позади развороченные доски и щепки от изгородей. У самого леса я оглянулся: все жители поселка высыпали во двор и, размахивая руками, шумно галдели, глядя нам вслед.

Через три или четыре мили мы выехали на открытую равнину. Такое я видел впервые... Вся равнина была покрыта кустами, зарослями травы и папоротника. Но все эти растения были огромны, с широченными листьями. Трава достигала необычайных размеров: кое-где ее острые концы раскачивались метрах в трех от земли. Некоторое время мы продирались сквозь эти страшные заросли все дальше на юго-запад, пока не добрались до следующего леса. Деревья тут тоже были громадные, и среди них легко было затеряться. Вскоре мы нашли поляну с более или менее обычной травой и решили хоть чуть-чуть отдохнуть.

Я слез с лошади, Розалинда расстелила одеяла, и мы немного поели. Все было тихо, как вдруг Петра без всякого предупреждения опять начала «сванс», так что я от неожиданности прикусил язык. Розалинда зажмурилась и прижала ко лбу ладонь.

— Ради всего святого!.. Детка!..

— Ой, я забыла! — спохватилась Петра.

Она посидела еще минуты две, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, и объявила:

— Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас. Она говорит, чтобы вы все сосредоточились, а она попробует вас достать.

— Хорошо, родная, только ты уж, пожалуйста, помолчи, — сказала Розалинда, — а то мы все оглохнем.

Я напрягся изо всех сил, раскрылся, как только мог, но ничего не услышал.

— Нет, не выходит, — вздохнул я. — Скажи ей, что у нас ничего не получается. Эй, все, берегитесь!

С трудом мы перетерпели несколько секунд, а потом Петра, слегка умерив свой «голос», стала пересказывать нам то, что услышала оттуда. Мысли были очень простые: ей передавали только то, что она могла воспроизвести, не слишком вникая в смысл. Одно и то же повторялось несколько раз — там хотели знать наверняка, что мы поняли их... Трудно объяснить словами то, что дошло до нас. Но главное мы уловили.

Речь шла в основном о Петре. Она, как мы поняли, представляла для них особую ценность. В любом случае, любой ценой Петру надо было уберечь. О такой силе мысли, которой обладала она, там никто не слышал. Петра была находкой, терять ее было нельзя ни в коем случае. Помощь уже в пути, но пока они не придут за нами, мы должны во что бы то ни стало сохранить в целостности Петру...

Было еще много другого, не все мы поняли, но главным было вот это — насчет Петры.

— Ну как? — спросил я, когда Петра закончила.

— Тут что-то не сходится, — задумчиво сказал Мишель. — Конечно, силу Петры не сравнить с нашей... Но ведь она... эта женщина сказала, что их всех поражает такая способность у примитивных людей! Вы обратили на это внимание? Похоже, что под примитивными она подразумевала нас!

— Ну да, — сказала Розалинда. — И я так поняла!

— Может быть, Петра перепутала и сказала им, что мы из Джунглей? — предположил я, и тут же в голове у меня сверкнуло и бухнуло от возмущенного всплеска Петры. Я мужественно переждал, пока не пройдет головокружение, и сказал: — Что касается помощи, то тут тоже, видимо, какая-то путаница. Ведь они находятся где-то на юго-западе, а всем известно, что там сотни миль Плохой земли. Даже если предположить, что Плохая земля где-то кончается, им придется пересечь ее, чтобы добраться до нас.

— Что тут болтать попусту, — сказала Розалинда, — Петра передала нам все, что могла... Так или иначе вскоре это прояснится... И вообще я хочу спать, — закончила она.

Я тоже дико хотел спать, и, поскольку Петра часов шесть мирно проспала в корзине, мы велели ей внимательно глядеть по сторонам и разбудить нас, как только она заметит что-нибудь подозрительное.

2

Я проснулся оттого, что Петра трясла меня за плечо, и увидел, что солнце уже почти зашло.

— Это Мишель! — сказала Петра.

Я стал слушать.

— Они снова напали на ваш след, — сказал Мишель, — маленькая ферма на границе с Дикой землей... Вы проехали через нее, помнишь? Так вот, они сколотили отряд и станут вас преследовать, как только рассветет. Немедленно двигайтесь дальше. Не знаю точно, но впереди могут быть еще несколько отрядов с запада. Они хотят отрезать вас от Джунглей. Если это так, бьюсь об заклад, что ночью они разобьются на несколько небольших отрядов. Они не станут рисковать и двигаться цепью, по одному — они ведь знают, что люди из Джунглей рыщут где-то неподалеку. Так что у вас есть шанс проскочить...

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Окончание следует.

Читайте в ближайших номерах:

Диалог с молодым человеком.

Выбираем делегатов XX съезда комсомола.

Жизнь и подвиг капитана Седова.

«Почему я одинок?» Кто ответит нашему читателю?

Как трудно быть Марадоной! Признания лучшего футболиста мира.

Василий Росляков. Слово о Гете.

В нашем музыкальном клубе: как играть «металл»?

Диагноз: токсикоман!

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Как произведение искусства шахматная задача должна удовлетворять и определенным художественным требованиям. Наиболее существенные из них — выразительность замысла, красота решения и экономичность формы.

Выразительность замысла достигается повторением идеи в нескольких аналогичных вариантах; ложными следами, подчеркивающими идейную игру; геометрически четкими маневрами белых и черных фигур в тематических вариантах; отсутствием посторонних, технических вариантов, затемняющих авторский замысел. В случае, если технических вариантов не удается избежать, необходимо, чтобы идейные варианты явно выделялись интересным содержанием и тонкой игрой.

Пятый тур

Белые: Крd7, Фb8, Сс7 (3)
Черные: Крh5, пп. g5, g6, h6 (4)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крд6, Фа6, п. d2 (3)
Черные: Крд4, Сh7, пп. a5, d3 (4)
Мат в 3 хода (3 балла)

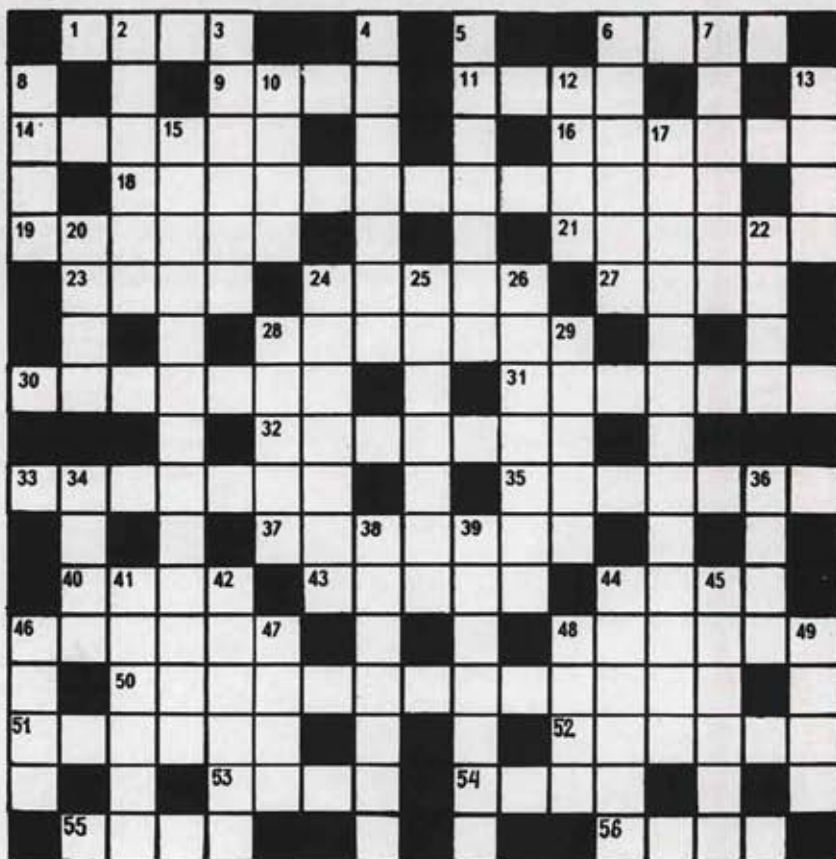

Белые: Кре6, Лс3, Кd5, п. g2 (4)
Черные: Кре4 (1)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада, 5-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 мая.

КРОССВОРД победителя конкурса кроссвордистов-86

Составил Л. Бирюк, пос. Новоозерное Крымской области

По горизонтали:

1. Печаль — радость, ... — пафос. 6. Представитель европейского народа, свою родину называющий Эускади. 9. Художество мороза на оконном стекле. 11. Казачья атака. 14. Героиня в романе французского современника И. С. Тургенева, о которой он не раз говорил. 16. Река бассейна Гвадианы. 18. Параллельный горизонту малый круг небесной сферы. 19. Яд для протравки семян. 21. Русская мера (36—48 сантиметров). 23. Речной изгиб. 24. Киргизский трехструнный инструмент. 27. Планка для временного крепления снастей на судне, шлюпке. 28. «Елизавета» — первый (1815 год) русский... 30. Кит, способный своим звукоизлучателем оглушать и даже убивать рыбу. 31. Название заирской части реки Конго. 32. Левая часть шестка в русской печи для горячих углей.

33. Обезьяна с голубыми щеками и оранжевой бородой. 35. «Вдова рабочего человека Пелагея...» (М. Горький). 37. Яма от взрыва бомбы. 40. Газ, взрывающийся при соприкосновении со снегом. 43. Абхазский писатель, автор «Сказания об Омаре Хайяме». 44. Немецкий климатолог, считавший, что погода — результат взаимодействия экваториальных и полярных течений. 46. Кит со спирально закрученным бивнем. 48. Самый быстрый зверь-спринтер. 50. Наука, изучающая развитие знаний о прошлом. 51. Учредитель французской литературной премии. 52. Аорта, у озера (стечение гласных). 53. Есть ..., да в суме (поговорка). 54. Катар — ..., Кувейт — динар. 55. Муж и жена. 56. Рыба, которая есть в реках Сибири, кроме впадающих в Тихий океан.

По вертикали:

2. Островное государство со столицей Фунафути. 3. Химический элемент, важнейший минерал которого — антимонит. 4. «Фордзон-Путиловец» (машина). 5. Лесной голубь, селящийся обычно в дуплах черных дятлов. 6. Самый северный мыс Аляски. 7. Застывший кусок расплавленного металла. 8. Безгловая южная птица с серповидным клювом. 10. Время цветения чая на Кавказе. 12. «Тринадцатый ...» — стихотворение Бендера в «Золотом теленке». 13. Самый близкий человек. 15. Днепрпетровск до 1926 года — Екатеринослав, Запорожье до 1921-го — ... 17. Раздел криминалистики. 20. Пристань на Западной Двине. 22. Город на юге Франции. 24. Перечень, реестр. 25. Спортивная игра, детище нашего века.

26. Анна Каренина по отношению к Дарье (Долли) Облонской. 28. Одно из русских названий добычи, корысти. 29. ЦСКА — СССР, ... — ЧССР. 34. Инструмент, под аккомпанемент которого поет романс Молодой цыган в опере С. Рахманинова «Алеко». 36. Расположение орудий батареи для стрельбы по одной цели. 38. Река, связанная с именем Цезаря. 39. Горный массив на юге Индии. 41. Французская фехтовальщица, чемпионка Московской Олимпиады. 42. Девичья башня — Баку, ... — Таллин. 44. Ущелье. 45. Работа скульптора. 46. Кондитерское изделие из орехов. 47. Долгопят, индри, лемур, ..., руконожка, тупаяя. 48. Древний город на средиземноморском побережье. 49. Варенье, ..., конфитор, мармелад.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. ...черед... 5. Эксод. 9. Воля... 10. Игмас. 12. ...Иран. 14. Альбом. 15. Хиба-ра. 16. Лань. 17. Омоки. 20. Утин. 21. Творило. 23. Саксе. 26. Борис... 29. ...водооборот... 30. Буер. 31. Рами. 32. Черепанов. 33. Приам. 35. Нажим. 38. Альпака. 42. Рута. 45. Осада. 46. Гунн. 48. Свинец. 49. Буртик. 50. Тано. 51. Искра. 52. «Аида». 53. ...ладья. 54. Нанка.

По вертикали:

1. Чола. 2. Ельник. 3. Рябь. 4. Димов. 5. Эсхил. 6. Сибу. 7. Оратор. 8. Дари. 9. ...вальс. 11. Моор. 13. Нанос. 18. Моно-рельс. 19. Кировабат. 21. Теорема. 22. Оборона. 24. Амбар. 25. Свеча. 27. Отава. 28. ...икили. 33. ...перст. 34. Истина. 36. Жгутик. 37. ...манка. 39. Лоция. 40. Паук. 41. Кабан. 43. Увал. 44. Анод. 46. Гран. 47. Нида.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1436)

март 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ.

Редколлегия:
Валерий ВИНУКUROV
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
250-29-39 — коммунистического воспитания;
251-32-84 — фотоочерка;
212-21-38 — военно-спортивный;
212-13-19 — международной жизни;
251-04-10 — литературы и искусства;
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.02.87.
Подписано к печати 16.02.87.
А 05031. Формат 70x108¹/₈.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 652. Заказ № 171.
Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

ИГОРЬ САРУХАНОВ

На фирме «Мелодия» готовится к выходу в свет первый сольный диск-гигант Игоря Саруханова «Если нам по пути», где он представлен не только как автор музыки, стихов, но и как исполнитель.

Детские интересы Игоря Саруханова пролегли далеко от музыки. В музыкальную школу он попал, можно сказать, не по своей, а по родительской воле. Как он считает сейчас, ему все-таки повезло, что фортепьянные, скрипичные и другие классы уже были заполнены. Оставалось место только в классе гитары.

Оттремел выпускной бал. Что впереди? Наверное, не всегда в таком возрасте можно четко определить, что тебе нужно в этой жизни. Игорь поступил в институт химического машиностроения. С одной стороны — алгоритмы, высшая математика, лекции, с другой — ноты, концерты. Что перевесит? Для разрешения этого вопроса потребовалось больше года. Принятое им самостоятельное решение было окончательным и бесповоротным — он уходит из института и начинает серьезно заниматься музыкой. Этот момент совпал с призывом в армию, где и определилась правильность выбранного пути. Местом службы стал Ансамбль песни и пляски ордена Ленина Московского военного округа.

Если проследить творческий путь Игоря Саруханова в хронологической последовательности, то сразу после службы он — лидер-гитарист и вокалист сначала в ансамбле «Синяя птица», потом в группе Стаса Намина, группе «Круг». Это было время нескончаемых гастролей, и это было время познания себя в музыке, оттачивания исполнительского мастерства вокалиста и инструменталиста. Юношеская тяга к самовыражению через сочинительство обрела конкретные знания, навыки. Он серьезно занимался композицией. Это особенно ярко проявилось во время работы в группе «Круг». Ну, а вершиной признания в ту пору его, как автора-песенника, стала композиция «Позади крутой поворот», исполненная Анне Вески в Сопоте и занявшая призовое место.

Успех окрыляет. Но он и обязывает доказывать, в первую очередь себе, что это не случайность. Легко написать: доказать. А вот как все происходит... Сомнения, ошибки, восторги, разочарования, скомканные клавиры и разорванные партитуры. А результатом этих мучительных поисков своего лица стали песни «Московский простор», «Маскарад», «Слово в слово», «Амсты» и другие.

Чем привлекают его композиции? В первую очередь своей мелодичностью, перекликающейся с классическим неаполитанским стилем. Скорее это отголосок классической школы игры на гитаре.

Доказательства успеха могут быть разные. Но одно из них, самое объективное, — когда единожды прозвучавшая по радио или телевидению песня становится любимой. Так стало с «Московским простором», написанной к фестивалю молодежи и студентов в Москве.

